

## ЛАВИНА НА ЛАВИНУ

Несколько недель за обзорным стеклом непроглядная тьма. Человеческий глаз не способен воспринимать цветное многообразие космоса, мы видим лишь россыпь искрящихся звезд. Но уже на второй или третий день ты перестаешь замечать их. Остается лишь тьма. Бесконечная, необозримая тьма, сквозь которую мы мчимся в неизвестность.

Хэлг хороший пилот. У него получается обходить эйнерские эскадры. Мы мелькаем на их радарх лишь бледной точкой, чтобы тут же исчезнуть. Но с приближением к солнечной системе появляются патрули менсо и от них мы уже не пытаемся скрыться. Нельзя прятаться от тех, к кому пришел с миром. Устаю считать — сколько раз ложимся в дрейф для досмотра, проверки корабля. Нас неизменно отпускают, разрешая продолжить путь. Двое безоружных акци, бегущих от нашествия эйнеров — мы не представляем угрозы.

На подступах к Земле столпотворение. Иногда приходится ждать по часу и больше, чтобы дали зеленый свет, чтобы продвинуться вперед хоть немного, а потом снова лечь в дрейф. Гражданские суда, несколькими потоками стягивающиеся к метрополии от внешних миров, создают помехи для боевых кораблей. Люди и компьютеры в диспетчерских сходят с ума, но Земля никому не препятствует, пропускает всех. Пока пропускает.

В кажущихся стройными боевых эскадрах чувствуется нервозность: они то и дело перестраиваются, меняют положение, отдельные корабли отделяются от своих группировок, чтобы присоединиться к другим или вернуться к своей, но уже с другой стороны. Менсо готовятся защищать главный рубеж, принять последний бой.

Маленьким кораблям еще разрешают садиться на поверхность планеты, и мы, выстояв многочасовую очередь, сваливаемся с орбиты, чтобы начать снижение по узкому воздушному коридору, от которого не имеем права отклоняться. К счастью, нам дано разрешение сесть именно в том порту, который я разыскала в общедоступных лоциях: северный регион большой страны, границы которой в этом веке весьма условны.

Несколько минут на спуск... Растущие перегрузки... И вот — эталонная сила притяжения, которую менсо называют «один жэ». Наш корабль замирает, качнувшись на коротких лапах амортизаторов.

Там, в пространстве, оккупированном эйнерами, я боялась оставить хоть какой-то след от информации, хранившейся у меня в голове, рассказанной однажды Андреем. Только сейчас достаю блокнот, вырываю страницу, чтобы записать название улицы, номер дома.

— Это хорошо, что на границе системы не пришлось торчать еще день или два, — ворчит Хэлг, отстегиваясь от противоперегрузочного кресла, — А то пилотские сухпайки менсо мне уже поперек горла!

— Скажи спасибо, что хоть они были на корабле, — я складываю клочок бумаги вчетверо, убираю его в карман. Смысла в этом немного — адрес выучила наизусть — но теперь какая-то часть моего сознания расслабляется, освобождается от необходимости оберегать важные сведения. Важные ли? Может, только для меня.

Распахнув люк, мы спрыгиваем на плиты взлетно-посадочной площадки. Высоко над головой светит солнце, небо безоблачное и теплый ветерок шевелит мои волосы, которые снова начали отрастать.

— Туда, — показывает рукой Хэлг.

— Вижу. Идем!

Называть это поселение городом было бы слишком громко. Оно даже меньше тех городов, к которым я привыкла на Расцветающей, не говоря уже про Саленос. Но это лишь окраина земных агломераций, до которой разрастающийся космопорт добрался за годы своего существования. Какая-нибудь сотня километров в любом из направлений и ты неизбежно наткнешься на густонаселенные кварталы одного из мегаполисов.

Прохожих немного и ведут они себя так расслабленно, словно война не стоит на пороге их дома, будто не могут завтра или послезавтра оказаться на этих улицах металлические чужаки, пытающиеся каждому вживить энергоблок. «Они не знают. Не знают и не понимают!» Хочется остановить первого

встречного, крикнуть ему в лицо, что ужас приближается к солнечной системе! Но я лишь достаю бумажку, показываю пожилой женщине и спокойно спрашиваю:

— Простите, как нам сюда пройти?

Она начинает объяснять, жестикулируя морщинистой рукой.

— ...Потом перейдете через железную дорогу, а там уж увидите.

— Спасибо.

Солнце припекает. Хэлг закатывает рукава рубашки, вытирает капельки пота на лбу. Мы идем через заросший травой пустырь, по другую сторону которого виднеются несколько одноэтажных домов. Стрекохут невидимые насекомые, птицы прячутся от жары в кронах деревьев, громко чирикают.

Я останавливаюсь, еще раз сверяясь с бумажкой.

— Это здесь.

Пилот не спрашивает меня — что мы ищем, или кого. В нашем странном дуэте он свикся с ролью человека полезного, но не обремененного жизненно важной информацией. Если Вероника решила спасти мир, пусть она этим и занимается. Он будет на подхвате.

Толкаю скрипучую калитку и мы входим на просторный двор. Вдоль забора — ягодные кусты. Останавливаюсь на мгновение, разглядывая красные и черные ягоды, потом поднимаюсь на крыльцо, стучу в дверь. Открывают почти сразу: на пороге седовласый мужчина.

— Здравствуйте. Меня зовут Вероника, я...

— Знаю. Заходи. И ты тоже, — он спешит посторониться, пропуская нас в дом.

В небольшой комнате хозяин отодвигает от стола два стула. Сам, не говоря ни слова, включает электрический чайник, достает какие-то вазочки со сладостями.

— Вероника, значит... А я Станислав Павлович.

— Мы, наверное, ненадолго, — замечаю я, прежде, чем объяснить цель визита.

— Наверное, — соглашается седовласый, — Хотя это и неважно. Все равно...

Он смотрит в окно, отодвигая занавеску.

— Все равно за домом присматривают. Давно уже. Когда будете выходить, вас встретят.

Наливает чай в чашки, ставит их на стол, присаживаясь рядом.

— Присматривают? — я встревоженно вытягиваю шею, стараясь разглядеть кого-нибудь через окно. Но улица пуста и подозрения мужчины кажутся мне напрасными.

— Андрюха прислал? Вы пейте чай, не стесняйтесь, — он подвигает нам чашки.

— Да. Андрей. То есть... Не совсем прислал. Он сказал мне, что если расстанемся и потеряем друг друга, то у вас можно будет узнать... Что он отправит вам сообщение, если сможет. Хотя вряд ли он смог, на Расцветающей же нет связи, — я опускаю голову, — Не знаю, может он думал таким образом заманить меня на Землю, надеялся, что здесь безопаснее.

Хэлг уже со швырканием втягивает в себя чай, берет что-то из вазочки, не обращая внимания на наш разговор. В полете я помогала ему с языком менсо и кое-что он понимает без перевода, но сейчас пилоту нет дела до «пустой болтовни».

Станислав Павлович поворачивается к видавшему виды комоду, нажимает на что-то, и часть стены превращается в монитор, а на столе появляется светящаяся клавиатура. Пальцы его проворно пробегают по виртуальным клавишам.

— Садись-ка, — обращается он ко мне, — Почитай. Два дня назад пришло.

Я вскакиваю со стула, чуть не уронив его. Подхожу к монитору, вглядываясь в строки сообщения:

«Привет, Вера-Ника! Если читаешь, значит на Земле. Умничка! А я не знаю, на какой планете нахожусь, зато работает трансгалактическая сеть. Это точно не Саленос, туда нас не повезли. Видимо, что-то случилось. Но мир — один из ключевых для флота эйнеров, здесь очень много их кораблей. Думаю, от меня еще будет толк, если получится передавать информацию из их тыла. Пусть даже нерегулярно — боюсь, что отследят. Палыч даст тебе номер, на который установит переадресацию моих сообщений. Верю, что еще увидимся! Андрей».

Я прикасаюсь ладонью к экрану. «Жив. Андрей жив! Он где-то там, среди проклятых звезд!» Чувствую, как уверенность, которая, казалось, уже надорвалась внутри меня, снова натягивается упругой струной, звенит и вибрирует, заставляя быть смелой, решительной.

— Кто еще знает? — оборачиваюсь я к Станиславу Павловичу.

— Ты, я. Насчет него не уверен, — он кивает на Хэлга, — Понимает по-нашему?

— А вы разве не на разведку работаете?

— Работал. Но мои годы давно прошли. Да и нет там нынче толковых ребят, ошибку за ошибкой совершают. Нельзя им доверять. Надеяться можно на таких, как ты, да Андрюха. Инициативных, непредсказуемых одиночек, которые в нужный момент поведут за собой остальных.

— Ваш компьютер не вскроют?

Седовласый усмехается, прищурившись.

— Не на того напали. Вскрывалка не отросла еще!

Коротко кивнув, я делаю знак пилоту, чтобы собирался. Уже на крыльце хозяин дома кладет мне руку на плечо.

— Ты хоть и не человек, Вероника, но я тебе так скажу: у нас на своих надежды не осталось. А если то, что я о тебе знаю, правда... Тогда все еще можно изменить. Делай, как сердце подсказывает, погонникам не верь, надейся только на себя и на того, который все мои печеньки сожрал. Он, вроде, парень не промах, когда дело до драки дойдет. И в глазах верность. Прощай!

Старик не параноик. Мы успеваем дойти лишь до середины заросшего пустыря, когда замечаем двух человек, идущих навстречу.

— Следуйте за нами!

Еще троих или четверых я вижу чуть поодаль, за деревьями. Оглядываюсь. Палыч еще смотрит, приоткрыв калитку. Коротко кивает мне. Думаю, это значит «я предупреждал».

\* \* \*

В здании разведки, куда нас отвезли, приходится ждать не меньше часа. В просторном фойе, где мы с Хэлгом сидим на диване, нет никого и почти ничего: журнальный столик с рекламными проспектами о тропических мирах, беззвучно вещающий экран сетевизора, да сходящий с ума вентилятор, с бешеной скоростью вращающийся под потолком лопастями.

— Нас арестовали?

— Я знаю не больше тебя, Хэлг. Хотя, за что нас арестовывать?

— Ну-у... — он поднимает голову к потолку, почесывает подбородок, — Могу придумать с полсотни причин.

— Они просто хотят меня использовать.

Вдруг ловлю себя на том, что сижу прямо, не решаясь опереться на спинку дивана. «Чертов горб! Он никак не отпускает меня! Как будто все еще за плечами...»

Встаю, подхожу к окну. Там, за стеклом, один из северных городов Земли, построенный на берегу холодного моря. Он продолжает жить своей жизнью, почти как маленький город Станислава Павловича, только шумнее, многолюднее. Суэта его улиц контрастирует тишиной в разведуправлении. Можно подумать, что нас оставили в здании одних.

— Заходите!

Дверь открывается, офицер приглашает в большой кабинет. Внутри длинный стол, по обе стороны от него две дюжины стульев. На некоторых сидят люди — кто в форме, а кто и в гражданском.

— Присаживайтесь.

Нам приготовили два места рядом со служакой, сидящим во главе стола. Лицо его напоминает высеченный из камня памятник, взгляд настолько тяжелый, что может раздавить не хуже танка.

— Вероника... Как вас по отчеству?

— У акци это не принято, нет отчеств, да и фамилий тоже, — шепчет ему на ухо помощник, но так, что я все слышу.

— Вероника, я вынужден перейти сразу к делу, потому что времени у нас не то, чтобы мало, его нет вообще!

— А я думала, что времени у вас полно, если уж нам с Хэлгом пришлось ждать целый час.

Игнорируя мой выпад, «памятник» продолжает:

— Завтра эскадра уходит к Проциону. Это одна из последних возможностей остановить продвижение противника к солнечной системе. Мы знаем, что на одном из захваченных миров вам удалось расстроить или, если хотите, нейтрализовать все общественное устройство эйнеров.

— Удалось или нет — я точно не знаю.

— Мы знаем. Наша агентура на Саленосе сообщает, что там до сих пор не восстановлена власть эйнеров и неизвестно — будет ли восстановлена вообще. По крайней мере, без дополнительной помощи.

Недовольный тем, что ему пришлось давать пояснения, он поправляет узел на галстук, перекладывает разложенные на столе бумаги.

— Эйнерский флот, направляющийся к нам, несомненно тоже представляет собой ячейку их социума, с такими же ключевыми фигурами, как и те, на которых вы воздействовали на Саленосе.

— Ни на кого я не воздействовала. Просто нашла альфа-бионика, а Хэлг пристрелил его.

— Черт побери, сейчас это неважно! Просто найдите его еще раз. Один удачный залп и вражеский флот будет остановлен! Неужели это так сложно понять? Мы уже проработали все возможные сценарии и гарантируем, что сможем уничтожить любой из их кораблей! По крайней мере один корабль, самый важный. Остальное не имеет значения и с потерями мы считаться не собираемся! Нужно лишь указать пальцем, куда стрелять.

Оглядываясь на остальных, с нетерпением ждущих от меня ответа. Снова поворачиваюсь к «памятнику».

— Я человек не военный, но... Вам не кажется, что план до смешного прост?

— Девочка, это именно так и работает!

Мне жаль тысяч людей, которые погибнут напрасно. Я знаю, что напрасно. Но этих, разрабатывающих сценарии в кабинете, не переубедить.

— Перед смертью альфа-бионик сказал, что они будут готовы к появлению таких, как я. Вы ничем их не удивите. Но выбора мне не оставляете, верно?

\* \* \*

Сервер с усилителем сигнала, похожим на тот, что подключал ко мне саленосский киберпсихолог, установлен на флагмане эскадры. Хотя флагман — это громко сказано. Эсминец «Доннерн» ничем не выделяется среди множества вспомогательных судов и лишь по какому-то внутреннему, засекреченному ранжированию флота, он числится кораблем номер один.

Мы выходим в боевом построении к Прочиону — самой яркой точке в созвездии Малого Пса. Внушительная вереница из нескольких линкоров, тяжелых крейсеров, эскортирующих основную группу на отдалении, и мерцающее облако из кораблей поменьше. Какое это по счету сражение с эйнерами? И многие ли битвы были выиграны людьми? Я не знаю статистики, но что-то подсказывает мне, что если эйнеры уже здесь, на подступах к древнему Солнцу и Земле, то побед было немного.

— Приготовьтесь, — обращается ко мне капитан корабля, — Мы уже видим их на радарх.

Все время забываю, как его зовут, приходится разглядывать значок на кителе.

— Хорошо, капитан Сэки.

Сажусь в кресло, откинув голову. Чувствую, как Хэлг берет меня за руку, но тут же отпускает — его просят отойти в сторону, не мешать. На мостике разноголосица отдаваемых команд, трели боевых систем, возвещающих о готовности к бою. Я сижу с закрытыми глазами, жду своего часа. Слышу голос Сэки, который командует: «Перестраиваемся в центр колонны!»

Не проходит и пяти минут, как на дальних подступах друг к другу эскадры обмениваются первыми ударами, завязываются крейсерские дуэли. Мы на огромной скорости движемся навстречу врагу, лавина на лавину, и вот-вот схлестнемся, закружившись в смертельном водовороте.

Корабль вздрагивает — где-то рядом нашел свою цель энергетический импульс. На мгновение открываю глаза и вижу, как эйнерский флот накатывается на нас роем разъяренных пчел. Вот и пришло мое время! Но под сомкнутыми веками темнота.

— Вы включили сервер?

— Да.

Я лихорадочно пытаюсь нащупать в космосе хоть какие-то линии связи, почувствовать их, увидеть. Но тщетно. Флот эйнеров будто закрыт от меня неизвестным щитом, совершенно непроницаемым.

— Что? — слышу голос капитана и понимаю, что он обращается ко мне.

— Пока ничего.

— Поторопитесь, Вероника.

— Я стараюсь, стараюсь!

Честно, я стараюсь! Изю всех сил. Желаю, чтобы план генерала, похожего на памятник, сработал, чтобы им все удалось и люди, брошенные в омут ради одного — защитить эсминец «Доннерн», который должен указать им цель, не погибли. Но уже понимаю, что мои усилия бесполезны.

Вокруг разгорается бой. Эскадры уже вонзились друг в друга, смешались. Капитаны множества кораблей надеются только на себя, они чувствуют, что чуда не случится. Командующие отдельными соединениями еще пытаются организовать перегруппировку, вычленив из хаоса боя своих и чужих. И почти каждую минуту космос озаряется вспышкой взорванного корабля — нашего, эйнерского...

Пытаюсь вспомнить то ощущение, с которым находила вражескую информационную сеть. Нет. Ничего! Может и есть какие-то проблески в сознании, но они отрывисты, редки, не дают мне общей картины.

— Я не вижу. Не вижу...

— Попробуйте еще раз! Эйнеры теснят нас, правый фланг смят!

Вскакиваю с кресла, подхожу к бронированному стеклу. За ним энергетическая защита, в которой ежесекундно сгорают обломки кораблей. Прикладываю обе ладони к холодной поверхности. И тут, накладываясь на видимую глазами картину, вдруг проявляется сеть. Но это не та стройная, четко структурированная схема с отдельными узлами склепов и центром альфа-бионика, которую я видела на Саленосе. Эта сеть похожа на блуждающие вспышки электрических разрядов. Она постоянно меняется и невозможно понять — где ее середина, где узлы связи.

— Все! Они изменили ее! Теперь я ничего не смогу сделать. Простите...

Медленно отхожу от стекла, опуская руки. Слышу, что по громкой связи адмирал, который находится на одном из линкоров, вызывает капитана корабля. Сэки не торопится отвечать. Он смотрит на меня и на правой половине его лица отражаются вспышки энергетических разрядов, в которых гибнут корабли, гибнет флот.

— Другого плана у вас нет, — говорю я утвердительно.

Кажется, Сэки хочет что-то спросить, может быть потребовать, призвать меня к продолжению работы, но понимает, что я говорю правду и лишь кивает головой.

— Отведите Веронику и господина Хэлга к спасательным челнокам, — обращается он к одному из офицеров.

Когда мы уже покидаем мостик, он прикладывает руку к козырьку фуражки.

— Спасибо за то, что пытались. Удачи!

Никто не гонит нас с корабля, офицер просто оставляет меня и Хэлга в спасательном терминале. Дальше мы сами должны решить, что нам делать. Сражение еще продолжается, и, хотя его исход мне понятен, он не предрешен окончательно. Смотрю на Хэлга, молча спрашивая его о том, как поступить: покинуть корабль, оказавшись в маленьком челноке среди круговерти смертельного огня, или остаться?

— Я пыталась нащупать их сеть. Если эйнеры были готовы к этому, они могут знать, на каком я сейчас корабле.

Из охотника мы превратились в добычу. Хэлг открывает люк челнока, пропуская меня вперед.

## **ПОСМОТРИМ, СКОЛЬКО НАС!**

— Следи за мониторами!

— Какими?

— За этими двумя!

Рубка в челноке тесная, мы едва не касаемся друг друга локтями. Было бы удобнее сидеть в пассажирском отсеке, в креслах, что располагаются вдоль стен, но у нас нет экипажа, который бы смог провести корабль через горнило сражения и доставить в безопасное место. Приходится хватать вертящую судьбу за загривок и самим выкручиваться из очередной передрыги.

— Что я должна увидеть?

Но уже и сама понимаю — что. Вслед за челноком из общей свалки вываливаются три... нет, уже четыре эйнерских корабля, преследуют нас.

— Хэлг... Они все еще видят меня. Знают, что я здесь.

Отстегиваю ремень безопасности, пробираюсь между кресел в пассажирский отсек.

— Куда ты?!

Но он возвращается к управлению кораблем — Хэлгу не до меня.

Логика менсо типична для людей, не отличающихся от нас. Если это спасательный челнок, то в нем должны быть запасы еды и медикаментов. Ага, вот и аптечка! Корабль вздрагивает — где-то рядом снова произошел взрыв. Чтобы не упасть, сажусь на пол. Открываю пластиковую коробку и начинаю выкидывать все, что не нужно, что мне непонятно.

— Черт!

Может, среди этих таблеток и капсул и есть что-то, способное вырубить меня на час, или хотя бы на полчаса, но менсианские названия ставят в тупик. Большинство из них я не разобрала.

Бросаю взгляд на распахнутую дверцу металлического шкафа, откуда достала аптечку. Внутри есть еще одна створка, поменьше, с пломбой на ручке. Поднимаюсь на ноги, тяну на себя проволоку, пока она не слетает вместе с металлической пуговкой пломбировки. Оружейный арсенал! Пять единиц: три автомата и два парализатора с регулируемой мощностью. Из последних в упор стрелять нельзя, можно насовсем отключиться. Я снова протискиваюсь в рубку.

— Ты должен вырубить меня.

— Что? — он даже не оборачивается, пилот сосредоточен на управлении челноком.

— Как только мой мозг перестанет работать, они нас потеряют. Будет шанс увести корабль. Иначе... Эйнеры не отстанут.

Только сейчас он позволяет себе обернуться, лишь на секунду, но успевает заметить парализатор у меня в руках. Еще мгновение на обдумывание ситуации и Хэлг выхватывает из моих рук оружие. «Когда нужно, он быстро соображает!»

— Отойди. Туда, в пассажирский отсек. Только чтобы я тебя видел! Вот так...

У него нет времени сказать что-то вроде «извини, я бы никогда, если бы не критическая ситуация, надеюсь, тебе не будет больно, дорогая...» Хэлг стреляет сразу. Боюсь, он даже не проверил — поставила ли я мощность на минимум.

Было больно. Но, к счастью, недолго, потому что тускло освещенное нутро корабля растворилось в небытии, вместе с эйнерскими и менсианскими флотилиями, обломками, взрывами и пляшущим в иллюминаторе Проционом...

Меня возвращает к действительности оглушительная тишина. Ни звуков надрывно работающих двигателей, ни вибраций на корпусе от близких разрывов. Хэлг пару раз шлепнул меня по щеке и замахивается для третьего, но я успеваю отодвинуть его руку.

— Хватит, я в порядке. Понравилось делать мне больно? — криво усмехаюсь, пытаюсь подняться с пола, но пассажирский отсек предательски качается из стороны в сторону — приступ головокружения вызывает тошноту и желание больше не шевелиться, лежать с закрытыми глазами.

— Не торопись, — Хэлг помогает мне снова лечь на пол, подкладывает под голову что-то мягкое, — Ты еще о кресло приложилась, когда падала.

— Мы оторвались? Как? Как ты сумел? Те, что гнались следом...

— Их уничтожил «Доннерн». Он сопровождал нас, пока не вышли из боя. Правда, сам... В общем... Я видел вспышку.

Мысленно благодарю капитана Сэки. Его жизнь, жизни экипажа «Доннерна» остаются еще одной зарубкой в моей душе, неоплаченным долгом, который я когда-нибудь верну эйнерам.

— Где мы? Легли в дрейф?

— Нет. Я воспользовался лощей менсо: вокруг много станций, в поясе астероидов старательские разработки. Нашел кое-что...

— Отлично. Значит, можно передохнуть?

— Посмотрим. Сейчас мы внутри большой картофелины и надо оглядеться — что за место, есть ли тут кто. Когда швартовался, навигационные огни на астероиде были погашены, электронные бакены отключены. Но системы жизнеобеспечения, кажется, работают. Думаю, персонал эвакуировали перед сражением.

— Главное посмотреть — не будут ли рядом кружиться эйнеры, искать нас.

— Тоже верно.

\* \* \*

Мы уже второй час идем по магистральному коридору станции, созданной внутри астероида. Похоже, картофелина раздается в стороны на несколько километров и обыскивать ее можно долго.

— Надо найти жилые отсеки. Там, где столовая, продовольственные склады.

— Ты только о жратве и думаешь, Хэлг.

— Я думаю о нашем с тобой выживании, женщина.

— И о жратве.

— И о жратве, — соглашается он наконец.

— Тогда нужно свернуть.

— Куда?

— Ну, не знаю... Мы прошли уже с десяток ответвлений. Стоило бы попробовать хоть одно.

— Давай вот это.

— Почему нет? — я пожимаю плечами и мы сворачиваем в узкий коридор, предназначенный явно для людей, а не транспортных платформ.

Светильники аварийного освещения горят не слишком ярко, не дотягиваясь до темных углов и ниш. Хочется повернуть назад, спрятаться в маленьком корабле, на котором мы прилетели. Не придадут уверенности даже прихваченные с собой автомат и парализатор. Но мы упрямо продолжаем идти вперед, прислушиваясь к таинственным звукам брошенной станции.

— Стоять!

Нас ослепляют лучи нескольких фонариков. Неизвестные застали врасплох и я даже не пытаюсь поднять оружие, лишь прикрываюсь свободной рукой от яркого света.

— Кто такие?

— Мы были на одном из кораблей эскадры, которая встречала эйнеров у Проциона.

— Что ты несешь? Вы же акци! Думаешь, я не узнал по акценту? Что вы могли делать на нашей эскадре?

— Это долго объяснять. Послушайте, мы никому не хотим причинить вреда, — медленно опускаю парализатор на пол, подталкиваю его в сторону обитателей станции, — Видите?

Толкаю Хэлга, чтобы он тоже избавился от автомата.

— Мы лишь хотим немного переждать, пока все не уляжется.

— Проклятые акци! Все из-за вас! Это вы начали войну! Радуетесь, наверное, что ваши дружки эйнеры почти добрались до Земли!

Я вдруг чувствую, как злость начинает бурлить во мне, подступает к самому горлу. Снимаю куртку, расстегиваю рубашку, нечаянно отрывая одну из пуговиц. Поворачиваюсь спиной к неизвестным, демонстрируя шрамы от энергоблока.

— Этому я должна радоваться?! По-вашему, это мне дружки сделали?!

Ропот слышен там, среди фонариков. Некоторые гаснут, остальные опускаются ниже, чтобы не светить нам в лицо.

— Ладно, оденься. Мы тоже никому не желаем зла.

Хэлг подбирает куртку, протягивает ее мне, ожидая, пока я застегну рубашку.

На станции полсотни человек — техники, шахтеры... Они не успели эвакуироваться, поэтому погасили навигационные огни и теперь надеются, что их глыба, затерянная среди множества таких же, не привлечет внимание эйнеров.

— Все-таки, как вы, акци, оказались на корабле нашей эскадры?

Крепкий мужчина, один из тех, что были в коридоре, сидит с нами за столом, смотрит, как мы справляемся с вермишелью и котлетами явно искусственного происхождения.

— Все равно не поверишь.

— Уж я постараюсь, — он пристально смотрит на меня, ожидая, когда отодвину пустую тарелку.

— Меня хотели использовать для поиска... э-э... Не знаю, как объяснить. Вообще-то сами эйнеры называют его альфа-бионик. Если бы удалось уничтожить корабль, на котором он находился, это расстроило бы управление всем флотом.

— Красивая сказка.

— Я же говорю — не поверишь. Упрямые менсо...

— Сама-то на моем месте поверила бы? Ладно, не кипятись. Мы сейчас все в одной лодке и, похоже, застряли здесь надолго.

— Думаешь, сражение проиграно?

Он встает из-за стола.

— Нет, не думаю. Знаю. Мы слушаем переговоры. Часть эскадры успела отойти к Земле, остальных рассеяли у Проциона и методично добивают.

— У вас есть связь?

— Есть. Это не проблема. Еще до эвакуации было выброшено в космос несколько ретрансляторов. Если найдут и уничтожат один, автоматически активируется другой. А искать их можно месяцами, если не годами. Так что голос нам эйнеры не заткнут. Вот только какой от этого прок?

Он уходит, а я еще несколько минут ковыряю вилкой трещину в пластиковой поверхности стола.

— Не скажи... Прок есть, и еще какой.

Мы не можем сразу стать своими среди этих людей. И даже через месяц, через полгода — все равно будем для них «проклятыми акци, которые начали войну». Косые взгляды, шепот за спиной... Может, было бы лучше покинуть станцию, попытаться улететь куда-то еще, но и этого мы сделать не можем: система Проциона кишит эйнерскими кораблями. Изменится ли это в ближайшее время? Мы не знаем.

Проходит неделя, прежде чем мне позволяют подойти к терминалу связи, проверить входящие на номер, который дал Станислав Павлович. Пусто. Ни одного сообщения. Остается надеяться, что с Андреем все в порядке и он еще даст о себе знать.

Хэлг, несмотря на свое скверное произношение и знание языка, с шахтерами сходитя быстрее, чем я. Что-то есть между ними общее — простота, прямолинейность. Меня местные сторонятся. Только Михаил, тот крепкий мужик, который чуть не убил нас в первый же день, зато потом накормил на камбузе, проявляет ко мне искренний интерес. Нет, не как мужчина к женщине, это я бы почувствовала, но как к источнику информации, ранее ему недоступной.

Время от времени мы уходим с ним подальше от жилых отсеков, чтобы спокойно поговорить. Хотя больше говорю я, в то время как он подолгу молчит, слушая мои рассказы о Расцветающей и Саленосе, сопротивлении и эйнерах...

— Знаешь, о чем я часто думаю?

— О чем? — поворачивается ко мне, отвлекшись от покрытого пылью плаката «Шахтер, следи за гравитацией!»

— Когда подлетали к Земле, я видела бесконечные потоки гражданских судов. Не знаю, сколько их было — десятки, сотни тысяч? И они продолжали и продолжали прибывать.

— Беженцы, — деловито резюмировал Михаил.

— Да. Но дело не в этом. Их было во много раз больше, чем военных кораблей.

— И что? Они же гражданские.

— Представляешь, если на каждый поставить хотя бы один излучатель? Ведь это не так сложно, правда?

Он улыбается, а я, нахмурившись, отворачиваюсь.

— Думаешь, дура девчонка? Мои мысли похожи на детские фантазии?

— Нет. Просто все корабли и так вооружены.

Я снова поворачиваюсь к Михаилу, смотрю на него широко раскрытыми глазами.

— Как это?

— Не в традициях землян появляться на опасных территориях без пушки.

Он наблюдает за тем, как я, остановившись, перемалываю в своем сознании эту мысль, переворачиваю ее, ощупываю с разных сторон, прикидываю — как это можно использовать и можно ли вообще.

— У вас есть связь, которую практически невозможно отключить. Есть множество вооруженных кораблей. И вы сдаетесь?!

Он перестает улыбаться.

— Мы не сдаемся, Вероника. Мы сражаемся. Ты же сама видела.

— Это все равно, что сдать! Вы проигрываете один бой за другим и не делаете никаких выводов!

— А какие выводы мы должны сделать, черт побери?! Как еще можно сражаться с этими тварями? Они просто умнее нас, это надо признать и не строить напрасных иллюзий! Даже организованные



боевые соединения не могут с ними справиться, а ты говоришь о каких-то разрозненных гражданских, которые привыкли жить по принципу «каждый сам за себя!»

Он прав. И все-таки... Все-таки я чувствую, что почти нащупала тот единственный выход, который поможет людям переломить ход войны! Я должна подарить менсо веру в победу, которую они утратили. Только тогда...

Из глубины станционных переходов доносится шум.

— Что это? — я настороженно оглядываюсь, стараясь определить направление, откуда исходил звук.

Миша берет меня за руку, ведет обратно, к жилым отсекам.

— Пойдем.

— Там кто-то есть?

Кажется, он не хочет отвечать, но потом признается:

— Да. Кажется, там пеллициус.

— Кто?

— Пеллициус с Грахари. Он тоже укрывается от вторжения эйнеров. Мы не хотели пускать чужого, но он пришвартовался и успел уйти вглубь станции. Никто, конечно, не захотел идти искать его и выпроваживать.

— Он опасен?

— Кажется нет. Но... Черт его знает!

\* \* \*

Еще через неделю мы перехватываем сообщение о том, что эйнеры собирают у Проциона штурмовой отряд. Вряд ли эта эскадра будет единственной, подготовленной для штурма Земли, но нас беспокоит именно она. Ведь ради безопасности своих подразделений эйнеры могут устроить зачистку системы, проверить все брошенные станции и колонии.

Кто-то уже готов сесть на пришвартованные к астероиду корабли и убираться куда глаза глядят, другие, считая эйнеров неминуемым роком, покорно ждут своей участи. Но только не мы с Хэлгом. Только не я.

— Нам нужно в рубку связи.

Миша смотрит на двоих акци с сомнением.

— Вер, сейчас не лучший момент. Ты же знаешь, не все вам доверяют, а уж когда враг на пороге...

— Да он уже сколько лет у вас на пороге! Если сами не можете ничего сделать, дайте хоть нам попробовать!

Вижу, как играют желваки на его скулах.

— Зачем тебе в рубку? Что ты хочешь передать и кому?

Несколько секунд я молчу.

— Ты сможешь нам или нет?

Михаил круто разворачивается, направляясь к бронированной двери в конце коридора.

Передо мной лежит листок бумаги, на котором записаны координаты. Я стараюсь не ошибиться, повторяя их в открытом сообщении, которое набираю на клавиатуре. Дальняя связь в наше время — это не треск радиозфира. Цифровой сигнал позволяет без искажений передать все, что угодно, но я выбрала самый простой способ. У сектора Проциона есть своя социальная сеть, которая, несмотря на то, что многие покинули систему, исправно работает. Нужно лишь оставить сообщение там, где его увидят все!

«...Это координаты штурмовой группы эйнеров. Скоро она отправится к Земле и тогда уже будет поздно. Но пока еще остается время, остается возможность. У меня и моего друга небольшой корабль с энергетическим излучателем на борту. Завтра, в 12.00 по-местному, я буду там. Позывной „Вероника“. Надеюсь, что вы тоже появитесь. Хватит прятаться, хватит бояться! Посмотрим, сколько нас!»

Если вчера я еще ловила на себе недоверчивые взгляды, то сегодня многие смотрят на меня с откровенной ненавистью. Не знаю — винят ли они меня за то, что я толкаю людей на авантюру, или понимают, что я права, что нельзя сидеть сложа руки, нужно бороться за свое будущее, но боятся это делать и оттого ненавидят меня еще сильнее. Не знаю... Да и какая разница? На станции около десятка кораблей — больших и малых, и я вижу, что пусть немногие, но некоторые менсо с утра уходят к причалам. Мрачные, не выказывающие ни радости, ни злобы. Они чувствуют себя обреченными, но не желают отсиживаться на астероиде, хотят бросить вызов врагу и попытаться сделать хоть что-то.

Миша останавливает меня с Хэлгом, когда и мы уже отправляемся к кораблю.

— Постойте. Я знаю людей, которые с радостью возьмут ваш челнок.

— Спасибо за заботу, но ты не отговоришь нас.

— Да я и не пытаюсь. Я хотел пригласить вас на другой корабль!

— Другой?

Оглядываюсь на своего пилота, но тот уже торопится вслед за Михаилом. Видимо, ему не слишком нравится спасательный челнок и он с готовностью променяет его на что-то другое. Я вздыхаю, иду вслед за ними.

Огромный ангар, занимающий львиную долю внутреннего пространства картофелины, поражает размерами. Но здесь пришвартованы лишь два одинаковых корабля. Неуклюжие, созданные в лучших традициях промышленного дизайна — в конструкции только самое необходимое, ничего лишнего, никаких украшательств.

— Хочешь предложить нам лететь на этом? Что это вообще?

— Резаки.

Я обхожу одну из машин, осматривая ее уже другим взглядом. А ведь Мишка прав! У нас нет боевых фрегатов, эсминцев, не говоря уже о крейсерах и линкорах. Но этот корабль... Он ведь может...

— Что он может?

— Они режут астероиды.

У меня вдруг перехватывает дыхание. Я смотрю на эту махину, прикасаюсь к ее холодному, шершавому борту, и вижу наш шанс.

— Как думаешь, эйнеры разбираются в такой технике?

— Вряд ли, — качает головой Михаил, — До сих пор они имели дело только с военными. Гражданские не пытались на них нападать.

— Значит, при известной доле везения, мы может серьезно повредить боевой корабль?

— Повредить? — усмехается он, — Эта штука за несколько секунд распилит флагман! Не спасет даже энергетический щит.

Я смотрю на Мишу с плохо скрываемым недоверием.

— И почему же на флоте их не используют?

— Военные предпочитают дальнобойное и высокоточное оружие — ракеты, импульсаторы. А резак расчлняет астероиды с небольшого расстояния.

Бросаю взгляд на прямые стекла рубки, бликующие где-то наверху, на высоте пятиэтажного дома.

— Что ж, значит, придется подойти поближе.

Мы покидаем станцию за час до намеченного срока. Хэлг и еще один пилот за пультом управления, Мишка стоит у меня за спиной, а я просматриваю на большом мониторе сообщения в сети. Менсо знают толк в компьютерных программах, отследить наши переговоры, расшифровать их — практически невозможно. А что еще нужно активному меньшинству? Связь и оружие, больше ничего. Уверена, люди могут самоорганизоваться, без правительства, без спецслужб. Был бы хороший повод.

Я не считаю нужным придумывать план действий: если нас окажется слишком мало, то мы ничего не сможем сделать, какую бы хитроумную стратегию не изобрели. Да и опыт всех предыдущих сражений говорит о том, что не нужно пытаться перехитрить эйнеров. Именно это я и сообщаю остальным, тем, кто разъяренным осиным роем идет вслед за нами, покидая пояс астероидов: «Думайте своей головой и не оглядывайтесь на остальных. Враг будет ждать, пока мы не раскроем наш план. Поэтому ничего не придумывайте, просто уничтожайте! Сколько сможете, любыми средствами».

Рассыпаемся в разные стороны. На это не было команды, у нас нет адмирала, но люди стараются обезопасить каждый сам себя и в этом они сходятся — лучше не держаться тесной группой, по которой удобно стрелять.

Нас все-таки мало. Слишком мало! Я не знаю, появится ли кто-то еще из других концов системы Проциона, но, если нет, тогда это нападение станет настолько же смелым, насколько и безумным.

— Держи, — Миша подходит ближе, протягивает мне фляжку.

— Что это?

— Настоящая шахтерская водка. Неужели ты думаешь, что я стану тебе предлагать какую-то гадость? Только не спрашивай, из чего мы ее делаем.

Решившись, я делаю глоток. Горло обжигает и на несколько мгновений я теряю способность дышать. Глаза слезятся, хочется запить это жуткое пойло литром воды.

— Ну и... гадость!

Мишка тоже делает большой глоток гадости, завинчивает крышку.

— Рулевым предлагать не стану.

Мы не торопимся идти прямым курсом к эйнерской эскадре. Остается еще время, нужно дождаться остальных. Если они появятся, конечно...

Рой закладывает вираж, будто собираясь покинуть систему. Было бы наивно полагать, что враг не заметил нас, не контролирует наши перемещения. Они видят! Но ничего не предпринимают. Слишком мелкие цели и нас мало. Все еще мало! Неужели никто не поддержит? Не появится прямо сейчас, покинув свои станции и обитаемые миры?

Я с надеждой всматриваюсь в показания радаров, но пока тщетно. Что ж, пора. Время подходит к двенадцати и мы начинаем разворот в сторону эскадры. Хэлг переговаривается со вторым пилотом — несмотря на то, что он все еще неважно знает менсианский, они отлично понимают друг друга. Видимо, это профессиональное.

— Будем пробиваться к тому кораблю, — Хэлг показывает пальцем на монитор, — Вряд ли флагман, но тоже крупная птичка. А главное расположился в хвосте колонны, до него добраться будет проще, чем до остальных.

Водка сделала свое дело и мне уже не страшно, все происходящее не кажется чем-то смертельно опасным. В крови бурлит адреналин, глаза сами выискивают цель и хочется скомандовать — залп! Но кто я такая, чтобы командовать? Я лишь отправила сообщение, на которое кто-то откликнулся, а кто-то нет. И эти двое — менсо и акци, оба считающие себя людьми — они сейчас вместе управляют промышленным резаком и гораздо лучше меня знают, когда следует стрелять.

— С внешней стороны системы подходит еще группа, — сообщает Хэлг.

— Большая?

— Единиц двадцать или чуть больше.

Встаю со своего места, подхожу к пилоту, вглядываясь в экран радара.

— Надеюсь, они не последние.

Хэлг отвлекается от управления.

— От тебя спиртом несет, что ли?

Я быстро возвращаюсь на место. У меня не будет больше времени разгуливать по рубке: эйнеры зашевелились. Часть эскадры отделяется от основной группировки, совершает маневр, разворачиваясь нам навстречу. «Все-таки оценили опасность, железноголовые!»

Часы показывают без одной минуты двенадцать. Бросаю взгляд на страничку социальной сети. Там кто-то успел написать в последние мгновения — «это наши звезды, черт побери!»

И почти сразу вспыхивают огни первых разрывов. В корабле не слышно звуков сражения, только шум вентиляции да гул двигателей. То, что происходит за обзорным окном, словно картинка из какого-то фильма, у которого отключили звук. Это было бы просто волшебное по своей красоте представление, если бы мы не знали, что за каждой вспышкой, в которой исчезает корабль, стоит смерть.

Рой наших кораблей рассредоточен, цели небольшие, у эйнеров не получается вести точную стрельбу. Несколько раз они попали, но большая часть залпов ушла в никуда. А мы тем временем подходим все ближе и ближе... Еще мгновение и обе группы смешиваются, растворяются друг в друге. Я уже видела такое, когда к Проциону явилась боевая эскадра землян. Тогда эйнеры сумели быстро перестроиться — они не любят тесной возни. Сейчас происходит то же самое. Резко развернувшись,

их корабли пытаются отлететь в сторону, выйти из тесного соприкосновения с противником. Один из них вспыхивает после того, как наши корабли зажимают его с нескольких сторон и пробивают защиту.

— Преследуем? — спрашивает пилот-менсо, глядя на остальных, которые не отпускают эйнеров, стараются догнать, не давая им перегруппироваться.

— Идем прежним курсом, — отзывается Михаил, — Вероника правильно сказала, каждый должен своей головой думать. Кто-то будет преследовать, а мы...

Договорить он не успевает. Выходим на расстояние прицельного выстрела по кораблю, который выбрали еще до начала боя. Хэлг нажимает большую красную кнопку, откинув с нее защитную крышку. Обзорное окно мгновенно затемняется, чтобы мы не ослепли от потока плазмы, вырывающейся из корпуса резака. Щит эйнерского корабля держится ровно секунду. Потом появляется темное пятно и почти сразу — вспышка! Огромная туша разваливается на две части.

— Да! Да-а!!! — я не сразу понимаю, что ору громче всех.

Хэлг и второй пилот не спрашивают — что делать дальше. Они ведут машину наугад, прямо в гущу эйнерской эскадры. По нам несколько раз выстрелили, но промахнулись, а второй резак в это время выбрал свою цель, отвлек врага еще одним плазменным потоком. Второй эйнерский крейсер разваливается на куски, поглощенный ярко оранжевыми сферами, которые тут же схлопываются, оставляя после себя лишь обломки. У меня нет радости, остались лишь злость и желание уничтожить как можно больше чужих.

Они не знали, что два неуклюжих, странных корабля могут быть столь опасны. Строй эскадры нарушен, эйнеры пытаются развернуться в нашу сторону, но стрелять не могут, боятся попасть друг в друга. А мы мчимся прямо сквозь них и сзади присоединяются другие корабли землян.

— Еще одна группа приближается от пояса астероидов. Около сорока единиц!

Ощущение такое, будто ты вцепился в противника мертвой хваткой, осознав вдруг, что он не всемогущ, он может быть слабым, допускать ошибки, и теперь ты не выпустишь его, пока не повергнешь окончательно!

— Осторожно!

Нас встряхивает так, что Миша падает на пол, а я, не сообразив пристегнуться, больно прикладываюсь о панель приборов. Пронзительно воеет аварийная сирена, позади закрываются металлические створки, ведущие из рубки в коридор.

— Спокойно, это еще не конец! — кричит Хэлг и тянет куда-то руку, чтобы отключить сирену, — Пробит борт в кормовой части, но переборки закрылись, поврежденный отсек изолирован. Еще летаем!

Нам некогда оценивать все сражение, пусть этим занимаются эйнеры, тратят время на разработку новой стратегии. А мы уже окружаем их, проникаем десятками маленьких кораблей в гущу вражеской флотилии, ежесекундно укалывая то один, то другой корабль выстрелами энергетических излучателей. Вокруг хаос. Огонь. Смерть.

— Хэлг, стреляй!

Прямо перед нами профиль боевой машины, но Хэлг не торопится нажимать на кнопку.

— Не могу, реактор не зарядил резак. Еще несколько секунд.

— Мы подставляем, надо уходить, — замечает второй пилот.

— Три... Две...

Но менсо сворачивает, едва успев увернуться от энергетического заряда.

— Черт, не успели. Обходи его с другой стороны, попробуем снова!

Краем глаза я слежу за лентой в сети. Число пользователей, находящихся онлайн, неумолимо сокращается: только что было сто восемьдесят, сейчас уже сто семьдесят шесть. Мы тоже несем потери, но отступать поздно, теперь только вперед!

Из десяти крупнейших кораблей эйнеров уничтожено три и я вижу, что по ту сторону свалки набухает оранжевым еще один. Это значит, что среди пришедших есть и другие резак. Сейчас бы сосредоточиться, закрыть глаза, стараясь проникнуть в сеть врага — я уверена, что почувствую страх! Но нет, нельзя. Гоню от себя эту мысль. Рядом со мной еще три человека и их жизни будут в гораздо большей опасности, чем даже сейчас, если я себя обнаружу.

Картина боя снова меняется. Видимо, кто-то умный и решительный в стане эйнеров отдает приказ разбиться на группы, уходить в разные стороны, так, чтобы они имели возможность расстреливать нас,

не опасаясь попасть друг в друга. Эскадра распадается, но это мало им помогает. Корабли землян следуют за эйнерами и наш резак тоже находит себе цель, на этот раз поменьше.

Мы уворачиваемся от крупных обломков, которыми наполнено пространство. Пока Хэлг выводит корабль на дистанцию атаки, второй пилот следит за обстановкой вокруг: защита у резака только спереди, полусферой. Бока и корму лучше не подставлять. И тут корабль, за которым мы охотимся, совершает резкий маневр, отклоняясь в сторону, а перед нами, прямо по курсу, оказывается другой крейсер, и его орудия нацелены нам в лоб.

— Твою мать!

Уйти мы не успеваем. Ярко-голубой свет, удар... Нас выкидывает за пределы боя. Мишка лежит в углу, он без сознания, по его виску стекает капля крови. Хэлг пытается выровнять машину, но пока безуспешно. Что со вторым пилотом, я не знаю, он повис на ремнях. Мне и самой ненамного лучше — голова гудит, на груди и животе наверняка останутся синяки.

Выстрел крейсера пробил нашу защиту и теперь на обзорном стекле змеится трещина.

— Хэлг... Хэлг! Стекло!

Он поднимает голову, оставив попытки восстановить управление. Несколько мгновений мы, словно замороженные, смотрим на трещину. Но она не расплзается в стороны, не слышно треска и свиста просачивающегося воздуха.

— Должна выдержать. Мы вернемся на астероид!

— А как же остальные? Может, мы последний корабль, который может уничтожать крейсеры!

— Мы отлетались, Вера. Все. Надо уходить.

Я знаю, что он прав, но все равно злюсь на этот проклятый выстрел, на саму себя и на разбитое стекло, потому что нам нужно было остаться, дожать ублюдков, быть с остальными до конца!

Когда бой остается далеко позади и уже видны сверкающие пылинки пояса астероидов, которые через несколько минут превратятся в гигантские картофелины, на мониторе появляется сообщение: «Они уходят». Следом за ним еще одно — «Осталась половина эскадры и эйнеры бегут!»

— Хэлг.

Измученный пилот смотрит на меня, не ожидая хороших новостей.

— Мы выиграли. Они покидают систему Проциона.

\* \* \*

Эйнеры не вернулись. Мы ждали день, два, неделю. Думали, что вот-вот появится усиленный дополнительными группировками флот и начнет зачистку системы. Но они не вернулись. И я не знаю, что послужило тому причиной. Хотя подозреваю, что это поражение заставило их крепко задуматься о том, чего стоит ожидать от людей, можно ли и дальше сражаться с нами, полагаясь лишь на превосходство в тактике и стратегии.

Второй пилот погиб. Мишка выжил, хоть и провалялся несколько дней в кровати с тошнотой и головной болью. Он говорит, что нам повезло и эйнеры просто не ожидали нападения. Наверное, он прав, но лишь отчасти. Не вижу причин, почему бы нам и дальше не объединяться для неожиданных нападений. Ведь отследить в космической бездне небольшие корабли, которые перемещаются не боевым порядком, а каждый своей дорогой, кто во что горазд — задача не из простых, даже для искусственного интеллекта.

Мы передали информацию о сражении у Проциона по всей трансгалактической сети. Везде, где она еще действует, где эйнеры не нарушили ретрансляцию, теперь знают, что твари потерпели поражение. Поражение от нас, объединившихся гражданских. Где-то в других системах, я уверена, люди тоже протянут друг другу руки, найдут силы сопротивляться, и тогда огонь, зажженный здесь, на подступах к Земле, разгорится пожаром в других уголках Млечного пути.

У многих из людей, живущих на станции-астероиде, погибли друзья, близкие. Но они знают, что и я готова была заплатить ту же цену. Что я не остановлюсь на достигнутом и буду снова рисковать головой, чтобы раздавать эйнерам долги. Я иду по станции и не чувствую больше на себе взглядов ненависти.

## ПЕЛЛИЦИУС

Я забираю фляжку у Миши и иду вглубь станции, не разбирая дороги, не вникая в смысл указателей на менсианском языке. Мне все равно куда. Хочу побыть в стороне от эмоций других людей, наедине со своими. Вот подходящее место — похоже на раздевалку с душевой. Она приютилась рядом со шлюзом, ведущим к одному из грузовых терминалов. Когда-то здесь кипела жизнь, смеялись шахтеры, смывая с себя грязь после долгого трудового дня. Может быть выпивали, играли во что-нибудь. До тех пор, пока работа не остановилась. Пока не пришли эйнеры.

Сейчас я одна, пью шахтерскую водку, морщась от горечи. Хочу понять — кто я в этой вселенной? Нужно ли мне продолжать идти выбранной дорогой? Я оставила росчерк в истории цивилизаций, пусть короткий и не слишком яркий, но люди его заметили и после сражения у Проциона они знают — что делать. А знаю ли я? Никогда не считала себя избранной. Не верю в судьбу, стараюсь идти ей наперекор, даже когда она бьет меня. Не пора ли отойти в сторону? Найти тихую планету, не затронутую войной. Пусть флаг подхватят другие, те, кто сильнее.

— Что ты пьешь?

Оборачиваюсь, вздрогнув от неожиданности. На пороге раздевалки стоит маленькая девочка, лет семи или даже шести.

— Можно мне?

— Нет, тебе нельзя. Это горькое лекарство. И почему ты гуляешь одна, так далеко от жилых отсеков? С тобой кто-нибудь есть?

— Нет, никого. Можно присесть?

Вздыхнув, я киваю головой.

— Садись.

Девочка опускается на скамейку рядом со мной, одергивает серый комбинезон.

— Меня зовут Стэф. Стефани. А тебя? Хотя я, кажется, знаю, кто ты. Вероника, да?

— Угадала, — улыбаюсь я в ответ.

— Про тебя много говорят на картофелине.

— Знаю. Но мне это не очень нравится, если честно. Я не привыкла быть у всех на виду.

— Зато ты разбила эйнеров!

Я протягиваю руку, чтобы погладить девчужку, взъерошить ей волосы.

— Нет, Стэф. Это сделали те, кто не испугался выступить против них, все вместе, не я одна. И мы их пока не разбили, всего лишь заставили отступить.

— Но если они снова сунутся, ты им опять врежешь? Правда?

Она смотрит мне в глаза с такой искренней надеждой, что я не могу ответить ничего, кроме:

— Правда. Мы врежем им вместе!

Из коридора доносится какой-то шум. Еще один любитель погулять в одиночестве? Я поднимаюсь, выхожу из раздевалки. В тусклом свете редких аварийных светильников нельзя с уверенностью сказать, что находится в десяти метрах от тебя. Я всматриваюсь в сумрак коридора и мне кажется, что там, в отдалении, движется темное пятно. Через мгновение я уже уверена, что там кто-то есть, и он идет сюда, переваливаясь с боку на бок.

— Стефани!

Девочка подходит ко мне, берет за руку.

— Прости меня, Вероника. Я шла за тобой, чтобы привести его.

— Его? — поворачиваюсь к девчужке, смотрю на нее, приподняв от удивления брови.

— Он хороший, только его никто, кроме меня, не понимает. Вот он и прячется, чтобы ему не сделали плохо. Он хочет поговорить с тобой. Ты ведь тоже особенная, ты поймешь.

Я сжимаю кулаки, пораженная коварством маленького человечка.

— Сама найдешь дорогу домой?

— Да.

— Тогда иди отсюда. Ну же! Быстрее! — показываю ей, махнув рукой, чтобы она немедленно уходила, и Стефани, обернувшись в последний раз, бежит в темноту.

Темное пятно все ближе. Между нами остается несколько шагов, когда в моей голове вдруг возникают быстро сменяющиеся друг друга образы. Чаще всего человек думает словами, поэтому мне

сложно сходу распознать смысл посылаемых картинок. Невольно делаю шаг назад, хватаюсь одной рукой за голову, другую протягиваю вперед, словно пытаюсь защититься.

— Ты пеллициус, да? Погоди, не нужно так быстро, я тебя не понимаю.

Череда картинок повторяется. Человек и лохматое существо, рукопожатие, перечеркнутое оружие...

— Не желаешь зла? Пришел с миром?

Высокая фигура выходит под свет лампы. На покрытом коричневой шерстью теле сверкают два черных пятнышка глаз. У существа две руки, две ноги.

— Тебе что, нужна помощь?

Кажется, теперь он не понимает меня, и тогда я сама придумываю образы, которые точнее всего описывали бы мои слова. В ответ появляется... эйнер. Потом еще один, и еще. Пеллициус транслирует в мое сознание образы металлических тварей с лезвиями на конечностях. Мне хочется выбросить их из головы, но я упрямо жду — что же хочет сказать лохматый? И вот все эйнеры соединяются сетью! Подвижными, извилистыми линиями, похожими на молнии. Я видела такие, когда боевой флот менсо проиграл сражение. Новая модификация сети, в которой не удастся распознать ни склепы, ни альфа-биоников.

Следует еще одна череда образов, которые я понимаю уже быстрее, переводя для себя на нормальный, человеческий язык: «Ты тоже их видишь, я знаю. Могу помочь расшифровать».

Слова, обращенные к нему ментально, он не понимает, только образы, поэтому я могу спокойно думать, даже чувствуя в голове его присутствие — пеллициус не читает мысли.

«Почему?» — задаю ему вопрос после некоторого размышления.

Появляется картинка, от которой мне становится страшно. Но я точно знаю, что она значит: «Отомстить!»

\* \* \*

— Нам нужно собраться, обсудить кое-что, — говорю я Хэлгу.

Мы заняли одну из пустующих комнат, по привычке на став разделяться. Я даже не пыталась разубеждать тех, кто считает нас любовниками. Пусть думают, что хотят, мне все равно.

— Кому это — нам? И что обсуждать?

— Тебе, мне. Мишке. Думаю, нужно пригласить еще несколько местных, из числа самых активных.

— Хочешь заняться планированием боевых действий? Ты же сама говорила, что...

— Нет. С боевыми действиями подождем. Есть дела поважнее.

Чем мне нравится этот парень, так это тем, что, когда он перестает что-либо понимать, он и вопросы не задает. Просто делает то, о чем его просят.

— Хорошо. Как скажешь. Я соберу людей.

Он идет мимо меня к дверям, но я останавливаю его, обнимаю.

— Спасибо.

Понимаю, что мне хочется чего-то еще, не просто объятий. Молодой организм требует выхода накопившейся энергии, но... Я отталкиваю Хэлга, сама распахиваю дверь и выбегаю из комнаты. «Зареклась ведь, зареклась!»

Я знаю, что делать. Запутавшись в хитросплетениях коридоров, нахожу, наконец, верную дорогу. Никто уже не препятствует мне, шахтеры расступаются, пропуская в рубку связи. И даже тот, кто в этот момент просматривает на терминале свою информацию, сразу освобождает место.

Номер выучен наизусть, нужно лишь подождать секунд пять, пока сигнал преодолеет световые годы, перескакивая с одного ретранслятора на другой, найдет нужный сервер и отправит ответ.

«1 непрочитанное сообщение». Жму на кнопку с усилием, которого она не заслуживает.

«Привет, Вера-Ника!»

На всякий случай оглядываюсь, но никто не стоит у меня за спиной, все предусмотрительно вышли.

«Теперь я знаю, где нахожусь — планета Лигнум в системе Каптейна. Это мир акции, но я сошел за своего. Удалось сбежать из лагеря, пристроился пока на окраине колонии. Здесь много людей, желающих пощекотать эйнеров любым оружием, которое попадет под руку. Со связью проблем

быть не должно, у меня есть комм, а передатчики, болтающиеся по всей системе, не выловлены эйнерами и наполовину. Если считаешь, что для тебя это безопасно, сообщи, где находишься сама.

Теперь о деле. Здесь, на Лигнуме, есть странные фабрики, которые железяки построили совсем недавно. Те немногие, кто смог заглянуть внутрь, утверждают, что видели множество человеческих тел. И непохоже, что это мертвые тела. Скорее — только что выращенные. Думаю, эйнеры создают их для себя. Будь осторожнее, среди нас могут появиться волки в овечьей шкуре. Пока все. До связи!»

Про волков я уже знаю, мы с Хэлгом сами завалили одного на Саленосе. Но андюшкино сообщение меня тревожит. Неужели железяки и правда собираются перейти на человекоподобную оболочку? Надо рассказать об этом остальным!

Мы собираемся этим же вечером. Я знаю, что шахтеры удивлены, да и Хэлг с Мишкой тоже, они недоумевают, почему я затащила их в дальнюю раздевалку, привела на совещание маленькую девочку. Но мне доверяют. Раз затащила, раз привела — значит, так нужно.

— Стэф, — говорю я тихо, наклоняясь к самому лицу девочки, — Иди за ним.

Она кивает, выходит в коридор.

Я коротко рассказываю о сообщении Андрея и, не дав никому времени обсудить эту новость, заявляю:

— Нам нужно оставить станцию.

Тут же наступает тишина и только Миша, нахмурившись, спрашивает:

— Всем?

— Мне и Хэлгу. Многие из вас знают, что я чувствую каналы связи эйнеров. Я стараюсь контролировать свои мозги, но рано или поздно, скорее всего во сне, могу себя выдать. Тогда они узнают, где я, и являтся по мою душу прямо к астероиду. У меня нет уверенности, что мы отобьемся, снова кинув клич.

— Вер, — подает голос Хэлг, — Их сейчас нет в системе. Эйнеры ушли. Не думаешь же ты, что между вами возможна настолько сильная связь, что они ее почувствуют через десятки световых лет?

— Ушли, говоришь? А откуда ты знаешь? Потому, что видел на радаре, как они покидали астросферу Проциона? А кто даст гарантию, что в системе не остались корабли-разведчики?

Хэлг пожимает плечами.

— Я не могу подставить вас. Поэтому должна лететь дальше.

— И что ты собираешься делать там? В этом «дальше»? — спрашивает молодой парень, управлявший во время сражения вторым резаком.

— Хочу разобраться с их новой сетью. Нужно знать, куда бить.

— Ты же представления не имеешь, как с ней разбираться. Сама говорила.

Я смотрю на Михаила, потом иду к выходу из раздевалки. В сумраке коридора вижу Стефани и высокую фигуру.

— Заходите.

И, повернувшись к собравшимся, предупреждаю:

— Только не хватайтесь за оружие, пожалуйста.

— Ох, ты ж!..

— Да чтоб меня!

— Какого черта?!

Многие вскакивают со своих мест, но, памятуя о моем предупреждении, не трогают пистолеты и автоматы.

— Это пеллициус, если кто не в курсе.

— Да уж мы видели его несколько раз, только выловить никак не могли!

Я встаю рядом с двухметровым пришельцем, покрытым с ног до головы шерстью.

— Он поможет разобраться с сетью эйнеров. У грахарийцев есть способности, сравнимые с тем, что могу делать я. Когда мы расколем их сеть, я надеюсь, что не одни вы придете на зов, что в других системах тоже получится организовать людей. Вот только начать нам придется с миров, где захвачены колонии акци.

— С чего это вдруг? — возмутился кто-то из шахтеров.

— Потому что среди вашего народа нет тех, кто чувствует врагов. А среди акци есть! Верю, что я не одна такая, и мы должны искать других. В этом случае наши шансы возрастут многократно.



\* \* \*

Меня кто-то настойчиво трясет за плечо, стараясь разбудить.

— Да проснись же ты! Вот прилипла к подушке...

Стаскивает одеяло и я, недовольная такой бесцеремонностью, открываю наконец глаза.

— Господи, Хэлг... Если я сказала, что улетаем, это не значит, что именно сегодня в шесть утра!

— К нам самим уже прилетели!

— Кто прилетел? — я сажусь на кровати, сон исчезает, словно унесенный порывом штормового ветра.

— С Земли прибыла важная персона!

Мы входим в большой зал, где собралось несколько десятков человек. Они возбужденно галдят, окружая кого-то, и без того уже прижатого к стене. Пилот берет на себя обязанность проводника через толпу, он отпихивает любопытствующих, пробивает мне дорогу, словно ледокол. У самой стены я вижу испуганного человека в костюме, поверх которого неуклюже надета облегченная версия бронезилета. Один рукав у пиджака порван, под глазом чиновника проступает свежая гематома. Рядом стоит староста станции, он время от времени отталкивает не в меру разбушевавшихся шахтеров и одновременно пытается слушать, что говорит человек в костюме.

— Вы тут все с ума посходили, — нервно замечает тот, поправляя бронезилет, — Вы даже не представляете, чего мне стоило попасть на ваш астероид!

— Да кто тебя сюда звал?!

— Сопровождения не выделили, корабль автоматический, — продолжает чиновник, — И все ради того, чтобы навести порядок на какой-то забытой богом каменной глыбе!

— Я тебе щас... — один из шахтеров метит в другой глаз незваного гостя, но староста его вовремя останавливает.

— Какой же порядок хочет навести Земля? — спрашиваю я его не слишком громко, но вижу, что человек услышал.

— Ой, девушка, отойдите! Вы, судя по акценту, вообще не человек. Не хватало еще, чтобы всякие беженцы-акциности мне вопросы задавали!

Толпа вдруг затихает. Все ждут, что я ему отвечу, но я лишь повторяю вопрос:

— Какой порядок собралась здесь наводить Земля?

В полной тишине, под взглядами десятков пар глаз он чувствует себя неуютно. Сглатывает, опускает голову.

— После этого демарша, который вы устроили без санкции командования боевым флотом метрополии, вам предписывается не покидать астероид. Вплоть до дальнейших распоряжений.

Дрожащей рукой он вынимает из кармана пластиковый информационный носитель с государственным гербом, смотрит сначала на старосту, но потом, почему-то, протягивает его мне. Я разглядываю этот бесполезный кусок пластмассы, переламываю его пополам.

— Ваши полномочия аннулированы. Как и все распоряжения метрополии, прошлые и будущие. До тех пор, пока мы, объединившиеся в Гражданский корпус, не вернем людям все их миры, потому что сами вы это сделать не в состоянии. Понятно?

Наклоняюсь к самому его лицу.

— Сидите на Земле тихо, не высовывайтесь, и не смейте нам больше мешать.

Я не имею права забирать у обитателей станции один из резачков, поэтому мы улетаем на корабле пеллициуса. Он не слишком удобен для трех человек и грахарийца, но нам не привыкать, размещаемся. И меня не удивляет решение Миши лететь с нами: по глазам видела, что он не станет ждать у моря погоды, проедать на астероиде запасы продовольствия.

Определяемся с планетой, которая станет нашей целью. Нам нужна не слишком крупная колония акции, достаточно удаленная от других миров, чтобы эйнеры не смогли быстро прислать к ней подмогу. Сходимся на том, что это будет Маргин — четыре города, заброшенная федеральная тюрьма, фермерские поля и пастбища. Когда-то здесь обитали менсо, потом, с началом войны, планету захватили акции, чтобы через несколько лет вслед за ними пришли эйнеры. Теперь наш черед...

## ДЖУНГЛИ МАРГИНА

Я первый раз на корабле чужого. Здесь все не так, как у нас, все необычно. Даже туалет вызывает удивление, главным образом своими размерами. Слава богу, уроженцы Грахари не меньше, а крупнее людей, значит, привыкать нужно лишь к тому, что все вещи и удобства чуть больше.

На корабле нет отдельных кают. Рубка управления объединяет в себе и спальню, и камбуз. Отдельно расположены лишь грузовой отсек с сантехнической зоной. Не претендуя на кровать хозяина, мы спим вповалку, прямо на полу. Пеллициуса это не смущает, его сородичи не отягощены гостеприимством. Он вообще мало обращает на нас внимания, только когда я пытаюсь заговорить с ним, передавая образами интересующие меня вопросы. Мне хочется знать в подробностях — как именно он может помочь в расшифровке эйнерской сети? Сначала пеллициус отнекивается, посылая какие-то странные сигналы, дающие понять, что время для разговора еще не пришло. Но потом, поверив, что я не отстану, начинает выдавать информацию, кусочек за кусочком.

Насколько я понимаю, сам он сеть не видит. Но утверждает, что может проанализировать ее через мое сознание. Мы летим между звезд и прямо сейчас я не могу дотянуться до эйнерских информационных каналов, поэтому стараюсь объяснить ему то, что видела раньше.

Остальные смеются над нами, глядя на то, как я, вытаращив глаза, что-то молча внушаю хозяину корабля, потом не выдерживаю и начинаю объяснять словами, постепенно повышая голос. Мишка толкает меня кулаком в бок:

— Успокойся, от твоих криков ему не становится понятнее.

В конце концов мы оставляем это занятие, справедливо полагая, что проводить эксперименты лучше в реальных условиях.

Идут уже пятые сутки полета. Его однообразие изматывает. Каждый день одни и те же лица, одни и те же стены, один и тот же набор шахтерского пайка. Я не могу предсказать, что нас ждет у Маргина, но что бы там ни было, хочется уже скорее оказаться на месте. Глядишь, при удачной попытке свержения власти эйнеров, получится раздобыть и кораблик побольше, с отдельной каютой для каждого. Ощущение безвластия, почти анархии на просторах некогда строго контролируемого космоса развращает. В душе — почти бандитская вольница. Я не вижу ничего плохого в том, чтобы реквизировать чей-то корабль, хотя раньше подобные мысли привели бы меня в ужас.

На седьмой день пересекаем, наконец, границу нужной нам системы. Маргин — четвертая планета от звезды с сухим, казенным обозначением КЗ—19. Пеллициус, которого я про себя называю «лохматый», отключает двигатели, позволяя кораблю двигаться по инерции, словно мы случайно залетевший в систему объект. Очень осторожно прощупываем радарными пространством. Поблизости кораблей нет, но это не значит, что нас не будут ждать у самой планеты. Через час Маргин появляется в зоне прямой видимости.

— Ну что там?

Я оборачиваюсь к Хэлгу, который в этот раз не пытается помочь существу, пилотирующему корабль, смотрит со стороны.

— В показаниях его приборов я разбираюсь не лучше тебя!

Но все же пытаюсь отвлечь лохматого лаконичным образом — «на орбите чисто?»

«Нет. Семь объектов. Два крупных, остальные мелкие.»

«Сможем подойти незаметно?»

«Не сможем».

«Тогда обманем их».

«Как?»

«Сделай вид, что мы падаем, что у нас авария. И постарайся исчезнуть где-нибудь над океаном».

Лохматый моргает, глядя на меня черными пуговками глаз.

«Я попробую».

Понимая, что пеллициус никого предупреждать не станет, я громко объявляю:

— Намечается аварийный спуск и, возможно, жесткая посадка! Короче — хватайтесь кто за что может!

Мы ускоряемся, чтобы подойти к планете как можно быстрее, не дать противнику времени сманеврировать и догнать нас до входа в атмосферу. Кажется, лохматый понял меня буквально, он посылает в эфир аварийный код. Впрочем, молодец. Так действительно будет похоже на катастрофу.

Вспарываем верхние слои атмосферы, врываемся в густую облачность. Пилот ведет корабль так, что можно подумать, будто у нас и правда что-то неисправно.

«За нами идут два корабля».

«Догонят?»

«Один может, второй уже не успеет».

Стальная гладь океана появляется внезапно и мы на большой скорости закладываем вираж, чтобы не врезаться в воду. Корабль вздрагивает.

«Что это?»

«Я сбросил балласт. Лишний груз, мусор и...» Секунду лохматый не решает послать мне образ, но все же отправляет что-то, напоминающее завитушку мороженого, только другого цвета.

— Фу!

Он не воспринимает это восклицание, но чувствует отвращение. Посылает улыбку и набор картинок, которые могут означать слова «знал, что тебе не понравится».

Мы летим над самой водой на огромной скорости. Хорошо, что волнения на поверхности океана почти нет, можно не опасаться волн. Вдали уже показалась береговая линия, но меня больше интересует то, что происходит сзади.

«Нас преследуют?»

«Преследователь остановился. Завис над местом сброса балласта».

«Ты отличный парень! Летаешь не хуже моего пилота. Только не передавай ему эти образы».

«Не буду» — на полном серьезе отвечает он.

Корабль скрывается между извилистых хребтов, мы сбрасываем скорость. Над таким рельефом быстро лететь опасно, да в этом уже и нет необходимости. Внизу, в долине, густой зеленый лес с редкими проплешинами, в которых сверкают блюдца озер.

«Надо садиться, чем скорее, тем лучше».

Если на орбите было семь кораблей и два из них бросились за нами к поверхности планеты, значит вероятность, что кто-то нащупает нас сверху, через облака, небольшая. Но лучше не рисковать, скрыться в зарослях джунглей.

Я уже понимаю, что внизу не просто лес, это тропические заросли. Всегда с настороженностью относилась к джунглям: не угадаешь, кто здесь обитает, какие животные, насекомые, многие ли из них опасны для человека. Но выбора нет, надо садиться.

Завывают маневровые двигатели, останавливая полет, позволяя кораблю начать плавное снижение. Раздвигая кроны деревьев, мы опускаемся на дно зеленого моря. Трещат ветки, пригибаются стволы. Как только лапы амортизаторов касаются почвы, над нами снова смыкается купол из листьев — будто и не было космического корабля, секунду назад висевшего над лесом. Джунгли поглотили его.

Несколько часов мы не выходим наружу. Лохматый готов в любую секунду поднять машину в воздух, если вдруг появятся преследователи, обнаружат нас своими сканерами. Но никого нет. Тишина. Пусто на радарх, ничего не видно через обзорные окна, лишь бескрайнее море зелени.

«Связь есть?»

«Ни одного доступного ретранслятора».

Вот и приехали! Оказывается, в этой системе эйнеры успели выловить все передатчики. Плохо, но не критично. На первых порах обойдемся без связи, а там что-нибудь придумаем.

\* \* \*

Оставляем лохматого на корабле — кто-то должен присматривать за посудиной. Тем более, что, если столкнемся с местными, то вид грахарианца вряд ли заставит их проникнуться к нам доверием.

Идем по направлению к ближайшей деревне, она обозначена на довоенных картах. Маргин пережил войну, два вторжения — сначала акци, потом эйнеров. Города, скорее всего, были полностью или частично разрушены, а вот маленькие поселения имели шанс уцелеть.

Вокруг щебет птиц, движение в зарослях — мелкие зверушки любопытствуют, кто это забрел на их территорию. День в самом разгаре и не похоже, чтобы местное солнце торопилось катиться за горизонт. Не удивлюсь, если период вращения планеты вокруг своей оси гораздо больше двадцати четырех стандартных часов.

— Тихо, — Хэлг поднимает руку, замирает.

Останавливаемся и мы, чуть не уткнувшись ему в спину. Кажется, ничего особенного не слышно, обычные звуки леса. Но вот над джунглями разносится отдаленное «тук... тук... тук...»

— Похоже на топор. Надо бы проверить.

— Давай я схожу, — Миша выдвигается вперед, — Ждите здесь. В крайнем случае выстрелю в воздух, тогда валите со всех ног к кораблю, без меня.

Он достает пистолет, проверяет его и уже через мгновение скрывается между деревьями. Мы стоим, переминаясь с ноги на ногу, оглядываемся по сторонам.

— Ты доверяешь ему? — спрашивает Хэлг.

Пожимаю плечами.

— Почему я не должна ему верить? Да, мы мало знакомы, но он один из шахтеров, которых война заперла на астероиде. Что плохого можно ожидать от такого человека? Он точно не эйнерская кукла и не агент разведуправления метрополии. Даже не знаю, что хуже...

Вдалеке продолжает раздаваться «тук... тук...» Потом вдруг удары прекращаются. Мы настороженно ждем. Минуту, другую. Через пятнадцать терпение уже заканчивается — нет ни Мишки, ни выстрела. Я уже хочу скомандовать «идем следом», как вдруг до нас доносится шум. Судя по хрусту ломаемых веток, кто-то приближается, и это не один человек. Хэлг снимает с плеча короткоствольный автомат, я передергиваю затвор пистолета. Вглядываемся в чащу.

Михаил появляется первым. Следом за ним — молодая девушка. Может, моего возраста, а скорее всего даже младше. Она в камуфляжных штанах, высоких ботинках и совсем неуместной здесь, в джунглях оккупированной планеты, футболке, на которой изображены герои детских мультиков. За пояс засунут еще более неуместный для юной особы топор, деревянная рукоять которого едва не волочится по земле.

— Привет! — она расцветает в улыбке, опередив Мишку, уже раскрывшего было рот.

— Это Юля, — показывает он на девчонку, — Он Хэлг, а она Вероника.

— Ты менсо? То есть... человек? — спрашиваю я с удивлением.

После того, как она слышит мой акцент, улыбка на лице Юли становится чуть менее радостной.

— Да. А что в этом удивительного? В лесах пряталось много людей, еще с начала войны. А потом сюда и ваши от эйнеров сбежали. Так что теперь в джунглях кого угодно можно встретить. Хотя это... — спохватывается она, — Это скорее ближе к середине материка. Тут, у побережья, немногие решают селиться.

— Почему?

— На берегу старый завод. Там у железноголовых человекоферма.

— Что там? — переспрашиваю я удивленно.

— Человекоферма. Раньше пойманных в безмозглых переделывали, а теперь эйнеры тела сами производят. Клонировать или еще как — я уж не знаю. Только они их иногда выпускают, облавы в лесу устраивают. Тренировка, что ли, такая. Вот люди и боятся здесь селиться. А мне что? У меня дом в таком месте, что до него никто не доберется! Зато ресурсами ни с кем делиться не надо. Все охотничьи уголья — только мои!

Некоторое время я разглядываю веснушчатое лицо, на котором снова играет радостная улыбка, потом поворачиваюсь к Хэлгу, Мишке.

— Не пойму, чего она такая счастливая? Как будто ей кто-то сказал, что мы спасательный отряд и прилетели на Маргин освободить людей от эйнеров. Миш, ты чего ей сболтнул?

— Он примерно так и сказал, — опережает его Юля, утирая нос грязной рукой, — Прилетели покончить с железноголовыми.

— Ясно, — сокрушенно опускаю голову, — Хэлг, ты спрашивал, что в этом парне не так. Теперь я знаю, что не так. Он же просто трепло!

— Да я... — Мишка чешет затылок, подыскивая слова, чтобы оправдаться, — Ну а что я такого сказал? Прямо тайну раскрыл! Не врагу же, а человеку.

Подхожу к нему вплотную, поднимаю голову, потому что шахтер сантиметров на тридцать выше меня.

— Она же сама тебе только что объяснила, что эйнеры теперь в человеческих телах прятаться будут. Да ты бы и так это знал, если бы на астероиде нас внимательнее слушал. А теперь скажи — как ты определил, что она, — я тыкаю в девушку пальцем, — не такое вот тело?

Но сама уже знаю, что не такое. Человек Юлька, нет в этом сомнений. Тварь я бы почуяла.

День на Маргине действительно почти вдвое длиннее земного. Когда уже должен быть вечер, солнце едва перевалило через зенит. Мы добираемся до юлькиной хижины и, надо отдать должное девчонке, сами бы ее жилище никогда не обнаружили. Снизу разглядеть его невозможно, потому что оно прячется в переплетении крон четырех деревьев. Кора у них гладкая, ветви начинаются на десятиметровой высоте — без специального снаряжения не заберешься.

Девушка просовывает руку в неприметный лаз между корней, напоминая нору, дергает там за что-то, и сверху, раскручиваясь, падает веревочная лестница.

— Добро пожаловать в Маргин Хилтон! Кто первый?

Мужчины не сговариваясь уступают мне дорогу и я начинаю карабкаться наверх, заставляя себя не оглядываться. Ветер слегка раскачивает лестницу, да и ветки, к которым она привязана, находятся в постоянном движении. Наконец зеленое облако листьев окружает меня со всех сторон. Здесь свой, особенный мир. Чуть затемненный, напоенный влагой и запахом свежести. Большой черный жук падает мне на руку и я брезгливо сбрасываю его, едва удержавшись слабой правой. Надо быть осторожнее.

Еще чуть выше и вот уже видна площадка, сплетенная из толстых ветвей. Осторожно ступаю на нее, проверяя на прочность. Похоже, этот плацдарм выдержит десятерых. В глубине покачивающихся крон виден домик, к которому от площадки ведет тонкий подвесной мост.

— Черт, да я бы сама здесь поселилась! Девчонка не промах.

В домике большая комната, в центре которой немного кривой — сделанный, видимо, юлькиными руками — стол. Такая же неровная табуретка. Вдоль плетеной стены целый набор кухонной посуды и микроволновка. В домике есть еще одна комната, поменьше. По матрасу, разложенному на полу, в ней легко опознать спальню.

— Ну как? — конопатая, уже поднявшаяся следом, с интересом наблюдает за выражением моего лица.

— Молодец. Не каждый мужик смог бы так обустроиться!

Огонь в хижине Юлька, по понятным причинам, не разводит. Да он ей и не нужен. В тропическом климате холод не докучает, еду можно готовить в микроволновке, работающей на энергии, собираемой солнечной батареей за долгий маргинский день. И после сухпайков, осточертевших за недельный перелет, приготовленный хозяйкой суп из местных птичек кажется мне пищей богов! Чем мы его запивали — даже не могу представить. Сладковатый нектар, от которого в голове слегка зашумело.

— Думаю, мужики не обидятся, если мы оставим их ночевать среди кастрюль и тарелок?

Я неровной походкой направляюсь в спальню. Через просвет в кроне дерева пробивается узкий солнечный луч.

— Ну... Такая себе ночь, конечно.

Помещаемся на матрасе вдвоем, ширина позволяет. Меня клонит в сон, но Юлька ворочается, не дает заснуть.

— Что с тобой, конопатая? Давно с людьми не общалась? Отвыкла?

Та молчит, только вздохнула — тяжело, протяжно.

— Или не столько с людьми, сколько... А, понятно. Возраст, гормоны... Да я и сама, чего греха таить... Мужики тебя волнуют? Брось. Пока не до этого, поняла? И не дергай их, не развращай мне команду.

Она кивает, прижимается, угомонившись. А я закрываю глаза и почти моментально проваливаюсь в сон.

Мне снится болото. Треклятое болото на Расцветающей. С зеленоватой тиной на поверхности черной воды, в глубине которой, в толще ила...

Вздрагиваю, проснувшись. Мозг, натренированный за последнее время контролировать любые мысли, касающиеся связи с эйнерами, не позволил видению продолжиться, выдернул меня из сна.

«Что за черт? Почему опять болото? Неужели его достали, или он выбрался сам? Но почему я почувствовала здесь, на Маргине?» Вокруг шум листвы, пение птиц. Убаюкивающее покачивание хижины. Место кажется безопасным и оно провоцирует заглянуть туда, куда заглядывать нельзя. Я снова опускаю веки.

## ЧЕЛОВЕКОФЕРМА

Осторожно, едва касаясь своим разумом того смутного и малопонятного мира, в котором можно обнаружить связывающие эйнеров нити, я пытаюсь нащупать хоть один источник сигнала. Пусто. Будто и нет на планете чужих, явившихся сюда из глубин космоса. Но что-то манит меня, обращает на себя внимание, заставляя тянуться через невидимые в этом сумраке джунгли, все дальше и дальше, в сторону океана. И вот уже на границе своих возможностей, когда не остается сил проникнуть разумом дальше, я вдруг натыкаюсь на яркую вспышку, скопление многочисленных огоньков, каждый из которых — чей-то мозг, чье-то сознание. Они шевелятся, перемещаются относительно друг друга, вызывая ассоциации с кучей насекомых, отчего становятся только отвратительнее.

Кажется, меня не замечают. И я все так же осторожно прикасаюсь своими мыслями к «муравейнику», пока не обнаруживаю тонкую нить, идущую к нему извне. Кто-то управляет этим скопищем, отправляет команды, принимает ответы. Сеть похожа на ту, что я видела на Расцветающей и Саленосе, эйнеры не пытаются сделать ее динамической — видимо, считают не слишком важной, достойной маскировки. Надо будет зарисовать ее на бумаге, для лохматого. Как и ту, что я видела в космосе, во время сражения. Возможно, так ему будет понятнее, чем объяснять образами.

Больше мне не удастся ничего почувствовать: нить, идущая от «муравейника», теряется. Не хватает сил, чтобы проследить ее до конца. Я открываю глаза, снова вижу перед собой плетеную стенку хижины, зеленоватые блики, слышу птичье пение и шелест листьев. Рядом спит веснушчатая девчонка, смешно приоткрыв рот. Хорошо ей. Нет странных видений и страха, что тебя найдут, если вдруг неосторожно выдашь себя во сне. Но усталость сильнее, она заставляет меня терять нить размышлений, клевать носом, и вот я уже снова засыпаю, не обращая внимания на солнечный день.

А утром, когда мы просыпаемся, хижина и кроны деревьев уже купаются в оранжевом свете заката. Еще немного и светило опустится за горизонт, оставив лес в темноте.

— Я хочу подойти ближе к человекоферме.

Не похоже, что Юля очень удивляется моим словам.

— У вас, чокнутых, свои причуды. Но если хочешь — провожу. Ты же не будешь заходить внутрь, правда? Только со стороны посмотришь?

Я молча смотрю ей в глаза и девчонка, уже сомневаясь, что я хочу наблюдать только со стороны, пожимает плечами.

— Ладно.

Мы идем под прикрытием темноты. Где-то высоко в небе мерцают звезды и медленно ползут две луны. Их свет почти не проникает в глубину джунглей. Впрочем, у нас есть проводящая, которая идет так уверенно, будто это яркий день, а под ногами — асфальтовая дорога. Мы стараемся не отставать, даже когда спотыкаемся о коряги, не успеваем увернуться от хлестких ветвей. Проходит час, другой.

— Далеко еще? — я останавливаюсь, пытаюсь восстановить дыхание.

— Часа три. Может, четыре, — девушка бросает на нас взгляд, оценивает, — Да. Пожалуй, четыре. Давайте остановимся, передохнем.

— Давайте, — соглашаюсь я и слышу, как за спиной что-то одобрительно бормочут Мишка с Хэлгом.

Пилот подсаживается рядом, на сухую кочку.

— Уверена, что оно того стоит?

— Надо же с чего-то начинать. Там скопление эйнерских сигналов, вот и потянем от него за ниточку. С большого расстояния у меня не получается.

— Пыталась прощупывать их, да? — спрашивает он с неодобрением, — Дело твое, Вер. Я не боюсь, да и Мишка, думаю, тоже. Но старайся быть осторожнее.

— Я стараюсь.

Скоро снова трогаемся в путь. Рассвет наступит лишь через сутки, значит, дойдем до цели под покровом темноты. Это хорошо, и я жалею только о том, что у нас нет с собой бинокля, вроде того, что брал с собой Андрей, когда мы ходили с ним на Расцветающей в горы. Конечно, мне не нужно осматривать человекоферму, главное то, что я смогу увидеть своими чувствительными извилинами. Но почему-то кажется важным разглядеть цель путешествия собственными глазами.

Джунгли начинают редеть. Все чаще встречаются поляны, заросшие травой, купол из зеленых крон уже не скрывает от нас звездное небо. В какой-то момент деревья просто заканчиваются. Мы стоим

на краю обрыва, у подножия которого начинается широкий пляж. До пенистого прибоя метров триста, не меньше.

— Так. И? — я оглядываюсь, пока не замечаю в стороне, по левую руку от нас, громоздкое строение, похожее на большой цех какого-нибудь завода. Оно возвышается над мысом, вдающимся в океан еще на пару сотен метров, — Она?

— Она, — подтверждает Юлька.

Осторожно пробираемся вдоль кромки обрыва, стараясь оставаться под прикрытием растительности. Через несколько минут подходим к ферме так близко, что идти дальше кажется слишком опасным. Перед зданием — большое пространство, залитое бетоном, огороженное высоким забором. На крыше горят два прожектора, которые не могут показать нам всю территорию, но высвечивают достаточно, чтобы мы увидели толпу... Кого? Я понимаю, что это не люди, хоть они и выглядят так же, как мы. Называть их клонами тоже не совсем правильно, скорее всего они сконструированы с нуля, по образу и подобию человека. Заготовки — вот что приходит мне на ум. Они не топчутся, как безмозглые, проявляют некоторые признаки сообразительности: трогают забор, стараются не наталкиваться друг на друга. Те, кто устал, садятся на бетон.

Отворачиваюсь, чтобы не отвлекаться. Я пришла не за этим. Главная задача — понять кто ими управляет и откуда. Закрываю глаза, стараюсь сосредоточиться. С каждым разом это удается мне все легче. Вот яркое скопление заготовок, проявляющих зачатки сознания, или, скорее автономного управления, ждущего команды извне. Вот сверкающий канал связи, протянувшийся к ним: отсюда он прощупывается особенно хорошо и кажется пульсирующим. Куда же он тянется?

— Ты знаешь, что там? — показываю я рукой, обращаясь к Юльке.

— Кажется, ничего. Ближайший город был в противоположной стороне, но он разрушен, в нем никто не живет. А там... Лес, наверное. Джунгли.

Я пытаюсь снова прощупать канал, отследить поток информации. Тот, кто управляет заготовками, должен находиться километрах в пятидесяти, не больше. Возможно, я даже вижу его — слабое пятнышко, светящееся вдали. Или это только кажется?

— Ой-ой! — Юлька дергает меня за рукав.

— Что?

Смотрю на территорию человекофермы. Огромные двустворчатые ворота, еще минуту назад тесно сомкнутые, сейчас бесшумно расходятся в стороны. Тела, топчущиеся или сидящие на бетоне, не сразу реагируют на это, но вот один поворачивает голову, направляется к открывшемуся проходу, прочь от нескладной громады здания, за ним другой, третий.

— Нам надо валить!

Я согласна с конопатой, хоть и слабо верится, что заготовки способны выследить и догнать разумных людей.

— Уже приходилось попадать в облавы, — опровергает мои мысли девчонка, — Они, заразы, быстро бегают!

Мы ломимся через заросли, сначала редкие, потом снова превращающиеся в тропический лес, не желающий пропускать нас дальше. Я прикидываю — совпадение ли то, что именно сейчас открылись ворота, или кто-то дал команду? А если дал, то почему? Меня почувствовал?

— Нужно разделить! — бросаю я на ходу, — Бегите к кораблю, а я отвлеку их!

Хэлг не дает мне убежать, останавливает, схватив за руку.

— С ума сошла?! Неужели думаешь, что я... что мы тебя бросим? Да мы и корабль не найдем!

— Я пойду с ней! — заявляет Юлька, — Корабль там, километрах в тридцати. Смотри на звезды, пилот, тогда найдешь!

Она оборачивается, заглядывает мне в глаза, — Думаешь, облава из-за тебя? Если так, то за ними не пойдут, только за нами. А я покажу, как обмануть, спрятаться.

Времени на размышление нет, но мы еще переглядываемся, решая каждый для себя — как правильнее поступить.

— Уходите! — почти кричу я Мишке и Хэлгу.

Срываюсь с места, подтолкнув Юльку. Мы не оборачиваемся, бежим, надеясь, что задержка не поможет преследователям. Я пропускаю девчонку вперед, несусь за ней, стараясь не потерять в темноте, ни о чем не задумываясь. Лучше перестраховаться, отключить голову, насколько это возможно.

Мы не слышим погони, но Юлька не останавливается. Ей виднее. Раз бежит, значит так нужно. Я всегда считала себя выносливой, но даже мне угнаться за конопатой непросто! Через какое-то время я сдаюсь.

— Поймай! Ф-фух... Давай остановимся... Хотя бы... на минуту.

Она останавливается, но с тревогой смотрит мне за спину. Потом вверх, на деревья.

— Давай наверх!

— Куда наверх? Стволы же гладкие.

— Вот здесь, это другое дерево.

Юля хватается за ветку, подтягивается, потом за другую. Дерево действительно отличается от большинства других — извилистый ствол, множество таких же кривых веток... Если посмотреть внимательнее, такие встречаются и в других местах, просто я не обращала на них внимания.

— Юль, я не вижу, чтобы за нами кто-то гнался.

— Ползи!

— А если гонятся именно за мной, то дерево нас не спасет.

— Ползи говорю! Спасет, не спасет...

Мы забираемся достаточно высоко, чтобы и при свете солнца за первым листовым ярусом уже не было видно поверхности земли. А сейчас, когда светит лишь тусклая луна, понять, что внизу, совершенно невозможно.

— Тихо, — шепчет Юлька.

Замираем, вцепившись в шершавый ствол дерева, упираясь ногами в основания веток. Мне кажется, что вокруг только звуки ночного леса. Где-то прокричала птица, слышно журчание ручья... Но вот до нашего слуха доносятся посторонние звуки. Они как поток воды, надвигающийся издалека. Я понимаю, что это шум раздвигаемых веток, шум множества ног, ступающих по мягкой лесной подстилке. Вскоре они уже под нами, проносятся, словно цунами, со всех сторон.

Рука Юльки находит мою, крепко сжимает. Может, девчонка хочет, чтобы я случайно не вскрикнула, не шевельнулась? Напрасно. Главное для меня не думать. Я не знаю, как это сделать: стоять ли с закрытыми глазами или открытыми, да и какая разница, если вокруг ночная тьма? Чтобы отвлечься, не запаниковать, отбираю у Юльки свою слабую правую и уже сама сжимаю ее сильной левой, сжимаю до боли, на которой и концентрируюсь.

Проходит много времени, прежде чем наступившая тишина успокаивает.

— Все? — спрашиваю по-прежнему шепотом.

— Да черт его знает, — отвечает девчонка так же тихо, — Они ведь и обратно пойдут. Только когда и где? Может и не в этом месте...

Посоветовавшись, мы решаем спуститься и уходить в сторону, прочь от направления, по которому прокатилась волна тел-заготовок. Идем быстро, но не переходя на бег, чтобы сберечь силы. Через час поворачиваем: я хочу дойти до того места, откуда шел сигнал к человекоферме. Юля продолжает утверждать, что там ничего нет, но я не верю, настаиваю на своем. Что-то должно быть, обязательно должно. И тогда она соглашается.

Нескончаемый лес, прячущийся в темноте, чем-то напоминает мне другой — тот, что на Расцветающей, через который мы шли с Андреем. Становится прохладнее, все-таки сутки стандартного времени это многовато, планета начинает остывать. Даже птицы смолкли. Зато после долгого молчания подает голос моя спутница:

— Давай остановимся.

— Неужели устала? — усмехаюсь я, — Мне казалось, что в тебе сил будто на двоих, а то и больше!

— Нет. Не устала. Хочу рассказать кое-что.

На всякий случай она прислушивается — вдруг появятся посторонние звуки? Оглядываться бесполезно, вокруг темно. Но мы по-прежнему слышим лишь дыхание джунглей и тогда она начинает. Говорит спокойно, даже монотонно, без эмоций. В какой-то момент я вскакиваю, отхожу подальше. Смотрю туда, откуда доносится ее голос, широко раскрыв глаза. Девчонка продолжает, зная, что я не ушла, стою где-то тут, рядом, в темноте. Тогда я медленно возвращаюсь, продолжаю слушать. А она говорит, говорит...

Когда Юлька заканчивает, она опускается на траву, упираясь спиной в гладкое дерево. Я подхожу, заставляю себя протянуть руку, погладить девушку по волосам.



\* \* \*

Мы не знаем, где Мишка и Хэлг. Все ли с ними в порядке, все ли хорошо у лохматого, добрались ли они до него? Как бы то ни было, я принимаю решение продолжить путь. Только после того, как достигну намеченной цели, можно будет повернуть обратно и попытаться отыскать корабль грахарийца.

Где-то далеко начинается свой медленный ритуал маргинский рассвет. До восхода светила еще далеко, но цвет неба меняется с черного на темно-синее, уже можно что-то разглядеть перед собой, ступить увереннее.

— Может, было ошибкой лететь к этой планете.

— Почему?

— Мне кажется, здесь используется только прежняя эйнерская сеть. А нам нужна новая.

Юля оглядывается на меня и я вижу в сумраке, как она хмурится.

— Ты говорила, что хочешь не только понять динамическую сеть, но и отыскать среди акци особенных людей. И нашла меня. Значит, полет не был напрасным.

Я улыбаюсь, ничего не говорю ей в ответ, хотя понимаю, что девчонка права. Ненавидимая мною судьба продолжает вести меня за руку странным, извилистым путем, некоторые повороты которого приводят в ужас, а иные столь неожиданны, что заставляют терять дар речи.

За все время пути я лишь раз позволяю себе прикрыть глаза, почувствовать, что мы идем правильной дорогой. Информационный канал, протянувшийся от самого побережья, все еще рядом, он по-прежнему пульсирует. И то место, где он заканчивается, все ближе, мы неумолимо к нему приближаемся. Один раз я даже поправила Юльку, когда она хотела немного изменить маршрут — теперь я вижу его лучше, чем конопатая, которая ориентировалась по звездам, но сейчас они побледнели и гаснут одна за другой.

Выходим на пригорок, с которого открывается вид на обширное море джунглей. Где-то там, в получасе ходьбы, прячется нечто. Пытаюсь определить — в каком именно месте это должно быть. Наверное, где-то среди деревьев, одно из которых вздымает свою крону чуть выше остальных. До боли в глазах всматриваюсь, надеюсь распознать хоть что-то, не похожее на привычный мир зеленого леса. Но нет, джунгли хранят свои тайны до конца. Что ж...

— Идем дальше!

На ходу проверяю пистолет: оружие должно быть готово. Никогда не любила автоматы — громоздкие, неудобные. А вот короткий ствол то, что нужно. Пусть даже его скорострельность и боезапас уступают автоматическому оружию.

Мы уже совсем рядом, до цели несколько минут. Юлька вдруг выходит вперед, она считает, что лучше меня почувствует и поймет любую неожиданность, которая может нас встретить.

Останавливается. Показывает мне на корягу, торчащую из земли. Приглядевшись, я понимаю, что это вовсе не кусок дерева. Удачно замаскированный датчик, направленный на такой же, только метрах в десяти дальше. А тот, в свою очередь, на третий, и наверняка есть четвертый, пятый...

— Охрана периметра, — тихо говорит Юлька.

— Ты уже видела такое? Знаешь, как обойти?

— Видела. Никак не обойти. Нужно возвращаться к кораблю, Вероника.

Она уже разворачивается, чтобы отправиться восвояси, но я не могу так просто сдаться.

— Подожди. Давай попробуем пройти вдоль линии охраны.

— Зачем? Надеешься найти разрыв? Напрасно. Говорю тебе — преодолеть не получится и никакого разрыва ты не найдешь.

И все-таки мы делаем так, как я решила. Идем мимо датчиков, стараясь держаться от них чуть в стороне. Линия охраны плавно закругляется, оставляя внутри охраняемой зоны что-то, невидимое нам из-за деревьев.

— Ну? Убедилась?

Сделали круг, вернувшись к тому же месту, от которого ушли.

— Зона не такая уж и большая, — говорю я задумчиво, поглаживая волосы, отросшие уже до плеч, — Там не может быть большой базы или чего-то вроде этого. Не слышно ни голосов, ни шагов. Вообще никаких признаков жизни! А, кроме того, я видела лишь один единственный сигнал. Знаешь, по-моему тут или никого нет, или... Кто-то один. Если мы пересечем линию охраны, здесь не появится

откуда ни возьмись вооруженный отряд эйнеров. Уж точно не сразу. У нас будет время осмотреть место и уйти достаточно далеко.

Юлька опускает голову, качает ею из стороны в сторону.

— Ну... Валяй.

Словно получив разрешение, без которого не пошла бы вперед, я делаю первый шаг. Ничего не происходит. Если где-то и звучит сигнал тревоги, для нас он абсолютно бесшумен. Оглядываюсь — Юлька идет следом. Теперь она уже не торопится выскочить вперед.

Обходим кусты, деревья... И вот уже перед нами расчищенная от зарослей площадка. В ее центре нечто темное, будто вырастающее из земли. Кажется, это металлический бункер с плоской крышей и наклонными стенами. Подходим вплотную. Изнутри доносится слабый гул.

— Что это? — я смотрю на спутницу, но, внезапно догадавшись, сама себе отвечаю, — Чертов склеп...

## ВСЕ МОЛНИИ РАЗНЫЕ

Я точно знаю, что это склеп, я чувствую его. Ощущаю пульсацию множества индивидуумов, заключенных в железной коробке со сторонами пять на десять метров. Сколько их там, внутри? Десять? Сто? Тысяча? Но лишь один направляет свой разум в сторону человекофермы, поэтому других я не могла обнаружить на большом расстоянии. Теперь понимаю, что они протягивают информационные каналы-щупальца куда-то дальше.

С торца сооружения обозначен вход — едва заметная щель открывающегося люка и непонятный знак на языке эйнеров. Ни ручки, ни пульта управления. Я осторожно прикладываю ладонь к прохладной поверхности. Вряд ли можно взломать створку, выстрелив в нее из пистолета. И взрывчатки у нас нет. Но мне ужасно хочется попасть внутрь!

— Давай я попробую, — Юля отодвигает меня в сторону, сама подходит к люку.

Одного ее прикосновения достаточно, чтобы внутри заворчал какой-то механизм, железный прямоугольник провалился и отъехал в сторону. Я смотрю на девчонку, прищурившись.

— Если бы ты не помогала нам, я бы тебя пристрелила, честное слово. Сложно доверять человеку, которому подчиняется техника врага.

Она лишь пожимает плечами, входит внутрь. Там слышится гул, воздух пахнет чем-то техническим — сразу и не поймешь, чем именно. Из всего освещения лишь два мерцающих монитора, справа и слева. Вдоль стен ярусами тянутся ряды непонятных устройств, смонтированных под углом. Они могут быть чем угодно: системными блоками, генераторами, накопителями информации... Но мне не нужно угадывать, чтобы понять — это и есть вместилища эйнерских душ.

— Как думаешь, быстро здесь окажутся те, кто следит за охраной периметра?

— Да уж не задержатся. Наверное, минут через пятнадцать будут, — отвечает Юлька.

Я провожу рукой по устройствам. Пять ярусов с каждой стороны, в одном ряду... Сколько? Начинаю считать: пять... десять... пятнадцать... Тридцать два. Значит, склеп вмещает триста двадцать сознаний. Понимают ли они, что я сейчас здесь? Знают ли об этом? Боятся или нет?

Достаю пистолет, но Юля останавливает меня.

— Не надо.

— Почему?

— Не надо... Ведь всю планету на дыбы поднимут. Под каждый куст заглядывать станут, не спрячешься. А и спрячешься, так ненадолго. Не стреляй, Вероника, — она держится за ствол оружия, заставляя меня опустить его.

— Ладно, маленькие злобные твари, — окидываю взглядом внутренности склепа, — Я еще вернусь за вами!

Мы выходим на улицу и люк позади закрывается.

— Все равно ведь узнают, что заходили внутрь.

— Ты там камеры внутри видела?

— Нет, — отвечаю я, подумав мгновение, — Но это ничего не значит. Камеры можно так замаскировать, что и не разглядишь, тем более в полутьме. Да еще и у дверного замка могут быть

логи — когда открывался, когда закрывался, по чьей команде... Ну да чего уж теперь. Идем быстрее, нам лучше затеряться в джунглях!

Завывание двигателей корабля настигает нас через несколько минут. Что там, на охраняемой территории, мне уже не интересно. Надеюсь только, что прилетевшие эйнеры будут долго искать причину поднятой тревоги и не бросятся тут же прочесывать лес.

Юлька ведет извилистой дорогой, которую наверняка выбирает спонтанно, но я доверяю ей. Она не один год живет в джунглях Маргина, знает, как запутать след. А если бы хотела подставить — давно бы сделала это.

Местное утро, ленивое и долгое, перетекает в день тогда, когда нам уже пора думать о ночлеге. Мы ушли далеко и ни разу не донеслись до нас звуки погони. Можно расслабиться, сбавить темп.

— Куда хоть идем?

— Домой, куда же еще?

— К твоей хижине?

— Ага. Но сегодня уже не дойдем, надо остановиться.

Находим еще одно кривое дерево, по веткам которого можно забраться наверх, укрыться в разлапистой вершине: днем нельзя оставаться на виду. Кое-как устраиваемся среди ветвей, чтобы можно было заснуть и не свалиться вниз. Запасов еды у нас осталось немного — по куску черствого хлеба, да полфляги воды. Ничего, переживем. Отужинав, затаихаем, надеясь выспаться, набраться сил.

Я размышляю о том, как не допустить в свой разум предательских снов. И прихожу к парадоксальному выводу, что лучше проникнуть в запретный мир сейчас, пока еще мой мозг бодрствует. «Вдруг это поможет? Подсознание не станет подкидывать сновидения, причина которых уже обдумана, решена. Или это я сама себя уговариваю? Прикосновение к сети эйнеров стало для меня наркотиком, желанием, от которого невозможно отказаться, и я теперь придумываю причины, которые бы оправдали опасный контакт. К черту!»

Там, где мы оставили склеп, оживление. Множество линий, расходящихся во все стороны, непрерывный обмен информацией. Начинаю замечать, что у разных источников свой почерк. Возможно, это и раньше было мне доступно, но я не обращала на такие «мелочи» внимания. Теперь же могу разобраться и в том, кто важная единица социального устройства чужих, а кто лишь маленькая шестеренка, почти не передающая информации, принимающая только приказы.

Большая часть населяющих склеп — рядовые эйнеры. Выделяются только три или четыре сознания, которые стоят на ступеньку выше в своем общественном положении. И есть еще кто-то... Нащупать его канал сложно, он то появляется, то исчезает. Я понимаю, что он вовсе не в склепе, но обладает таким мощным сигналом, что легко подключается к любой «шестеренке», отслеживает ее действия, возможно — смотрит на мир чужими глазами, выискивая что-то. Или кого-то...

\* \* \*

Мы возвращаемся к хижине в разгар маргинского дня. Прежде чем дернуть за потайной рычаг, спустить лестницу, Юлька обходит окрестности, высматривает какие-то одной ей известные приметы, которые могут сказать — был ли кто у домашнего дерева в наше отсутствие или нет. Наконец она приближается к гладкому стволу, запускает руку между корней.

— Вроде бы чисто, следов нет. Только крокодил приползал.

Я с опаской начинаю оглядываться.

— Крокодил?

— Ну, это я его так называю. Вообще-то он не из этих, не из пресмыкающихся. Просто издали похож на крокодила. А по характеру милейшее создание, вроде собачки. Привыкли, заразы, что у меня тут едой пахнет время от времени, вот и приползают. Ну все, готово. Карабкайся!

Мы ползем наверх: я снова первая, она следом. Вот и нижние ветки, за которыми начинается зеленое буйство, скрытое от остального мира, приподнятое над ползающими и бегающими животными, наполненное пением птиц. Среди залиvistых трелей я вдруг слышу посторонний звук, то прерывающийся, то появляющийся снова. Он напоминает рычание зверя.

Показываю Юльке, что наверху кто-то есть, достаю пистолет. Вот и площадка, от которой к хижине идет подвесной мостик. Девчонка тоже забирается, смотрит на меня с тревогой. «Кто там?» —

спрашиваю я у нее одним взглядом. Юлька разводит руками и это пугает меня еще сильнее. Если уж обитательница джунглей не знает, кому может принадлежать рычание...

Выставив перед собой оружие, я медленно приближаюсь к плетеному домику. Остается три шага, два... Опускаю руки, прижимаюсь к косяку у входа, облегченно вздохнув.

— Черт, Мишка, я не знала, что ты так храпишь!

Шахтер, распластавшийся прямо на полу, начинает ворочаться, открывает глаза. Увидев меня вскакивает.

— Хэлг, они вернулись!

Почти сразу из соседней комнатухи выходит, протирая глаза, пилот. Смотрит на меня с улыбкой, не решаясь на большее, пока я сама не бросаюсь к нему в объятия.

— Едва ноги унесли, — рассказывает Миша, ковыряя копченую рыбину, которую Юлька достала из домашних запасов, — Один уж было догнал нас, но я его приложил о дерево.

Шахтер усмехается, вытирая рукавом губы.

— Остальных запутали. Отвлекли, стрельнув пару раз из автомата, а сами в другую сторону. Бежать пришлось так, что потом насилу отдышались! Зато ушли. И хорошо еще, что я сумел сориентироваться — в какую сторону идти, где корабль искать!

— Ой, сиди давай! — возмущается Хэлг на корявом менсианском, — Сориентировался он... Если б я звезды не запомнил, так бы и бродили туда-сюда.

— Вот кому ты сейчас о звездах...

— Тихо! — прерываю я оживленный спор, — Выбрались, живы — и ладно. Чего теперь копыа ломать? Скажите лучше, где лохматый со своей посудиною? И как это вы сумели сюда попасть, не оставив ни одного следа на земле?

— Так вон же, — указывает куда-то Михаил, — Он приземлился в сотне метров отсюда. Там и дожидается. Я думал вы его заметили... А нас он по веревке спустил, завис над деревьями и готово! У пеллициуса такое зрение — позавидуешь. Несколько раз над этим местом пролетали, но он как-то умудрился разглядеть дом среди веток и листьев. Потом полетел искать место для посадки, но мы видели, что корабль сел почти сразу.

Мишка с Хэлгом не ошиблись, я нахожу грахарианское судно чуть дальше, в ста метрах от дерева, на котором живет Юлька. Завидев меня в обзорное окно, лохматый открывает люк. Я знаю, что завтра отправлю его прочь с планеты, поэтому должна сегодня, сейчас сделать все возможное, чтобы совместными усилиями раскусить динамическую сеть эйнеров!

Мы разговариваем долго, очень долго. От расшифровки его образов и создания своих у меня уже гудит голова. Я ложусь на пол, закрываю глаза. Так общаться чуть легче. Картинки, переданные сознанием и нарисованные на бумаге, изображающие ту сеть, что я видела в космосе, мало помогают. Грахариец воспринимает мир по-своему, я не могу объяснить ему многие вещи, которые человеку кажутся простыми и понятными.

«Связи-молнии в динамической сети выглядят одинаково, как ты этого не понимаешь?»

«Но они разные, в этом все дело».

— Господи, какой же ты тупой!

Поднимаюсь, начинаю мерять шагами рубку корабля.

«Выпей чаю».

— Спасибо, лохматый. Мне не хочется.

Дублирую слова образом отказа и... замираю на месте.

«Что ты сказал?»

«Выпей чаю».

«Нет, раньше».

«Все молнии разные».

— Правильно... — я сажусь в слишком большое для меня кресло пилота, обхватываю голову руками, — Почерк. У каждого канала, каждого индивидуума есть свой почерк. В склепе я видела, как отличаются сигналы рядовых эйнеров от тех, кто управляет ими. Но так же будут отличаться и сигналы в новой сети.

Это еще не победа, но хоть что-то. Отправная точка, с которой можно начать. Придется найти место, где работает динамическая сеть, проверить все вживую. Есть ли такое место на Маргине?

Не знаю. Прямо сейчас отправиться на другую планету мы не можем, потому что для пеллициуса и его корабля есть другая, более важная работа. Значит, нам придется найти себе новый транспорт.

Мы с Юлькой стоим в стороне от остальных, она долго выслушивает мои наставления: то улыбается, то кивает головой, становясь не по-юношески серьезной. Потом взбегает по короткому трапу грахарианского корабля и скрывается внутри, ни разу не обернувшись. С утробным урчанием просыпаются двигатели, приподнимая продолговатый серый корпус, позволяя амортизаторам повиснуть в воздухе. Еще мгновение и, разорвав зеленые кроны, он взмывает вверх.

У нас нет времени стоять и провожать его взглядами. Если место старта отследят — а скорее всего так и будет — сюда нагрянет эйнерский отряд. Нужно уходить.

Идем цепочкой: впереди Хэлг, за ним я, замыкающим следует Михаил. Снова темнеет, к тому же лес накрыл мелкий дождь, больше похожий на водяную пыль. До нас он не долетает, оседая на листьях, но собирающаяся влага то и дело срывается, падая на землю крупными каплями.

— Все равно не понимаю, зачем было отправлять их куда-то вдвоем? — ворчит пилот.

— Один профессиональный разведчик как-то раз дал мне понять, что если ты чего-то не знаешь, то никому и не разболтаешь. Я не самая большая поклонница всех этих военных игр, но в данном случае должна с ним согласиться.

— А в том направлении, куда мы сейчас идем, ты уверена? — подает голос Мишка.

— Скажем так — пятьдесят на пятьдесят. По старым картам там ничего нет. Но я точно знаю, что приказы в склеп шли оттуда. Думаю, если нам повезет, мы найдем эйнерское поселение. Если очень повезет, то космический корабль. А если везение перейдет всякие границы и начнет бить фонтаном, то мы этот корабль угоним.

— На чем попало не полечу, — слышу я продолжающееся ворчание спереди, — Нужен корабль...

— Знаю, знаю! Нужен корабль класса цэ. Но мы не на базаре — что будет, то и возьмем.

Идти ночью по джунглям без такого провожатого, каким была Юлька, сравни самоубийству. Мы останавливаемся. Перекусив, устраиваемся поближе друг к другу, чтобы можно было укрыться под единственной непромокаемой накидкой. Мишка с Хэлгом, расположившись по обе стороны от меня, о чем-то долго спорят, пока я не прекращаю их дискуссию резким окриком. Наступает тишина, в которой слышны лишь звуки падающих на накидку капель да шум листвы где-то высоко над головой.

\* \* \*

Это действительно поселение. Мы добрались до него на третий день и сейчас внимательно рассматриваем со стороны, укрывшись в зарослях. Дома, собранные из металлических панелей, построены не так давно. Видимо, эйнеры отказались жить на руинах маргинских городов, решили, что проще строить для себя временные поселения.

Людей на улицах не очень много, но это окраина. Ближе к центру картина должна измениться. Все, что я вижу, очень напоминает мне Расцветающую. Даже энергоблоки на спинах носителей такие же громоздкие, непохожие на аналоги, использующиеся на Саленосе.

— Надо сходить туда. Глянуть — что да как.

— Давай я пойду, — вызывается Мишка, — Или кинем жребий?

— Я разве спрашивала, кто пойдет? Я просто сказала, что надо сходить. А вы — оба — понятия не имеете, как нужно вести себя в таком месте, чего опасаться. Сидите тут и ждите.

Прежде, чем кто-то из них успеваешь остановить меня, я выхожу из укрытия, и, оглядываясь по сторонам, стараясь не привлекать внимания, перебегаю на обочину ближайшей улицы. Нельзя было обсуждать это, потому что мужики снова стали бы спорить, взвешивать за и против. Надо просто идти и делать.

С продвижением вперед улицы действительно становятся более многолюдными. Иду опустив голову, как это принято на оккупированных территориях, но украдкой поглядывая по сторонам. Было бы неплохо заговорить с кем-то: личное общение может дать больше, чем длительное наблюдение. Но делать это надо очень осторожно, чтобы случайно не нарваться на фанатика, служащего эйнерам.

Пропускаю патруль из двух носителей с хозяевами. Маленькие железные твари на этой планете не прячутся в шкурки детских игрушек. Неудивительно, ведь после двух войн, прокатившихся по Маргину, здесь вряд ли уцелели плюшевые мишки и зайчики.

Эйнер, покачивающийся на спине человека, стреляет в меня взглядом красных глаз, но, не проявив интереса, тут же отворачивается. Я с облегчением выдыхаю. «Пожалуй, было бы неплохо накинуть на плечи какой-нибудь бесхозный горб». Что-то во мне отзывается на эту мысль ноющей болью, которая одновременно кажется омерзительной и сладкой.

Один квартал сменяет другой и мне кажется, что скоро поселение закончится, я пройду его насквозь. Останавливаюсь на перекрестке, чтобы осмотреться и решить — куда дальше. Передо мной, метрах в десяти, стоит плечистый мужчина с энергоблоком на спине, курит сигарету. Я смотрю на его спину и неприятное чувство, закрадывающееся в душу, уже подсказывает, что мне знакома эта фигура. И этот профиль, который я вижу, когда человек поворачивает голову. Наконец он оглядывается, а я стою, не смея шевельнуться.

Несколько мгновений мы смотрим друг на друга. Он опускает руку, роняет сигарету. Медленно подходит ко мне.

— Вероника?

## КОРАБЛЬ СТАНОВИТСЯ МЕЧТОЙ

Оглядываюсь — не обращают ли на нас внимания? На перекрестке оживленно: люди с хозяевами, люди без хозяев, одни идут по своим делам, другие стоят в одиночестве или маленькими группами... Не поймешь, наблюдает ли кто-то за нами среди городской суеты.

— Здравствуй, Григ.

Он подходит вплотную, накрывая меня тенью мощного тела. Смотрит пристально.

«Почему не спрашивает — как я здесь оказалась, что делаю на этой планете?»

— Я должна сказать спасибо. За то, что там, на Расцветающей...

Он качает головой из стороны в сторону.

— Идем со мной, Вероника.

«Что-то тут не так».

Разворачивается, уходит с середины перекрестка в сторону одной из улиц. Он не оборачивается, но я не смею послушаться, попытаюсь сбежать. Покорно иду следом. Чувствую, что если попытаюсь сделать иначе, будет только хуже.

— Помнишь, я говорил тебе, что за хозяина убью? — тихо спрашивает он.

Я молчу, но и так понятно, что помню. Григ ведет меня по тротуару широкой улицы: это странный город, его построили эйнеры, для себя, своих носителей и прислуги. Он похож на человеческие города и в то же время разительно отличается. Чужие переняли у нас простую и понятную систему из пересекающихся улиц, стоящих по сторонам домов, но по своей старой привычке не стали ничего благоустраивать. Дома — лишь временные металлические модули. Дороги — расчищенные от растительности направления. Нет ни асфальта, ни бетона.

Мы сворачиваем к нагромождению железных конструкций, хаотично слепленных друг с другом, словно ребенок играл в кубики и построил большой дом так, как умел, как смог. Между различными частями строения есть узкие проходы, над которыми нависают модули, соединяющие корпуса на уровне верхних этажей. «Куда мы идем?»

— Сюда, — Григ открывает одну из дверей, пропуская меня вперед.

Длинный коридор. Поворот. Чувствую, как стучит сердце — с каждым шагом все быстрее и быстрее. Еще один поворот. Небольшая, пустая комната, в которой Григ останавливается.

— Нужно подождать.

Я ни о чем не спрашиваю. Знаю, что он не будет отвечать, иначе сказал бы еще там, на перекрестке. Мы просто стоим и молчим. Пять минут, десять... Наконец открывается дверь, в комнату входит женщина. На ее спине горб, поверх которого восседает эйнер. Взгляд у женщины бессмысленный, пустой. Безмозглая. Она проходит мимо нас, позволяя своему хозяину рассмотреть меня спереди, потом обходит сзади.

Сердце готово выскочить из груди, но я сдерживаюсь. Стараюсь ни единым движением не выдать своего волнения. Эйнер на безмозгом носителе уходит, удовлетворившись осмотром, а я украдкой поглядываю на Грига: он сам будто неживой — стоит, уставившись в одну точку на стене.

— И что теперь? — не выдерживаю я.

Но Григ по-прежнему не отвечает. «Вот влипла, дура! Спокойно, Вероника. Спокойно... Все-таки есть в этом что-то странное. Надо подумать, обмозговать как следует. А главное — не паниковать. Шанс случайно встретить Грига на Маргине почти нулевой. Я не верю в такие совпадения. Значит... Опять это гадкое чувство, будто за тобой все время следят, даже когда ты этого не видишь, не чувствуешь, не понимаешь! И не просто следят, а контролируют все, что ты делаешь, выстраивают твою жизнь по своему разумению. Нет! Этого не может быть! Слишком много было неожиданных поворотов, предугадать все это, подстроить, просто невозможно».

Медленно поворачиваюсь к плечистой фигуре, замершей рядом со мной, всматриваюсь в знакомые черты лица. Сколько раз я видела Грига в доме хозяина Зуна? Ошибиться невозможно. И все же... Взгляд, молчание...

— Помнишь детей, которых ты учил плавать? Еще до войны?

Молчит. Даже бровью не повел.

— Не может быть, чтобы забыл!

В ответ ни звука.

— А что ты сделал в порту, помнишь? Когда загоняли в трюмы живой товар?

Это не он. Не Григорий. Я встаю напротив, заглядываю в его холодные глаза. Что-то есть в них — подозрительное, чужое.

— Ты там. Кто бы ни был, я знаю — ты там, следишь за мной, смотришь глазами своей куклы. Думал, не догадаюсь?

Закрываю глаза и вижу, как мощный информационный поток устремляется прямо в «Григория», приносит ему отрывистые сообщения, забирает ответы. Знакомый почерк! Без тени сомнений вцепляюсь в этот поток. «Кто ты?» И тут связь обрывается.

В коридоре слышен топот. Деваться некуда, хоть Григ и стоит, как истукан, не пытаюсь помешать мне. Впрочем, окно... Сразу за ним металлическая стена соседнего корпуса, почти вплотную, сантиметрах в двадцати. Ну, может быть в двадцати пяти. Человеку с энергоблоком не поместиться, да и такому верзиле, как Григ — тоже. Но я, слава богу, не из широкой кости сделана!

Ударом ноги вышибаю стекло вместе с рамой. Кулаком сбиваю осколки, чтобы не распороть себе живот, когда выползть стану. Протискиваюсь... В первое мгновение кажется, что застряну. Но рывками продвигаюсь к краю модуля, хватаюсь за него, вытаскивая себя на волю.

Бежать! Узкий проход ведет на просторный внутренний двор, оттуда — на улицу. Слышу позади крики. Убегу, но сколько шестеренок на пути, к которым может подключиться тот, стоявший за холодным взглядом Грига? Нет, по улице нельзя. Между ближайших домов, потом снова в просвет между железными ящиками, и дальше, дальше... Через улицы перебегаю с оглядкой и только от обочины к обочине.

«Уо-о-о-у-у!» — доносится где-то за спиной. Знакомый вой, воспоминания о котором щекочат нервы. Ну, теперь все. Теперь только держись! Главное — вырваться на окраину поселения, окруженного со всех сторон джунглями. В лесу пусть поищут! Только бы Мишка с Хэлгом не сунулись... Ведь услышат, что в городе шум, полезут на рожон. Ох и натворила я дел!

Бегу, не соображая куда, лишь бы бежать. Да и нельзя ничего придумывать, когда эйнеров обмануть пытаешься. Думаю только о том, как получилось, что меня ждали в маленьком поселении среди джунглей Маргина? То, что сделали точную копию Грига, не удивляет, возможности у них такие есть. И откуда эта кукла, или тот, кто ею управлял, знают, что Григорий грозился со мной сделать на Расцветающей, тоже понятно. Значит, попал Григорий. Взяли его в оборот, выпытали то, что нужно. Хотя и не все он им сказал! Утаил такие мелочи, как своя довоенная жизнь и украдкой показанный вслед девчонке жест, которую он «не заметил», пропустил на транспортник. Нужен был эйнерам такой человек, знакомый мне, увидев которого на Маргине, я растеряюсь, наделаю ошибок. Другого, видимо, найти не успели, использовали Грига. Быстро работают!

Выскакиваю на границу поселения и...

— Ох ты ж, мать моя!

На окраине городка раскинулось небольшое взлетно-посадочное поле, где замерли корабли. Десять, может чуть больше — пересчитывать некогда. Бегу к зеленым зарослям, огибая площадку. У одного из кораблей шевелятся механики, но они далеко, не обращают на меня внимания. Надо поднажать!

Поскользнувшись на глинистой почве падаю на бок, больно ударившись бедром, но тут же вскакиваю и со всех ног несусь дальше. Вот и джунгли!

\* \* \*

За мной охотятся. То и дело нужно где-то прятаться, чтобы пропустить поисковый отряд. Иногда они подбираются бесшумно, я замечаю их в последний момент, а иногда нагоняют страха своими сиренами, заставляя бежать без оглядки или сворачиваться в клубок, надеясь, что и в этот раз пронесет, не заметят.

Кажется, что меня ищут повсюду. Куда бы я ни пошла, рано или поздно натыкаюсь на эйнерских ищеек. Меня отгоняют от поселения все дальше и дальше, я уже не уверена, что смогу когда-нибудь снова увидеть Мишу и Хэлга. А уж корабль, который был так близко, теперь и вовсе становится несбыточной мечтой. Даже если разыщу пилота, снова подойти к городу нам не дадут. Неужели застрянем на Маргине на месяцы?

Мысли выются в голове, вызывая приступы паники, подавить которые все сложнее. Я останавливаюсь. Все, хватит! Даже не стану взбираться на дерево. Ложусь на мшистую «постель», положив голову на толстый корень. Мне нужно отдохнуть. Поспать. Хотя бы пару часов...

Я просыпаюсь почти в темноте, когда закат, невидимый из-за густых крон, уже догорает. И сначала не могу понять, что меня потревожило. Автоматная очередь! Вот опять! Я вскакиваю, чуть не наткнувшись в полутьме на ствол дерева. Надо быть осторожнее, но у меня не получается — выстрелы где-то рядом и кто там может отстреливаться, как не Мишка и мой пилот?! Им нужна помощь! Выхватываю пистолет.

В лесу вспышки — на треск огнестрельного оружия отвечают из импульсаторов. Быстро понимаю, что я подхожу к месту боя со стороны врага. Это хорошо, могу устроить им неприятный сюрприз с тыла! Но одновременно и плохо, ведь свинцовый град летит и в мою сторону.

Подбираюсь настолько близко, насколько это вообще возможно. Минута, чтобы присмотреться к огневым точкам, занятым эйнерами. Я понимаю, что вряд ли все они чужие, там есть и люди — носители, но в душе нет жалости к сородичам. Сейчас они — добровольно или нет — на стороне врага.

Чтобы прицелиться с правой руки мне достаточно сотых долей секунды. Ствол пистолета вздрагивает от выстрела: бах! Следующая мишень — бах! Еще несколько выстрелов и последние, кажется, ушли в никуда, носители или сами эйнеры на ходаках успели убраться подальше от перекрестного огня. Еще мгновение и в джунглях воцаряется звенящая тишина.

Я выжидаю, вдруг стрельба возобновится. Но те из врагов, кто уцелел, отступили. Может быть они решили, что нас тут много — не знаю. Решившись себя обнаружить, я набираю полную грудь воздуха.

— Хэ-э-элг!

В густом лиственном лесу нет эха, мой крик затихает сразу, как только я закрываю рот.

— Миша-а!

От пистолета пахнет порохом. В магазине осталось совсем немного патронов и если на мой крик вернуться те, с импульсаторами...

— Вера!

От радости не чувствуя под собой ног я срываюсь с места и бегу на голос.

— Вероника, мы здесь!

Падаю, поднимаюсь, и, миновав лишь половину пути, натыкаюсь на коренастую фигуру пилота. Мишка рядом, они бежали мне навстречу. Обнимаю сразу обоих, прижимаю к себе, зажмурившись от радости.

— Уже и не думала, что встретимся.

Мы уходим подальше от места стычки. Когда останавливаемся передохнуть, я рассказываю о том, что случилось в городе. Мужики слушают меня не перебивая. Вряд ли они дадут хороший совет — как нам теперь быть. Они не военные, не разведчики, как Андрей, и даже не такие чокнутые телепаты, как я. Но мне нужно поделиться, ведь решение о том, что предпринять дальше, нам надо принимать сообща.

— Думаешь, все было подстроено заранее? — спрашивает Мишка.



— Не все. Но они знают про меня, про мои способности, и хотят нейтрализовать эту угрозу. Им не всегда удается отслеживать мои прикосновения к сети, но, когда они это чувствуют, реагируют очень быстро.

— Проще было застрелить тебя прямо там, на улице.

Пожимаю плечами.

— Черт его знает, зачем я нужна им живая. Но раз не убили, значит нужна.

— Не помнишь, какие там корабли стояли? — встревает Хэлг, — Было что-нибудь вроде того, на чем мы с Саленоса свалили?

— Прости, даже если бы я разбиралась, у меня просто не было времени. Но... — я смотрю сначала на одного, потом на другого, с трудом различая в темноте лица, — Мыслишь ты правильно. Нам все равно нужен корабль!

— Опасно, — качает головой Мишка.

— Да, я знаю. Скорее всего нас будут ждать. Но выбора нет. Где находится другой космодром? В тысяче километров отсюда? В десяти тысячах? На другом полушарии? Может, другого и вовсе нет. А оставаться на планете нельзя. И не только потому, что на нас объявили охоту. Здесь нет того, зачем мы прилетели. Нет динамической сети.

Длинная маргинская ночь дает нам шанс отдохнуть и отправиться к космодрому задолго до восхода. Но пока еще не пришел тот момент, когда надо будет осторожно пробираться к поселению. Мы лежим на траве, кто-то из мужчин уже заснул и мерно посапывает. А я не могу выкинуть из головы события последних суток. Меня снова чуть не пленили. Мы явились на отдаленную, почти не освоенную планету, с наивной мыслью о том, что можем ее изменить. Но ничего не вышло. И, хотя с помощью пеллициуса я приблизилась к разгадке динамической сети, проверить на практике это не могу. Хуже того, сама чуть не попала в расставленные сети. Кто-то очень умный идет по моему следу. И он, как это и следует ожидать от эйнера, все время опережает меня на несколько шагов.

Вернуться к поселению непросто. Пожалуй, только Хэлг понимает, в какую сторону следует идти. Не зря он говорил, что был бы плохим пилотом, если бы не мог посадить корабль туда, откуда взлетел. Пару раз нам удалось миновать поисковые отряды, но запас везения не бесконечен, однажды он иссякнет.

О том, что цель близко, говорит слабое зарево на небе. Фонарей в городке не очень много, но и они выдают его местонахождение. Границу между жилыми кварталами и зеленой стеной джунглей постоянно патрулируют, нечего и думать о том, чтобы пройти незамеченными по улицам. Нам приходится пробираться через лес, обходя город, время от времени проверяя — не выходим ли мы уже к взлетно-посадочной площадке.

— Миш, твоя очередь. Посмотри.

Он пропадает в темноте, направляясь к границе леса, но меньше чем через минуту возвращается.

— Есть! Мы пришли.

От первого же взгляда на космодром у меня тоскливо сжимается сердце: из дюжины кораблей осталось только четыре и все они эйнерские. Площадка ярко освещена прожекторами, по ее периметру расставлены посты чужих на дорогах. И еще неизвестно — может, есть какие-то ловушки, скрытые огневые точки.

— Что будем делать? — спрашивает Мишка, — Вернемся в лес?

Я смотрю на корабли, потом поворачиваюсь к пилоту.

— Хэлг. Хотя бы теоретически... Ты мог бы...

На его лбу пролегли глубокие морщины. Он не торопится отвечать, взвешивая все за и против. От ответа может зависеть не только его жизнь, но и наши тоже.

— Мог бы. Теоретически. Даже в машинах, построенных машинами и для машин, должно быть ручное управление. Это элемент безопасности, страхующий от поломки остальных систем. Логика управления вряд ли сильно отличается, так что... Да. Я могу попробовать справиться с эйнерским кораблем.

— Да мы все равно туда не прорвемся!

Поворачиваюсь к Мише, улыбаюсь. Я знаю, что он не трус, но даже сильным людям в критический момент нужна поддержка, вера в свои силы. Не говоря ни слова, достаю пистолет, перезаряжаю магазин. Хэлг делает тоже самое со своим автоматом. Наконец и Михаил дергает затвор. Мы готовы.

Нападаем с трех сторон, следуя опыту лесного боя. Я не могу подарить врагам град автоматных очередей, зато мои выстрелы точнее. Каждое нажатие на спусковой крючок — минус один эйнер. Но они быстро оправляются от неожиданности, укрываются за корпусами кораблей, поливая джунгли энергетическими зарядами. Рядом со мной с треском валятся два дерева, подрезанные выстрелами из импульсаторов. Следующее попадание в ствол рассыпается искрами — значит, уменьшили мощность. Кто-то отдал приказ не убивать. Неважно! Я не собираюсь сдаваться...

Магазин опустел. У меня в кармане еще два, перезаряжаю пистолет почти мгновенно. Нужно потратить несколько патронов на прожектора, иначе у нас не будет шансов добраться до кораблей. Так-то лучше! На взлетно-посадочной площадке становится заметно темнее. Я выскакиваю на бетон, зигзагами приближаюсь к цели, продолжая растрчивать свой боезапас.

Даже если эйнеры считали охрану космодрома достаточной, они наверняка подтянут дополнительные силы, поэтому времени у нас мало. Счет идет на секунды.

С одной из сторон прекращаются автоматные очереди и я переживаю, что кого-то из наших достали. Но огонь возобновляется — нас все еще трое. Вижу, как эйнеры цепочкой уходят из-под прикрытия кораблей, скрываясь за металлической стеной ближайшего здания. А потом что-то пронесется мимо, сверкнув ярким, голубым огнем, цепляя меня за левую руку. Слабость во всем теле... Бетонка космопорта поднимается вертикально, чтобы ударить меня по лицу. И наступает тьма.

## РОАТАН

Я лежу на металлической поверхности. Кажется, на полу. Периодически он вздрагивает подо мной и каждый толчок отзывается болью во всем теле. Приподнимаюсь. Я в тесном коридоре, тускло освещенном двумя светодиодами. Вокруг никого.

Встаю на ноги, морщась от боли. Одна герметичная дверь позади, одна впереди. Осторожно толкаю ту, что прямо передо мной. Она поддается, распахиваясь, пропуская в коридор яркий свет. Это рубка корабля. Странная, непривычная, но все-таки узнаваемая: обзорное окно, пульт управления, кресло... Подхожу ближе, чтобы посмотреть, кто в нем сидит.

— Верка! Куда ж ты пошла? Лежала бы, пока все не закончится! Ах, черт...

Я вздыхаю с облегчением — это Хэлг.

— Мы смогли? Взлетели? А где Миша?

Но пилот не отвечает, он слишком занят. За окном чернота космоса, исколотая точками звезд. Корабль, подчиняясь командам человека, беспрестанно маневрирует. Рядом с нами то и дело вспыхивают разряды, корабль вздрагивает, но упрямо продолжает полет.

На меня вдруг накатывает волна головокружения и я сажусь на пол, потому что других кресел в рубке нет. Приподнимаю левую руку, чтобы взглянуть на то место, куда угодил парализовавший меня импульс. Рукав рубашки разорван, опален, на открытой коже виднеется рана: видно, сила заряда была на грани смертельной.

Хэлг вполголоса материт управление эйнерским кораблем, оно дается ему нелегко, но пилот справляется, уводит машину от вражеских залпов. Не похоже, что в этот раз у них есть команда взять нас живьем. Не хотят отпускать, бьют на поражение. Я замечаю, что часть пульта управления вскрыта, на панели видны отверстия от автоматной очереди, а из темных внутренностей торчат оборванные провода. Пилот что-то отключил, без чего управление кораблем не смогут перехватить дистанционно. Разобрался Хэлг, молодчина!

— Верка, держись!

Держаться не за что. Мощным толчком меня откидывает к стене. Удар головой и я снова проваливаюсь в небытие...

— Ну-ка, вставай. Вставай, вставай! Очнись. Слышишь?

Меня бьют по щекам и я начинаю лениво отмахиваться — «оставьте в покое».

— Во-от, хорошо! А теперь открываем глазки.

Насилу разлеплю веки. Мне еще хуже, чем до того момента, как ударились о стену. Ничего удивительного. Само по себе попадание из парализатора выбивает из колеи, а тут еще и рана, потеря крови. Плюс удар головой, сотрясение.

— Хэлг, меня сейчас...

— Ясно! Погоди... Так, так... Э-э... Да тут нет ни черта! Никакой посуды. Про туалет вообще молчу.

— Отлично, — я из последних сил сдерживаю тошноту, — Нам предстоит веселенькое путешествие. Без еды... Кхм... Воды. И сортира.

Оглядываюсь.

— Где Мишка?

Хэлг опускает голову.

— Не выбрался шахтер. Прости, я ничего не мог сделать. Тебя еле успел затащить, пока он нас прикрывал. А потом... Когда взлетали, видел, что лежит на бетонке.

— Мертвый? Или...

— С нескольких сторон в него попали, после такого не выжить.

— Ясно.

Чтобы отвлечь меня, он начинает рассказывать, как умудрился оторваться от погони, обманул эйнеров, выскочив на оперативный простор для прыжка. Но я его почти не слушаю. Не могу отделаться от мысли, что своими фантазиями, своим непрофессионализмом веду людей к пропасти. Вот и Миша погиб. А мог бы остаться на астероиде, был бы сейчас цел. Может, я все делаю не так? Может, надо было вернуться на Землю, помогать военным? То, что нам удалось уничтожить половину эйнерской эскадры у Прочиона, ничего по сути не значит. Это могло быть простой случайностью, стечением обстоятельств.

— Куда мы летим?

— В никуда.

— Я серьезно.

— Я тоже. Думаешь, у меня было время разбираться в навигации? Я прыгнул наугад. Через час выйдем из гиперпространства и узнаем.

— А если вынырнем в центре звезды?

Хэлг кривит лицо. Действительно, что теперь гадать. Он прав и принял единственно верное решение.

Пилот помогает мне сесть в кресло, хоть я и протестую.

— Не выпендривайся, тебе надо отдохнуть. Хорошо бы еще и поесть, но тут мы вряд ли найдем даже аптечку, не говоря уже про запасы еды.

Он держит меня за руку, как делал это уже не один раз, и, даже если меня это не успокаивает, я все равно благодарна ему за поддержку, за то, что он рядом.

\* \* \*

Выпрыгиваем удачно, миновав звезды, планеты и многочисленный космический мусор. От системы к системе созвездия меняют свой рисунок до неузнаваемости и без привычного навигационного оборудования невозможно определить, где мы сейчас находимся. Снова прыгать наугад глупо, сейчас за нами никто не гонится, да и нельзя рассчитывать на бесконечное везение.

— А куда бы ты хотела попасть?

— Не знаю. Честно говоря, я бы с удовольствием зависла между мирами на несколько недель. Ни с кем не разговаривать, никого не видеть, ничего не чувствовать. Но на этом корабле... Нет, не получится. Нужно искать место для посадки.

— Знаешь, систему навигации я вообще не нашел, но связь здесь вполне привычная. Насколько я могу судить, они даже пользуются менсианскими ретрансляторами. Можно просканировать трансгалактическую сеть, определить ближайшие серверы.

Он показывает на монитор, перед которым в панель приборов встроена причудливая клавиатура — видимо, универсальная. Я отодвигаюсь, встаю с кресла.

— Нет. Попробуй ты. Боюсь увидеть плохие новости.

Хэлг собирается что-то сказать, но, наверное, не находит нужных слов. Правильно. Ему нечем меня утешить. Навалившаяся вдруг депрессия прижимает, давит тысячетонной плитой. В голове бродят мысли о будущем, о том, что станет со всеми нами — менсо, акци... «Если эйнеры одержат окончательную победу, у наших детей не будет будущего. Зачем рожать рабов?» Сжимаю кулаки.

«Но что я могу сделать? Я всего лишь девчонка с Расцветающей — окраинной планеты, где отец выращивал клубнику. Что я могу? Что могу...»

Глаза сами закрываются и явь отходит на второй план, уступая место призрачным видениям. Мне жарко. Хочется сорвать с себя всю одежду! Перед глазами разноцветные круги, они то появляются, то исчезают; порой слышатся голоса, но что они говорят — не разберешь.

— Вероника? Ого! Да у тебя температура, девочка. Ничего, ничего... Потерпи немного. Скоро будут вода и еда, будут лекарства. Осталось немного...

Не знаю, сколько проходит времени, но вот я чувствую сквозь лихорадку, что пол снова вздрагивает. Хэлг подхватывает меня, несет прочь с корабля, туда, где странные запахи, где множество звуков. Туда, где я чувствую опасность.

Долгий провал в сознании, когда не было ничего, лишь тьма и тягучая, непрерывная тревога, заканчивается неожиданным пробуждением. Я лежу в постели. Чувствую, что пропитавшиеся потом простыни еще хранят жар обнаженного тела, но температура спадает.

Небольшая комната, похожая на один из жилых отсеков картофелины. За решеткой шелестит вентилятор, нагнетая очищенный воздух. Рядом никого, только прозрачный графин с водой и стакан, поставленные на тумбочку у изголовья кровати. Хватаюсь за стеклянный сосуд, наливаю драгоценную жидкость в стакан, расплескав половину. Начинаю жадно пить. Потом еще один, за ним третий. Останавливаюсь лишь тогда, когда в графине почти ничего не остается. Блаженно откидываюсь на плоскую подушку. «Жива... Снова обманула старуху с косой».

Дверь открывается с противным скрежетом ржавых механизмов.

— Хэлг!

Я знаю, что обязана ему жизнью, но сейчас у меня нет сил на слова и объятия. Просто лежу, улыбаюсь.

— Ну ты сильна, мать! — он сам обнимает меня, не обращая внимания на свалившуюся простынь, открывшую мою наготу, — Честно — не думал, что выкарабкаешься. Ну-ка, вставай! Я помогу. Надо поменять все эти тряпки... Да что ты краснеешь? Будто я тебя не видал без штанов.

Он помогает мне встать, усаживает на один из двух стульев, стоящих рядом со столом. Начинает перестилать белье.

— Где мы, Хэлг?

— Вообще-то в заднице. По доброй воле сюда бы не сунулся, ни до войны, ни, тем более, сейчас. Но выбирать не приходится, так что... Это Роатан, Вероника.

«Роатан, Роатан... Что-то знакомое, где-то я уже слышала такое название».

— Станция между звезд, — подсказывает мне Хэлг, — Юридически никому не принадлежит, а по факту бандитский притон.

— Как нас сюда занесло?

— Ближайший сервер в сети принадлежит этой станции. По нему и сориентировался. А стал бы искать что-то другое... Ты бы не выжила. Времени у нас было в обрез.

— Сейчас мне лучше. Может, свалим подобру-поздорову?

— Нет. Не получится.

— Почему?

— А откуда, как ты думаешь, эта комната? Откуда лекарства? Еда, питье? Продал я эйнерскую калошу. И хорошо еще, что нашлись желающие купить, а то ведь сама понимаешь, не для людей техника.

Мне требуется неделя, чтобы окончательно восстановиться. А потом я начинаю медленно сходить с ума: сижу взаперти, в четырех стенах, где даже окна нет. Хэлг иногда уходит, чтобы принести еду и воду, но мне настоятельно советует не показываться. Я все понимаю и стараюсь держать себя в руках, но после бесконечного бега, когда меняются миры, города, леса, горы, сидеть в одной комнате безвылазно — непереносимая мука!

— Неужели настолько ужасное место, что нельзя даже на пять минут выйти? Я хочу увидеть хоть что-то, мои глаза устали наткаться на стены. Семь шагов в одну сторону — стена, семь в другую — снова стена!

— Ты всего лишь девчонка, тебе девятнадцать, а за этой дверью нет законов, понимаешь?

— Я могу за себя постоять. И мне уже двадцать. С сегодняшнего дня.

— Что? У тебя день рождения? Черт... Поздравляю.

— Особо не с чем, но спасибо.

Хэлг долго молчит, думая о чем-то своем.

— У меня даже подарка нет.

— Это неважно.

Первое время пилот спит прямо на полу, но пол холодный и я заставляю его ложиться со мной, в кровать. Кое-как помещаемся. Сегодня ночью я долго не могу заснуть. Наконец не выдерживаю, встаю, одеваюсь. Смотрю на мирно посапывающего Хэлга. Открываю дверь, которую он опрометчиво смазал пару дней назад и попадаю в один из темных переходов Роатана.

Стараюсь запоминать дорогу: я сразу понимаю, что станция намного больше картофелины, это огромный мегаполис, собранный в необитаемой части космоса из множества несочетаемых кусков.

Выхожу на одну из улиц, которая мало чем отличалась бы от улицы любого другого города, если бы не потолок, из-за которого у прохожих нет шанса когда-нибудь увидеть солнце и голубое небо. Впрочем, не похоже, что их это сильно беспокоит. Каждый озабочен лишь своими проблемами. Некоторые отвлекаются, провожают меня взглядом, хотя я не могу сказать, что одета как-то вызывающе.

Пистолет, в котором осталось семь патронов, брать с собой не стала. За голенищем высокого ботинка лишь короткий нож. На всякий случай. Вокруг меня мигающие рекламные вывески, неон, голограммы, экраны... Пестрая толпа, которая становится все более оживленной с продвижением вглубь станции.

«Далеко не пойду. Мне нужен лишь глоток свободы, немного пространства, возможность сделать больше семи шагов!»

— Здравствуй, милая. Ты одна?

Не хочу оборачиваться, но понимаю, что если не ответить, не дать отпор, то не отстанут.

— Нет, не одна.

Позади меня огромный детина. На нем майка, не скрывающая мускулистых рук, покрытых шрамами. Нижняя челюсть выступает вперед, глаза — две узкие щелки, в которых сверкают белесые точки зрачков.

— Сколько?

— Отвали! Не все на свете продается.

Кажется, отваливает. Я стараюсь побыстрее скрыться в толпе, перехожу на другую сторону улицы и поворачиваю назад. Пожалуй, для первого раза достаточно. Посмотрела, получила порцию адреналина.

Вот и темный переход, где пунктиром тянутся прямоугольники дверей в съемные комнатухи. Наша под номером двенадцать, это я хорошо запомнила. Но дойти успеваю только до шестой. Дорогу перегораживают трое, возникшие словно из ниоткуда. По центру все тот же детина. «Выследил, гад!»

— А говорила, что не одна.

Достаю нож, который вызывает у бандитов лишь презрительные улыбки. Ничего, один такой тоже смеялся, пока я к его животу лезвие не прижала.

Первым же взмахом достаю того, что стоит от меня справа. Он вскрикивает, хватаясь за порезанную руку.

— Ах ты...

На меня накидываются все трое. Кому-то еще успеваю разорвать одежду, но руку выворачивают, отбирают нож, прижимая к стене. На мгновение открывается ближайшая дверь, появляется чье-то испуганное лицо, до того изможденное, что не понять — мужское или женское. Увидев драку, человек тут же скрывается, захлопнув дверь.

— Хэл... — я хочу крикнуть, но не выходит, мне зажимают рот и волокут куда-то из подворотни.

Отпускают лишь через несколько кварталов. Один из бандитов направляет на меня ствол увесистого пистолета, подгоняя, заставляя идти вперед.

— Топай, топай. Хочешь поорать — попробуй. Нескольких зубов не досчитаешься. Да и не прибежит к тебе никто, не на Земле поди.

Они ржут за моей спиной.

— Что вам нужно? Куда меня ведете? Я недавно на станции и мне не нужны проблемы, я просто гуляла по улице!

— Гордон разберется.

— Гордон? — оборачиваюсь и успеваю заметить удивление на лицах бандитов.

— Да она, похоже, и вправду не местная.

Но меня и не думают отпускать, конвоируют все дальше от темного перехода, дорогу к которому я вряд ли теперь найду самостоятельно.

— Сюда, — заталкивают в шумное, переливающееся всеми цветами радуги заведение, в центре которого танцпол, подпрыгивающие в такт музыке посетители, — На лестницу.

Вверх по металлическим ступенькам, сквозь облако табачного дыма, мимо целующейся парочки. Двое проходят вперед, распахивают передо мной дверь, тычком ствола заставляя войти внутрь. Как только тяжелая створка закрывается, в комнате воцаряется тишина. Музыка здесь хоть и слышна, но будто через ватные тампоны, вставленные в уши.

— Кто это?

На диване сидит тучный человек в темных очках.

— Гордон, она работала на улице без разрешения.

— Я не...

Пистолет снова упирается в спину и я замолкаю на полуслове. Толстяк жестом показывает, чтобы меня посадили в кресло напротив.

— Как звать?

— Вероника, — по старой привычке носителя стараюсь не смотреть ему в лицо.

— Что делала на моей улице?

— Я просто вышла погулять. Мы с приятелем недавно прилетели на Роатан и...

— На Роатан не прилетают. Сюда падают.

Сглотнув, я поднимаю голову, впиваюсь взглядом в темные очки.

— Ты прав. Не по своей воле прилетели. Но после того, как угнали у эйнеров корабль, нам было все равно куда бежать.

— Беглянка... — снимает очки, подсаживается ближе, — Ходят разговоры про одну девку, которая у Проциона всех голодранцев против эйнеров подняла. А потом исчезла.

Он внимательно разглядывает мое лицо, чуть склонив голову на бок.

— А вчера гражданские еще в девяти системах дали жару железноголовым. Ну как дали... Пощипали и разбежались. Чудеса, правда?

Выдержав его взгляд я криво ухмыляюсь.

— Вероника... — повторяет он задумчиво мое имя.

## **ЗОЛОТАЯ КЛЕТКА ГОРДОНА**

— А ну-ка — выйдите все отсюда! Оставьте нас с Вероникой наедине.

— Гордон, у нее был нож. Мы ее, конечно, обыскали, но девка опасная.

Толстяк поднимает тяжелый взгляд на своих головорезов.

— Я сказал выйдите. Все!

Слышу за спиной шаги, потом врывающийся в комнату музыкальный гвалт, а после хлопнувшей двери снова тишина. Гордон поднимается, идет к барной стойке, что-то наливает в два стакана. Вернувшись, протягивает один мне.

— Давай начистоту, девочка. У Проциона твоих рук дело?

Я делаю глоток терпкого, но приятного пойла. Киваю головой.

— Моих. И что с того?

— Интересно. Очень интересно! И кто ж тебя надомил?

— Своим умом дошла. Глядя на то, как командование флота совершает одну ошибку за другой.

— Тут ты права. Вояки не видят дальше своего носа. Впрочем, мне до этого дела нет. Мы не за тех, и не за других, и даже не за третьих. Мы тут сами по себе, проживем при любой власти.

Я смотрю на него с легким презрением.

— В стороне хотите остаться? Не получится! Рано или поздно эйнеры и до вас доберутся.

— Пускай попробуют. Нас еще найти надо.

— При желании...

— Хватит! — перебивает он меня, — Не будем сейчас об этом. Мне другое интересно.

Гордон садится на диван, делает несколько больших глотков из такого же пузатого стакана, как он сам.

— Допустим, сама додумалась гражданских объединить. Но почему они тебя послушались? Ринулись на железноголовых, будто ты у них адмирал и все должны подчиняться. Что-то здесь не так...

— Не хочешь, не верь. Во мне нет ничего особенного. И я тебе совершенно ни к чему, Гордон. Из меня даже проститутки путевой не выйдет, я тебе всю клиентуру покалечу. Давай разойдемся, а?

Он долго размышляет, перебирая в уме догадки. Потом расплывается в широкой улыбке.

— Обожду пока. Погостишь у меня, освоишься. Вдруг сама захочешь остаться? Рукастый, солома!

В комнату тут же заходят те двое, что притащили меня к Гордону. Волосы у одного из них растрепанные, бледно-желтого цвета — этот, видимо, солома. А второй — Рукастый — наоборот чернявый, со жгучим, пронзительным взглядом темных зрачков.

— Отведите ее ко мне домой, в третью комнату на внешнем кольце.

— Там Эйлин живет.

— Значит Эйлин пора выселить! Неужели не понятно?

— Да, босс!

Они начинают суетливо выпроваживать меня сначала из комнаты, а потом и из клуба.

Путь от зланных мест Роатана до обиталища Гордона показывает мне все уровни станции, ее блеск и нищету, начиная от убогих улочек с попрошайками до широких внутренних магистралей со стеклянными переходами и ярким светодиодным освещением.

— Заходи, — солома тычком помогает мне перешагнуть порог, — Ванная и туалет там. На шмотки в шкафах не обращай внимания, их уберут. Тебе, если будешь покладистой, Гордон новые подарит.

Они оставляют меня одну, заперев на замок. Я стою посреди большой комнаты. Такого просторного жилища у меня, пожалуй, не было за всю жизнь. Под ногами толстый ковер, по которому не хочется ходить в ботинках, я скидываю их, оставив у дверей. В углу широкая кровать, напротив которой камин — возможно, даже настоящий. Вдоль одной из стен поставлен диван, обитый материалом, похожим на бархат, рядом такие же бархатные кресла. В дверцах шкафов зеркала, делающие комнату еще больше. Но главное — окно! Огромное овальное окно, в высоту не меньше трех, а шириной почти пять метров. За ним видны искорки звезд, в отдалении сфера газового гиганта, украшенного тонким кольцом.

Прикасаюсь к холодному стеклу. «Как там Хэлг? Что с ним? Ищет меня? Черт, надо же так влипнуть!» В золотой клетке я не чувствую себя лучше, чем в гараже на Расцветающей или в плетеном домике среди деревьев Маргина. Может, здесь мне будет даже хуже. Неволя всегда остается неволей, куда бы тебя не заперли — в тюремную камеру или комфортные апартаменты с отличным видом из окна. За жизнь с удобствами придется так или иначе расплачиваться.

Через час ко мне впускают двух служанок, которые молча вычищают полки шкафов, выносят чужие вещи. Они сноровисто, со знанием дела наводят в комнате чистоту и порядок, одна из них оставляет на кровати большой пакет. Снова оставляют меня одну.

Хочется посмотреть — что там, под целлофановой оберткой. «Шмотки, скорее всего» — подсказываю я сама себе и отдергиваю уже протянутую руку. «Даже не стоит заглядывать. Меня вполне устраивает моя одежда».

Я понимаю, что самым простым и желанным для меня было бы сбежать отсюда при первой же возможности. Но рядом со мной нет Хэлга, которого я не могу бросить хотя бы потому, что сама не умею управлять космическим кораблем. Да и корабля у меня нет. А кроме того... Кроме того, я чувствую, что могу вытянуть из Гордона кое-что полезное для себя. Раз уж так легли карты, то не стоит теряться, надо ловить удачу за хвост!

\* \* \*

— Ты это наденешь.

— Неа. Не надену.

Гордон подходит ближе, почти прижимая меня к стене большим животом.

— Наденешь. Иначе я не возьму тебя на ужин. И утром прикажу не подавать завтрак, а потом обед... Поверь, проще наступить на горло своей песне и сделать то, что я прошу. Жрать-то ведь хочется, а?

«Жрать действительно хочется, сукин ты сын...»

— И платье красивое. Чем плохо? Стоит чертову уйму денег!

Прошло несколько лет с тех пор, как я последний раз надевала платье. Да и не я это была. Юная, наивная девочка, не знающая жизнь.

Смотрю на развернутый пакет, на шикарное платье, чувствую, как что-то просыпается во мне, давно забытое, из тех самых времен безвозвратно ушедшей юности. Не удержавшись, я прикасаюсь к нежной ткани, поднимаю ее, прижимая к себе, поворачиваясь к зеркалу. Позади тихо закрывается дверь — Гордон вышел из комнаты, решив не мешать мне переодеваться. Стоило бы разозлиться — он ведет себя так, будто я уже согласилась. Но на злость не остается пороха. Что ж, пусть будет платье.

Как странно... Где-то далеко продолжает полыхать пожар войны; полуголодные люди, почти потерявшие надежду на иную жизнь, готовы идти в самоубийственную атаку на эйнерские эскадры. А здесь играет музыка, кто-то танцует, посетители ресторана мирно разговаривают, смеются. И вряд ли хоть один из них заработал на дорогой костюм честным путем, ведь все они — обитатели Роатана.

Чувствую на себе чужие взгляды. Этим людям интересно, кого Гордон ведет под руку, кто его новая пассия. «Глупцы! Я не собираюсь быть украшением толстопуза!» Нужно лишь немного потерпеть, а уж потом я что-нибудь придумаю. Обязательно.

Не знаю, где роатанцы берут еду, война будто не затронула их поставщиков. Наверное, свободные фермеры пользуются ситуацией. Им ничего не стоит перегнуть гидроронные плантации подальше от зоны боевых действий, а на такой станции, как эта, можно нажиться очень долго. Деньги не пахнут.

На столе несколько блюд и я не знаю, с чего начать, в нерешительности ковыряюсь вилкой то в одном, то в другом, хотя урчащий живот требует расправиться с едой без промедления. Гордон тем временем разливает рубиновое вино.

— За тебя, Вероника. За новые возможности в твоей жизни!

Мне нечего ответить. Я просто осушаю бокал и уже без стеснения принимаюсь за еду, стараясь не замечать снисходительную улыбку толстяка. Когда с первым блюдом покончено, он разливает еще по одной порции вина.

— Мне доложили, что тебя искал какой-то человек. Хэнк, кажется.

Я замираю с вилкой в руке.

— Хэлг. Что вы ему сказали? Где он?

Гордон пожимает плечами.

— Я с ним не разговаривал и понятия не имею, куда он отправился. Хотя... С Роатана не прыгнешь. Кто он тебе? Твой мужчина?

— Напарник.

— Тем лучше. Если хочешь, я прикажу компенсировать ему потерю напарницы. Найдет себе кого-нибудь еще.

Стараюсь не выдать своего негодования, но чувствую, что щеки покраснели. Этот жирный ублюдок смеет меня оценивать, словно вещь! «Спокойно, Вероника, спокойно. Если он даст Хэлгу денег, хуже нам от этого не станет».

— Хорошо.

— Расскажи про себя. Откуда ты?

— С Расцветающей.

— Никогда не слышал. Чем там занималась?

— Сначала ходила в школу, как и все дети. Потом поступила в политех, отучилась один курс. А потом прилетели эйнеры и врезали мне горб. Ну, то есть энергоблок. Если бы ты не поторопился уйти, когда я переодевалась, то мог бы полюбоваться на шрамы.

Не без удовольствия отмечаю, как Гордон прекращает жевать, а потом и вовсе отодвигает тарелку. Видимо, мои слова произвели на него впечатление.

— Три года носила на себе железноголового. Выполняла все его приказы, — продолжаю я, — А в один прекрасный день пристрелила своего хозяина. Сбежала.



Щека Гордона нервно дергается.

— Хм. Не забудь напомнить, чтобы я держал оружие от тебя подальше.

— Обязательно.

Он закуривает толстую сигару.

— И что теперь? Мстишь эйнерам за загубленную юность?

Решаю, стоит ли говорить все, как есть, или наврать с три короба. Но почему-то уверена — от правды будет больше толка. Тянусь к Гордону через стол, подчеркивая тем самым, что мои слова имеют особое значение.

— Я их чувствую. Вижу их разговоры, обмен информацией, иногда даже могу понять, о чем они болтают.

Толстяк выпускает мне в лицо струю теплого дыма, усмехается.

— Неужели?

— Угу, — киваю головой, — Им это не очень нравится. Бывает, правда, что эйнеры сами меня чувствуют. Даже определяют, где я нахожусь.

Тут он напрягается. Это не слишком заметно, но я понимаю — Гордону не понравились слова о том, что в поисках одного человека чужие могут выйти на Роатан. Что ж, если он не убьет меня и не выгонит со станции, то я, по крайней мере, добилась особого к себе отношения. Теперь я уже не просто девочка для развлечений.

Когда останавливаемся у дверей моей комнаты, я вдруг понимаю, что несколько бокалов вина — это перебор. Сам Гордон тоже навеселе. Он отгоняет охрану и те скрываются за углом.

— Было бы неплохо... Кхм...

— Нет.

Но он словно не слышит меня.

— Продолжить, так сказать, вечер. Однако я не настаиваю. Пойми меня правильно, Вероника, я вижу, что ты непростая девушка, и вовсе не собираюсь делать из тебя... Ну...

— Я поняла.

— Да. Вот это самое — то, что ты поняла, — вздохнув, он отстраняется, — Спокойной ночи!

Дверь закрывается, щелкает замок. Золотая клетка снова окружает меня крепкими стенами. Я сажусь на пол, у нижней кромки овального окна и вижу, как чей-то корабль отходит от станции, подмигивая маневровыми двигателями. Еще минута и он растворяется в черноте космоса.

\* \* \*

Время тянется медленно, день за днем. Вот уже две недели прошло с тех пор, как я смотрю на мир через овальное окно. И кажется, что так будет всегда, бесконечно долго — космос за стеклом, зеркала, широкая кровать, запертая дверь.

— Твой мужик мне весь мозг вынес. Денег он не берет, с Роатана улетать не желает. Я ему даже корабль предлагал!

Мне вдруг становится страшно за Хэлга. Если человек превращается в проблему, от него ничего не стоит избавиться. Особенно для таких, как Гордон.

— Дай мне с ним увидеться.

— Это еще зачем?

Я чувствую, что начинаю закипать.

— Ты, черт побери, запер меня в этой гребаной комнате! Я понимаю, тут не работают законы метрополии, я не могу заявить о похищении. Кто я такая? Девушка без связей, без денег, без корабля. Ты запер меня просто потому, что мог, по праву сильного. Но я хочу видеть Хэлга хотя бы раз в неделю, понял? Иначе... Я с собой что-нибудь сделаю!

— Ох, дура. Ну хорошо, будешь видеться с ним раз в неделю.

— И дай мне возможность выхода в трансгалактическую сеть.

Прищурившись, он откладывает сигару, так и не успев ее зажечь. Подходит ко мне ближе.

— Дорогуша, ты уже большая девочка и, надеюсь, понимаешь, что исполнение таких капризов надо заслужить. Вообще-то меня больше интересуют возможности твоего сознания, нежели прелестная оболочка, в которой оно содержится. Но ничто человеческое мне не чуждо. Я терпелив,

обхожусь с тобой деликатно, однако же не один раз прозрачно намекал, что не против иметь... э-э... более тесные взаимоотношения.

Я молчу, поджав губы.

— Насчет связи подумаю. Обещать ничего не стану. Неизвестно еще, с кем ты там связываться собираешься и зачем...

Теперь Гордон не запирает мою комнату и не оставляет у входа охрану. Пределы его апартаментов я все равно покинуть не могу, но некоторую свободу получила. Видимо, чтобы поменьше возмущалась.

Поздно вечером раздается тихий стук. Нехотя поднимаюсь с постели, иду к дверям. Это Рукастый, но я уже знаю его настоящее имя.

— Родригес?

Не слишком церемонясь, он протискивается в комнату, в последний момент успевая оглянуться — не заметил ли кто. Я смотрю на него с удивлением.

— Гордон просил что-то передать?

— Да к черту его! Я сам пришел.

— З-зачем? — плотнее запахиваю полы халата.

— Вероника, послушай! У меня есть кое-какие сбережения. Я знаю, где взять хороший корабль. Может быть завтра будет уже поздно, поэтому... Давай улетим со станции! Улетим вместе! Гордон плохой человек, для него главное извлечь выгоду, а потом он выбросит тебя, как мусор. Ну же, решайся!

Я вижу, что он волнуется, лицо покраснелось, руки дрожат.

— Прости Родригес, это слишком неожиданно. Я не могу вот так, сразу...

Нахмурившись, он опускает голову. В этом и без того черноволосом человеке есть еще что-то темное, неуловимо жутковатое.

— Извини, я... я могу только забыть все, что ты сейчас мне сказал, никому и никогда не рассказывать. Хорошо?

Открываю дверь, показывая, что разговор окончен. Выждав еще мгновение, он покидает мою комнату, обернувшись лишь раз, уже в конце коридора.

После неожиданного визита долго не получается заснуть. Я не могу запереться в комнате изнутри, хотя порой очень хочется и сейчас как раз такой момент. Ворочаюсь, закрываю глаза, снова открываю. Роатан слишком далеко от обитаемых миров и, сколько я не пыталась почувствовать хотя бы слабые отголоски сигналов эйнерской сети, у меня ничего не получалось. Теперь это просто развлечение, как считать баранов, чтобы быстрее стали слипаться глаза и пришел сон.

Кто-то ходит в коридоре, у самой двери. Сначала я думаю, что мне это чудится, но, прислушавшись, понимаю, что шаги настоящие. Топ, топ, топ... В одну сторону, потом в другую. Кто-то из охраны? Нет, у них тяжелые ботинки, я видела. Даже Родригес, когда заходил в комнату, ступал тяжело, увесисто. Эти шаги легкие, едва различимые на слух. Но как только я приподнимаюсь в постели, все стихает.

## **КТО ТАМ, ЗА ДВЕРЬЮ?**

Бесшумно спрыгиваю с кровати, на цыпочках подхожу к двери. За красивым, резным полотном тишина. Кажется, шаги были лишь в моем воображении, но я уверена, что слышала их. Стою еще минуту, хочу убедиться, что никто не бродит с той стороны. И как только ступаю по толстому ковру, направляясь обратно к постели, в коридоре снова — топ, топ, топ... Будто неизвестный стоял за дверью совсем рядом, в нескольких сантиметрах от меня, дожидался, когда я поверю, что шаги послышались.

Нажимаю на ручку, рывком распахиваю резное полотно. Прямо передо мной никого, но боковым зрением успеваю заметить, что кто-то мелькнул слева, скрылся за поворотом коридора. Я бросаюсь следом и снова успеваю заметить тень, исчезающую за другим поворотом, ведущим к выходу из квартиры.

— Охрана!

Не думала, что буду звать головорезов Гордона на помощь, но именно сейчас мне хочется, чтобы кто-то из них караулил выход из бандитского логова. Никого. Только распахнутая дверь, еще не закончившая двигаться по дуге, открытая кем-то секунду назад.

Из караульной выскакивает заспанный охранник, успевает перехватить меня за талию, до того, как я выскочу из квартиры.

— Вам нельзя выходить!

— Там кто-то есть! Смотри же, идиот — дверь открыта! Он только что выскочил!

Подбегают еще несколько человек, у всех в руках оружие. Недолго думая, они бросаются вон из апартаментов, следом за неизвестным. Я освобождаюсь от крепких объятий охранника, но удрать не пытаюсь, он преграждает мне путь, позволяя лишь посмотреть в сторону плавно изгибающегося перехода.

Где-то в отдалении вдруг раздаются выстрелы, от которых я вздрагиваю. Тут же появляется и сам Гордон, в наспех накинутом халате.

— Какого дьявола здесь происходит?!

— Девчонка говорит, что видела кого-то. И входная дверь была открыта.

— Открыта? А вы чем занимались в это время?

— Простите, хозяин, я...

— Посмотри записи на камерах, тупица! — он поворачивается ко мне, — Кого ты видела, детка?

Ответить я не успеваю — возвращается один из тех, что убежали за таинственным визитером.

— Босс, поглядите сами.

Гордон идет за ним, но, сделав пару шагов, оборачивается.

— Подожди здесь, Вероника.

— Я хочу с вами.

Он сомневается, но все же машет мне рукой.

— Ладно, идем.

Вряд ли на этом уровне много квартир. Каждая принадлежит какому-нибудь гангстеру-толстосуму, занимает такую площадь, что расстояние между входными дверями может тянуться на несколько десятков метров. Здесь нет праздно шатающейся публики — закругляющийся коридор пуст. Но вот идущий впереди охранник сворачивает, пропускает вперед, на аварийную лестницу. Освещение становится хуже, ширина пролетов совсем небольшая и мы идем цепочкой, друг за другом.

На одной из площадок столпились люди Гордона, окружили что-то, лежащее на полу. Хозяин расталкивает их, но тут же отступает в сторону, чтобы не испачкать тапки в растекающейся красной луже. Я вижу человека с пулевыми ранениями. Рука его еще дергается, но это ненадолго — одна из пуль угодила в голову. Гордон брезгливо морщится.

— Аккуратнее нельзя было?

— Так ушел бы, — отвечает кто-то из охраны.

— Ты его знаешь? — спрашивает Гордон, поворачиваясь ко мне.

Пытаюсь рассмотреть лицо, точнее то, что от него осталось. Качаю головой из стороны в сторону.

— Кажется, нет. Пойдите-ка...

К удивлению бандитов я присаживаюсь на корточки, без особого смущения рассматриваю поврежденный череп незнакомца. Медленно поднимаюсь.

— Эйнер.

\* \* \*

— Плохо... Это очень плохо! — Гордон расхаживает по своему кабинету, — Как они могли так быстро тебя обнаружить?

— Я же говорила... Мы можем чувствовать друг друга.

— Но его ты не почувствовала?

— Иногда эмоции мешают. Я испугалась, когда услышала шаги за дверью. Тем более он не отправлял информацию и не получал сам — не был связан с сетью. Это автономный индивидуум. Бионик.

— Пришел один, значит придут и другие.

— Или уже пришли.

Гордон смотрит на меня и я впервые вижу в его глазах страх.

— Вероника, если ты знаешь что-то еще, о чем не знаю я, сейчас самое время рассказать.

— Хорошо. Я расскажу тебе все. А потом ты найдешь моего напарника и предоставишь нам возможность связи по трансгалактической.

Не меньше двух часов я объясняю Гордону, какое место судьба уготовила мне в истории столкновения трех цивилизаций. Он успевает за это время выпить два бокала чего-то крепкого, выкурить три сигары.

Под потолком кабинета плавают сизые облака, я разглядываю их, сидя на кожаном диване, поджав под себя ноги. Гордон садится рядом.

— Ты правда подняла всех этих людей — шахтеров и остальных? Заставила их сражаться с эйнерами?

— Я никого не заставляла. Они сделали это сами, по собственному желанию.

— Черт, они же простые работяги, почему им знать, как сражаться с чужими?

— Они и не знают. Действовали наобум и только это им помогло.

Толстяк о чем-то размышляет, потом поднимает на меня взгляд и тут же отворачивается.

— Вероника, оденься ради бога. Хватит испытывать мое терпение полупрозрачным пеньюаром.

Тем более он заляпан кровью...

Из своей комнаты я возвращаюсь в привычных джинсах и рубашке.

— Так лучше?

— Хуже, но сейчас есть дела поважнее созерцания твоего тела. Роатан — большая станция, здесь есть такие места, о которых почти никто не знает, которые можно искать много месяцев и так и не найти. Мы можем укрыться, переждать какое-то время.

— Не поможет. Они все равно найдут меня, если задались такой целью. Признайся честно, у тебя только два выхода, — мне стоит большого труда сказать об этом прямо, но лучше так, чем тянуть кота за хвост, — Ты или избавишься от меня или отпустишь на все четыре стороны.

Он подходит ближе.

— Избавиться?

Протягивает руку, поглаживая меня по щеке.

— Нет... Я... Не хочу. Не смогу! Нет! Давай просто улетим куда-нибудь!

— Давай, — быстро соглашаюсь я, — Туда, куда я скажу. И будем делать то, что я прикажу.

Он опускает руку, делает шаг назад.

— Ну, ты все-таки не забывайся, Вероника.

Поворачивается ко мне спиной.

— Я решу позже. А пока поди прочь. Сиди в своей комнате!

Овальное окно закрыто. По приказу Гордона бронированные жалюзи опущены с наружной стороны. Напрасно! Это не поможет остановить тех, кто идет по моему следу. Спасти себя могу лишь я сама, если закрою разум от чужого проникновения. Но это трудно, очень трудно! Я не могу избавиться от мыслей, не думать совсем ни о чем. Например, о том, что толстяк в кабинете сейчас решает мою судьбу. Вдруг именно в этот момент он достает из стола дорогой пистолет, инкрустированный ювелирными побрякушками с разных планет? Или просто отдает приказ одному из охранников? Нет, он же сказал, что не хочет убивать меня. А впрочем... Разве можно доверять гангстеру?

Полночи пропадает зря и под утро я засыпаю прямо на ковре, у закрытого окна.

Служанка оставляет еду на столике в моей комнате — Гордон не пригласил на завтрак, как делал это во все предыдущие дни. Проснувшись, я лениво перебираю кусочки запеченного картофеля, сталкиваю их со стручками зеленой фасоли. На мясо даже смотреть не хочется. Когда берусь за стакан клюквенного морса, распахивается дверь.

— Хорошо!

Он садится в кресло напротив.

— Летим! Надеюсь, твоей эскадре нужен флагман?

Я допиваю морс, ставлю стакан на стол. Еще не верится, что толстяк пришел без дорогого пистолета, что согласился покинуть Роатан.

— У меня нет эскадры, Гордон.

— Не скромничай! — он улыбается, — Я ведь говорил, что гражданские в девяти системах нагнали страху на эйнеров. А сегодня мне доложили еще о четырех нападениях. Все эти корабли можно назвать твоей эскадрой! С чьей подачи они занялись самоорганизацией? По твоему же примеру, верно? Правда, особого успеха не добились, все-таки железноголовые теперь начеку, реагируют моментально. Но зато силы эйнеров скованы на всем оккупированном пространстве.

Лицо у Гордона становится серьезнее.

— Мне нужно какое-то время на подготовку. Хотя бы сутки. А пока... Пока я разрешил твоему... Как его? Хэлгу, да? Разрешил ему быть с тобой, так что скоро он будет здесь.

Толстяк открывает дверь, оглядывается.

— Но он правда лишь напарник?

— Какое твое дело?

— Мы покидаем Роатан, но ты по-прежнему моя, Вероника. Если узнаю, что этот парень прикоснулся к тебе... — он не договаривает, хлопает дверью, а я посылаю ему вслед стакан, рассыпающийся на множество мелких осколков.

— «Моя»... Жирный ублюдок!

Мне плевать на его угрозы. Я долго обнимаю Хэлга и даже позволяю себе поцеловать его в губы.

— Как ты?

— Со мной все в порядке! Как сама?

Я только отмахиваюсь.

— Тебе уже сказали, что мы улетаем?

— Ага.

— А про то, что ночью в дом Гордона проник эйнер?

По лицу напарника вижу, что об этом ему никто не сказал.

— Они не оставят меня в покое, Хэлг. Или бесконечное бегство, или надо искать возможность дать им бой.

Мы долго молчим, глядя друг на друга, потом он снова обнимает меня.

— Что ж ты, дуреха, сбежала? Я ведь предупреждал.

— Не думай об этом. Все случилось так, как случилось. Ну сидели бы мы сейчас с тобой в съемной комнатухе, без корабля, без перспектив выбраться отсюда. Разве лучше? А тут еще вон чего есть!

Показываю ему на маленький терминал связи, который принесли час назад.

— Выторговала! — я улыбаюсь, довольная собой.

— Есть сообщения?

— От Андрея и сразу три. Если коротко, рядом с его миром тоже произошло нападение на эйнерские корабли. Похоже, это заразно! — улыбаюсь еще шире, — Но есть и не очень хорошие новости. Помнишь старика, к которому мы на Земле приходили?

— Ну.

— У него там связи, в разведке, так вот он сообщил Андрею, что метрополия хочет пойти на переговоры с эйнерами. Если такое случится... Сам понимаешь — это все равно, что капитуляция. Ситуация сильно осложнится. В последнем сообщении Андрей написал, что переговоры могут состояться уже через две недели.

— Думаешь, это что-то изменит?

Я протягиваю руку и легонько стучу сжатым кулаком по его голове.

— Многие изменит, пилотская твоя башка! Кто-то из гражданских поверит в перемирие и перестанет сражаться, к Земле и другим не захваченным мирам могут допустить эйнерский флот, в конце концов наши вояки — ради сохранения «мира» конечно! — могут сами помочь железноголовым искать тех, кто еще сопротивляется. Но главное — они будут пытаться перекрыть трансгалактическую сеть! Уж в этом я уверена. Нужно торопиться, Хэлг. Теперь время работает против нас.

Пилоту, конечно, не позволяют остаться у меня. Гордон приказывает выделить ему комнату и Хэлг, простившись, уходит. В апартаментах же весь день суета: прислуга мечется из одного конца квартиры в другой, собирает вещи, которые отправляются в неизвестном направлении. Сначала меня это забавляет, но ближе к вечеру хочется, чтобы уже воцарилась, наконец, тишина!

Усталость дает о себе знать. Но я не хочу раздеваться, лечь в постель. Устраиваюсь на диване прямо в джинсах и рубашке. Когда уже готова заснуть, кто-то снова открывает дверь, заходит в комнату.

— Извини, я думал, что ты еще не спишь.

Это Гордон. Он присаживается на край дивана, проминая его своим весом.

— С завтрашнего дня все изменится. Все будет по-другому. Честно говоря, я не привык путешествовать. Гораздо больше мне нравится оседлая жизнь, пусть и на таком куске железа, как Роатан.

Тихо вздохнув, я сажусь. Видимо, придется слушать его, пока не выговорится.

— Не знаю, сколько мы сможем бегать от железноголовых, — продолжает толстяк, — Но в разных системах у меня есть друзья, знакомые. Дельцы, которые мне многим обязаны. И с Роатана мы уйдем не с голым задом, а на семи кораблях. Так что, надеюсь, с наскака они нас не возьмут. Как считаешь?

Он подвигается ближе, кладет мне на плечо тяжелую руку.

— Да, конечно, — соглашаюсь я, вымученно улыбаясь, но отвернувшись при этом в сторону.

Гордон осторожно касается моей щеки, поворачивает мою голову к себе.

— Ради тебя я готов на многое, Вероника. Не знаю, что со мной, такого не было уже много лет.

Он наклоняется все ближе и я чувствую, что нужно решать — сопротивляться или нет. На всякий случай готовлю левую руку, все-таки ею я могу ударить от души.

— Не надо, Гордон.

Он не слушает меня, целует в шею, обнимает за талию, наваливается всей тушей. Кажется, уже поздно давать отпор, любой протест получится жалким и я буду потом ненавидеть себя за это сильнее, чем если молча принять неизбежность... Что-то вдруг отвлекает меня. Но не снаружи, нет! Внутри собственного сознания. Я вздрагиваю. Замираю, зажмурив глаза. И вижу, как множество линий тянется из космоса к Роатану.

— Нет! Нет, Гордон! Остановись! Они уже здесь!

Не сразу, но он приходит в себя, отодвигается.

— Что? О чем ты?

— Чертовы эйнеры здесь!

Словно в подтверждение моих слов в глубине станции раздается глухой звук, похожий на взрыв. Стены и пол пару секунд вибрируют, потом все снова затихает. Но лишь на мгновение. Сирена разрывает воздух извилистых коридоров Роатана!

— Бежим!

Он хватается меня за руку, тянет к выходу из комнаты. За дверью мы сталкиваемся с Хэлгом и несколькими охранниками, которые тут же окружают своего хозяина, эскортируют его по широкому изгибающемуся коридору.

Не знаю, как далеко находится шлюз, через который мы должны попасть на корабль. Каждый раз надеюсь, что вот за этим поворотом, или, может быть, за тем... Но мы продолжаем бежать, хотя и делаем это слишком медленно — физические нагрузки даются толстяку с трудом.

Перед нами раскрываются сдвижные двери лифта, но внутри кабины уже стоят люди. Люди? Нет. Они все на одно лицо и я уже видела эту физиономию, там, на лестнице, в луже крови. Двое из охраны понимают, в чем дело, дергают хозяина в сторону, заставляя его пригнуться, по оставшимся эйнеры открывают шквальный огонь.

Не знаю, что позади. Мы с Хэлгом продолжаем бежать за Гордоном и двумя охранниками, выстрелы чужих нас не заделали. Приходится спускаться по лестнице, один пролет, другой, третий. Выскакиваем в переход, снова слышим поблизости звуки перестрелки и охранники вынуждены сменить маршрут.

— Сюда!

Большой зал, в котором испуганные люди мечутся в разные стороны, не зная, куда им деваться. Гордон прикладывает к створке гермоворот трясущуюся руку, та медленно отползает, пропуская нас. Позади снова слышны выстрелы, крики.

— Надо закрыть!

— Нет времени, вперед!

Когда мы уже у самого шлюза, над головами пролетает и с визгом врезается в металлическую стену пуля. Следующая сбивает с ног охранника; мимолетного взгляда достаточно, чтобы понять — мы

ему уже не поможем. Оставшийся телохранитель отстреливается, но вот и его сразили точным выстрелом. К нам идут трое. Двое чуть позади, перезаряжают оружие. Тот, что впереди, целится, выбирая, в кого выстрелить.

Бах! Бах! Бах!

Они падают, все трое. Я сжимаю в правой пистолет, липкий от крови парня, до конца выполнявшего свой долг.

— Идем, пока не появились другие.

## ИНОГДА ВЛАСТЬ МЕНЯЕТСЯ

Корабль Гордона можно было бы назвать яхтой, если бы не броня и множество орудий, которыми он оцетинился. «Золотая лань» — успеваю я прочитать, когда мы перебираемся из шлюза в чрево пиратского судна. Почти сразу лязгают швартовные механизмы, маневровые двигатели отталкивают корабль от станции, мы разворачиваемся и в сопровождении пяти других кораблей уходим в сторону газового гиганта, чтобы уже оттуда прыгнуть в гиперпространство.

— Где остальные? — ворчит Гордон.

— Не смогли, — отвечает ему кто-то из команды.

Пока мы устраиваемся в противоперегрузочных креслах, к хозяину обращается капитан:

— Нас преследуют. Двенадцать единиц. Думаю, они не дадут нам прыгнуть.

— Делайте то, что нужно, — отмахивается Гордон.

Я видела, как сражается с эйнерами боевой флот менсо, как с ними вступают в схватку добровольцы Гражданского корпуса, но понятия не имею, какую тактику используют пираты. Ведь они привыкли нападать, а не обороняться.

Тем временем стая рассыпается, заставляя противника ловить сразу множество целей. За бронированными стеклами я вижу росчерки энергетических зарядов, вспышки разрывов, проверяющих на прочность нашу защиту. Эйнеры не сразу вычисляют, кто должен быть для них главной мишенью — в нашем эскорте есть корабли и побольше, чем Золотая лань. А когда понимают, кого нужно преследовать, мы уже выходим из общей свалки и совершаем маневр для прыжка. Я не знаю, что стало с эскортом. Никто из них не прыгнул за нами следом...

— Что это за система?

Капитан оборачивается к Гордону.

— У нее нет названия, босс. Только номер. Но мы здесь не задержимся, надо уходить дальше. Сейчас определимся с координатами и тогда...

— Рассчитайте маршрут к Грумбридж-34.

Капитан медлит, обдумывая приказ, но не решается перечить Гордону. Через минуту мы покидаем и эту безымянную систему. Второй прыжок длится гораздо дольше первого, у нас есть время перевести дух, собраться с мыслями. Теперь я не отпускаю Хэлга от себя ни на шаг, да он и сам не отходит. Даже в выделенной мне каюте закрываемся вдвоем, презрев все указания Гордона.

— Что дальше? — пилот смотрит мне в глаза, — Будем мотаться с ними по всей галактике? Убегать от эйнеров?

— Мне самой не нравится, Хэлг. Но что я могу поделать? Это его корабль, его команда. Хорошо, если он снова даст нам возможность использовать связь, тогда хоть сможем держать руку на пульсе.

— Ты хоть что-нибудь планируешь, Вер? Или все, что с нами происходит, это неконтролируемая чехарда побегов — то из одного места, то из другого? Я знаю, ты не любишь планирование, но совсем наобум действовать тоже не годится.

Долго молчу, не решаясь взглянуть на Хэлга. Что ему ответить? С того самого момента, как я выковыряла из своего энергоблока прерыватель и вышла из-под контроля хозяина Рэка, множество ниточек, тянущихся из темного эйнерского прошлого, обещают мне разгадку, ответ на вопрос — к чему ты идешь, Вероника? Эти ниточки переплетаются, иногда открывая неизвестную доселе истину, а иногда вступая в противоречие друг с другом. Я узнаю все больше, но с каждым шагом и запутываюсь сильнее. Чем-то приходится делиться с близкими мне людьми, а что-то я не решаюсь сказать вслух. И груз знаний, ответственности, становится все тяжелее и тяжелее.

— Да, у меня есть план. Но ты его знаешь, в этом нет ничего нового. Нужно научиться распознавать в динамической сети склепы и альфа-биоников, иначе дальше мы не продвинемся. Для этого нужно попасть не в какое-нибудь захолустье вроде Маргина, а туда, где эйнеры уже развернули новую сеть. Понятия не имею, будет ли все это на... Как там называется система, куда приказал лететь Гордон?

— Грумбридж. Большая колония менсо, насколько мне известно. Но сильно рассредоточенная — обитаемых миров нет, только космические станции, которыми нафарширована вся система.

— Возможно, я найду там то, что мне нужно. Но есть еще одна проблема, которая беспокоит меня все сильнее.

— Какая проблема?

— Альфа-бионик, идущий по нашему следу. Не знаю, как у него получается находить меня снова и снова. Я чувствую его почерк, каждый раз это один и тот же индивидуум. Он чертовски умен и просчитывает, наверное, миллион разных комбинаций, каждый раз выбирая верную. Если до сих пор мне удавалось ускользнуть у него из-под носа, то теперь я не уверена, что получится.

— Нам нужна свобода, Вероника. Гордон со своими бандюгами — слишком серьезная обуза. Есть мысли, как его сбросить?

— погоди, Хэлг. Не торопись. Гордон, конечно, тот еще пройдоха, но он может пригодиться.

— Думаешь, я не вижу, как он смотрит на тебя? Словно кот на сметану.

— О, это не то, что меня пугает!

Улыбнувшись, позволяю себе толкнуть пилота кулаком в плечо.

День и ночь путаются в моем сознании. Умом я понимаю, что по часам Роатана, к которым успела привыкнуть, сейчас время бодрствования. Но уставший организм требует отдыха. До выхода из прыжка почти сутки и я позволяю себе растянуться на единственной койке в моей каюте.

\* \* \*

После завтрака Гордон просит оставить нас вдвоем. Все уходят, кроме Хэлга. Тогда я киваю ему — «все в порядке» — и он тоже покидает столовую.

— Извини за то, что на станции не сдержался. Все должно быть не так.

— Все должно быть никак, Гордон. Я польщена твоим вниманием, но ты можешь заполучить любую женщину. А со мной у тебя будут одни проблемы, уж поверь. Ну и... Насильно мил не будешь!

Кажется, он ждал такого ответа, заранее смирившись с ним. Сидит, опустив голову, равнодушно смотрит на зажатый в руке бокал вина, к которому так и не притронулся. Он мог бы взять меня силой. Кто помешает? Но не стал этого делать. Значит и в гангстере, посвятившем свою жизнь нечестному заработку, есть что-то человеческое.

— Мне нужна связь, Гордон. Очень нужна!

— Да, конечно. Как только выйдем из прыжка.

Он поднимается, смотрит на бело-голубую лампу через красную жидкость в бокале.

— Мы потеряли эскорт, но в системе Грумбриджа я соберу еще пару десятков кораблей. Они хорошо вооружены, на каждом отчаянные ребята. Эти корабли будут в твоём распоряжении, Вероника.

Бокал летит в стену.

— К черту! Всю свою жизнь я делал что-то не так! Пытался правдами и неправдами заработать, иногда запугивая, убивая. И что теперь? Мой домой захвачен чужими. А может, даже уничтожен. Надеюсь, хоть ты сможешь лучше распорядиться тем, что у меня осталось.

Он открывает двери, собираясь уходить.

— Пойду напьюсь. Если что, мое тело в самой большой каюте, в конце коридора. Да, и — капитан будет выполнять все твои распоряжения, я его предупредил.

Пораженная его словами, я несколько минут не могу сдвинуться с места. Потом вскакиваю и мы с Хэлгом отправляемся в рубку. Скоро корабль выскочит на окраину системы Грумбридж-34. Нужно быть готовыми к тому, чтобы заняться настоящим делом!

Где-то там, за чередой информационных каналов и склепов, следит за мной невидимый, скрывающийся альфа-бионик, раскидывает свои сети, словно паук. Пора и мне протянуть щупальца, показать ему, что непредсказуемый человек тоже опасен!



Грумбридж чем-то напоминает Саленос. Только тот — обитаемая планета, а этот — целая звездная система. Но он так же густонаселен и здесь так же не чувствуется дыхания войны. Люди, как ни в чем не бывало, занимаются своими делами. Плотный трафик из кораблей, следующих вдоль невидимых маячков, разбросанных в космическом пространстве, заставляет быть аккуратнее. Мы медленно продвигаемся к центру системы. Здесь проще затеряться, слиться с миллионами точек, каждая из которых — корабль.

Капитан отправляет заранее приготовленное Гордоном сообщение. Если оно сработает так, как должно, то через некоторое время у нас будет пусть и небольшой, но свой боевой флот. Я же прошупываю информационное поле за пределами системы.

От Андрея сообщений нет, зато через знакомых у Проциона я выхожу на сообщества, появившиеся после первой победы над эйнерами. Эти сообщества и есть Гражданский корпус! Пусть они разрозненны и у них не случилось больше ни одной успешной атаки на врага, пусть среди этих людей часто бывают разногласия и каждый из них себе на уме, но со временем ряды сопротивления становятся теснее. Почти каждый корабль стал опаснее для эйнеров: на резак устанавливают армейскую защиту и мощные двигатели, используют для вооружения брошенные арсеналы менсо. Почти не осталось звездных систем, где бы не появилась хотя бы маленькая ячейка тех, кто готов сражаться.

— Они не могут собраться вокруг нас, — докладывает капитан, — Это привлекло бы внимание.

— Скажите хотя бы — сколько их? Двадцать, как обещал Гордон? Больше? Меньше?

— Четырнадцать.

— Четырнадцать... — повторяю я задумчиво, — Это не так уж мало. Мне надо встретиться с ними, обсудить наши действия.

— Есть место, — капитан поворачивается к голограмме, показывающей всю систему, — Они и раньше использовали его для встреч. В конце концов устраивать такие собрания на Золотой лани было бы неразумно. Ага! Вот здесь.

Он увеличивает изображение, показывает на дрейфующую неподалеку от нас космическую станцию, похожую на огромный цилиндр.

— «Земляничная-14». Одно из немногих обиталищ, до которых еще не дотянулись эйнеры.

— Годится. На Золотой лани есть транспортный челнок? Хорошо! Я и Хэлг вылетаем немедленно, а вы сообщите капитанам прибывших кораблей, что мы будем ждать их на станции.

— Пойдите, Вероника! Возьмите с собой несколько человек охраны. Эти парни могут и не принять вас. Они будут ждать Гордона.

— Ничего, думаю договоримся.

Прежде, чем взять курс на Земляничную, я прошу Хэлга сделать большой крюк, отлететь подальше от станции, от Золотой лани. Сбавив скорость, мы зависаем в секторе свободного пространства.

— Ты опять?

— Я буду очень осторожна. Не бойся, они не успеют меня почувствовать.

Хэлг тревожится, заметив, что я сижу с закрытыми глазами. Но я должна проверить — стоило ли лететь к Грумбриджу? Не придется ли нам оставить и это место, искать другое?

Трудно сразу разобраться в огромном количестве мерцающих точек: кажется, эйнеры повсюду! Они заполнили систему, засели на станциях, астероидах, передвигаются между ними на кораблях... Но об этом можно было догадаться, это меня не слишком волнует. Важнее другое...

Вот она, первая линия связи! Я вижу ее, потому что она близко. Обычный информационный канал, по которому один эйнер что-то передает другому. Неужели и здесь старая сеть? Но светящаяся линия вдруг изгибается, перескакивает к другой точке. Вслед за ней появляется еще одна молния и она тоже не фиксируется, перескакивает с места на место.

— Бинго!

Открываю глаза, делаю знак Хэлгу, чтобы он немедленно уматывал отсюда. Даже если кто-то меня почувствовал, через мгновение нас здесь не будет. Ищите ветра в поле!

Челнок срывается с места и мы устремляемся по пологой дуге к едва различимой черточке — цилиндру, в который завернут маленький мир станции Земляничная-14.

«Значит, в системе Грумбриджа динамическая сеть. Дело за малым: изучить ее, прошупать, научиться отслеживать линии по почерку, ведь это мне уже удавалось. Я должна уметь видеть весь рисунок и распознавать его достаточно быстро, ведь в бою каждая секунда дорога. Пусть каналы-

молнии мелькают, перескакивая с точки на точку: если смогу отделять одну от другой, эйнерам это уже не поможет. Склепы и бионики будут вычислены».

Мы стыкуемся с одной из причальных мачт. Вход на станцию платный, но меня и пилота пропускают по пригласительной карточке Гордона — он и его друзья здесь свои люди. Внутри странный мир, изогнутый, будто впереди все время подъем в гору, а позади спуск, но при этом ты идешь так же легко, как по ровной местности. Поднимающийся пейзаж встает в отдалении на дыбы и уходит в небо, чтобы в зените перевернуться над тобой вверх тормашками. Но из-за облаков, плавающих в сердцевине цилиндра, ту часть станции почти не видно.

— Все это замечательно, но почему никто не сказал, что у них зима?

Мы с Хэлгом стоим у стеклянных дверей, за которыми искрится в свете искусственного солнца снег. Позади раздаются шаркающие шаги, я оборачиваюсь. К нам подходит очень старый, сгорбленный мужичонка. Он поднимает руку и указывает пальцем на дверь сбоку.

— Гардероб для посетителей там, с верхней одеждой и обувью. Простите, зиму только на прошлой неделе включили. Как всегда неожиданно...

Переглянувшись, мы с Хэлгом отправляемся за одеждой.

На обороте гостевой карточки написан адрес. Судя по названию, это постоялый двор. Не имея представления где его искать, мы останавливаем прохожего и тот говорит, что надо идти по центральной улице в ту сторону, где заканчиваются городские кварталы.

Иногда я поражаюсь, сколько удивительных миров создали люди! Хочется побывать в каждом, а в некоторых, как, например, в этом, даже пожить. Может быть несколько месяцев, а то и год, наблюдая, как включается и отключается зима, как шевелятся где-то над головой почти неразличимые жители верхних районов.

— Чего задумалась?

Я улыбаюсь, беру Хэлга под руку.

— Да так. Просто наслаждаюсь еще одним интересным местом.

Под ногами скрипит снег. Идти еще минут десять — впереди уже показались городские окраины. Мне хорошо, но... Вспоминаю вдруг Андрея. Как мы с ним ходили на прогулки в горах Расцветающей и вот так же радовалась чистому снегу. Отпускаю руку Хэлга. Нет, нельзя забывать о том, что идет война, раскидавшая нас по разным звездным системам.

— Это здесь.

Добротный деревянный дом в три этажа. Над крыльцом вывеска: «У Гарсевана». Заметив нас, из дома выходит мужчина в белом переднике, вытирающий руки полотенцем.

— Извините, все комнаты заняты!

Я показываю ему карточку. Взглянув лишь мимоходом он возвращает ее мне, жестом приглашает войти.

— Господин Гордон позже будет? — спрашивает слегка нахмурившись.

— Господин Гордон... Э-э... отошел от дел. Он не приедет.

Мужчина в переднике хмурится еще сильнее, но сомнений вслух не высказывает.

— Садитесь за столик, сейчас я вам что-нибудь принесу. А дочка пока в комнате приберет. Одна комната на двоих вас устроит?

— Вполне.

Когда он уходит, Хэлг наклоняется и тихо говорит:

— Все-таки надо было толстого пьяницу взять с собой. Если уж трактирщик смотрит на нас с подозрением, то как посмотрят те, кто придет на встречу?

— Иногда власть меняется. Им ли не знать об этом? Не дергайся, Хэлг, все образуется.

Хозяин хоть и подал нам вкусный обед, но про занятые комнаты, конечно, соврал. Все они были свободны, просто заведение не принимало чужих. Ближе к вечеру начинают собираться капитаны кораблей, верные Гордону. Прибывают по одному и, как сообщил разговорившийся трактирщик, на подобные встречи редко успевают собраться за день. Я не хочу мозолить им глаза; какое-то время наблюдаю украдкой с балкона второго этажа, нависающего над обеденным залом, потом ухожу в комнату.

— Утром будем разговаривать. Десять уже здесь, ждем еще четверых. Видел бы ты их, Хэлг! Кого там только нет... Даже трое чужих. Не эйнеров, конечно.

Пилот только отмахивается.

— Меня это мало интересует. Ты вот, Верка, задумала что-то и не рассказываешь. Ох, чувствую — авантюру какую-то готовишь!

Я отворачиваюсь, прикусив губу. Иногда Хэлг бывает очень пронизателен!

## КОМАНДУЙ, ВЕРОНИКА!

Они смотрят на меня с недоверием. Кто я для них? Неизвестная девчонка. Еще вчера сидела за школьной партией, а сегодня смею являться вместо Гордона и собирать капитанов, будто мне кто-то дал такое право.

Перед собранием Гарсеван сдвигает столы в обеденном зале, ставит перед каждым участником по большой кружке свежего пива. Но никто не притрагивается к выпивке. Все ждут первого слова, повернувшись ко мне.

— Некоторые из вас уже знают, кто я такая. Для остальных сообщаю — меня зовут Вероника.

— Та самая Вероника? — перебивают меня, — С Проциона?

— Вообще-то я с Расцветающей. Но понимаю, что вы имеете в виду. Да, это я призывала гражданских в системе Проциона к объединению.

Капитаны переглядываются, тихо обсуждают что-то между собой, пока самый старый, убеленный сединой, не отодвигает большую кружку, заставляя остальных притихнуть и обратить на него внимание.

— Дорогая, все эти игры в повстанцев — это, конечно, занимательно. Что касается нас, то мы в стороне от большой драки. Меня, черт побери, другой вопрос интересует — где Гордон? Почему мы разговариваем с тобой?

Мысленно «благодарю» Гордона. «Корабли будут в твоём распоряжении, Вероника» — сказал он мне. Сейчас я в этом не уверена.

— Со мной вы разговариваете потому, — отвечаю я, постепенно повышая голос, — что я знаю, какая судьба ждет все завоеванные эйнерами миры. Потому что я была носителем и прекрасно понимаю сущность этих тварей. Потому что сумела стать свободной и до сих пор жива, а значит не такая уж и дурочка, какой вы меня считаете. Наконец, потому, что все вы собрались не по телефонному звонку, а после сигнала, переданного способом, известным только вам. А это значит, что Гордон доверил мне свои каналы связи. Почему? Да потому, что он не считает меня и мое дело «занимательными играми».

Останавливаюсь, чтобы перевести дыхание. Никто больше не желает мне ответить, спросить что-то, и даже убеленный сединой возвращает отодвинутую кружку на место.

— Джентльмены! У меня к вам деловое предложение, от которого вы вправе отказаться. Предложение не заработать большие капиталы, но сохранить мир таким, каким мы его знаем, таким, какой он нам нравится.

Они молчат и в их молчании ясно слышен вопрос — «зачем нам это нужно?»

— Ведь если мы будем сидеть в кустах, то железноголовые изменят мир под себя. Это я вам обещаю!

Поднимаю свою кружку, делаю несколько больших глотков. Между капитанами снова начинается обмен мнениями и я не пытаюсь вступать, что-то объяснять, навязывать. Пусть разбираются.

Через несколько минут гомон стихает.

— Хорошо, — ко мне обращается один из тех, кто уже не молод, но еще не слишком стар, лицо которого темно от загара и обильно «украшено» шрамами, — Довод веский для того, чтобы оторвать задницу от поверхности родной планеты или станции. Но скажи мне, Вероника, что именно ты собираешься предпринять? Зачем мы тебе нужны? Что вообще можно сделать с пятнадцатью кораблями против всего эйнерского флота?

Вот и добрались до самого важного! Теперь нельзя ошибиться. Я поворачиваюсь к Хэлгу, сидящему рядом со мной, вижу в его глазах тот же вопрос, который мне только что задали. Ему-то ответ точно не понравится...

Чтобы объяснить капитанам свой замысел, я вынуждена начать с самого начала, пересказать всю свою историю, растолковать им суть многих явлений, в том числе и мою способность подключаться к эйнерским разговорам.

— Структура их общества очень сложная, она постоянно меняется, дополняясь новыми элементами. Но я, как программист-недоучка, понимаю ее все лучше и лучше. И сейчас, даже еще не зная всех их тайн, могу с уверенностью сказать, что корень зла находится на одной планете. Сами эйнеры называют ее Некрополь. Именно оттуда тянутся все нити, управляющие их цивилизацией. Я думаю, что как только они установят свою власть во всех обитаемых уголках галактики, они перенесут многие узлы управления, распространят их на другие звездные системы. Как только это будет сделано, мы потеряем, возможно, единственный шанс покончить с ними.

— Ты что же, предлагаешь нам взять планету на абордаж? Пройти сквозь захваченные системы, сквозь линию обороны их родного мира, которая, вне всяких сомнений, существует? Пятнадцать кораблей против всех, да? Отвага и безумие не наш профиль, детка, — капитан со шрамами усмехается, поглядывает на товарищей.

— Да, — спокойно отвечаю я ему и смех замолкает, — Пройдем к Некрополю и уничтожим те объекты, на которые я укажу. Потому что я знаю, как это сделать. Они примут нас за своих.

\* \* \*

— Так я и думал! Ты просто чокнутая! — Хэлг ходит по комнате, обхватив голову руками, — Ну какой Некрополь?! Чем ты соображаешь вообще? Откуда такие безумные идеи, Вероника?

Я сижу на единственной в комнате широкой кровати, которую нам пришлось делить прошлой, и, наверное, придется делить еще и этой ночью. Кусаю нижнюю губу, уставившись в пол. Мне и самой нелегко. Я совсем не уверена, что у меня получится так, как задумано. Сомнения терзают душу и очень хочется, чтобы кто-нибудь поддержал. Но Хэлг этого не замечает и я даю ему возможность выговориться. Пускай. Он один из тех людей, которых мне не хочется терять.

— Пойдем, покатаемся на лыжах? Я видела, у Гарсевана внизу есть несколько пар.

— Чего? — он хлопает глазами, не понимая, о чем я говорю, — Лыжи? Но я... Не умею. Вероника, не соскакивай с темы!

— Я и не соскакиваю, — примирительно поднимаю руки вверх, — Нацепим лыжи, пойдем кататься. По пути договоришь. А то мне надоело сидеть в комнате, да и когда еще представится такая возможность.

Последние слова дают ему понять, что все решено. Он может объяснять, протестовать, уговаривать, но я знаю, что ближайшие недели, а может и месяцы, мы проведем на борту корабля. Хэлг будто перегорает, мгновенно и окончательно, смирившись с тем, что будет так, как я сказала.

— Хорошо. Пойдем, покатаемся на лыжах.

За городом раскинулись фермерские поля, но сейчас они занесены снегом и можно беспрепятственно прокладывать лыжню по целине. Небольшие холмы позволяют иногда скатиться с горки, но потом снова приходится подниматься и я смеюсь над тем, как мой пилот, чертыхаясь, учится ходить «елочкой».

Взобравшись на очередную вершину, мы стоим, выдыхая белые облачка пара.

— Как много прекрасных мест, которые мы можем потерять! — я поворачиваюсь к Хэлгу, смотрю ему в глаза, — Мы не должны сдаваться. Пока есть хоть какой-то шанс, пусть даже самый маленький... Не должны!

Он кивает головой.

— Конечно. Но мне почему-то кажется, что я все меньше и меньше тебя понимаю. Ты постоянно что-то умалчиваешь, недоговариваешь. Мы отдаляемся друг от друга. Нет, ты не подумай! Я ни на что и не рассчитываю, и тот случай, в башне Саленоса...

Закрываю ему рот холодной ладонью.

— Не оправдывайся. В башне было спонтанное желание, ты в этом не виноват. А сейчас я не отстраняюсь и ничего не скрываю. Но некоторые свои мысли, поступки мне сложно объяснить даже самой себе. Я лишь знаю, что нужно делать так, а не иначе. И как только понимаю причину, сразу тебе рассказываю.

Мне очень хочется, чтобы Хэлг поверил, но за его дружелюбной улыбкой теперь прячется холодок недоверия. Я чувствую это, и все же не могу ничего изменить.

Утром к нам в комнату стучатся. Один раз, другой... Сначала мне кажется, что это сон, но реальность выдергивает из утренней дремы и теперь уже понятно, что в дверь на самом деле стучат. Вытаскиваю из-под головы Хэлга руку — во сне мы умудрились обняться. Встаю, еще мгновение сомневаюсь, не натянуть ли брюки, но открываю дверь в чем спала, в одной футболке. На пороге седой капитан.

— Мы все решили. Остальные уже отправились на корабли, я тоже через пять минут уйду.

— И... что вы решили?

— Командуй, Вероника.

Золотая лань покидает сектор пространства, в котором дрейфовала последние два дня. Но улетать из системы рано. Капитану дано поручение нигде не задерживаться и в то же время оставаться в пределах астросферы Грумбриджа.

Я почти сутки валяюсь на койке в своей каюте, то закрывая глаза, то снова открывая, записывая в блокнот то, что считаю нужным. Я прощупываю динамическую сеть эйнеров — осторожно, прерываясь порой на час и даже больше, если подозреваю, что на меня могли обратить внимание.

Картина вырисовывается все яснее и яснее: сначала нахожу один источник сигналов с характерным почерком, потом другой, вот их уже с десятком... Это каналы управляющих эйнеров, еще не альфа-биоников, но уже кое-что. Линии меняются, но, если следить за теми, кто отдает приказы, легко определить точку, в которой они пересекаются — склеп.

Нужна сноровка для того, чтобы научиться делать это быстро, однако сам порядок действий настолько прост, что его можно отработать до автоматизма. Перепроверяю все несколько раз, в других районах системы, потом составляю схему, по которой легко использовать эту технологию. Рассылаю ее на разные адреса в трансгалактической сети. Это то, ради чего мы прилетели к Грумбриджу; здесь же очередной поворот судьбы сделал мне новый подарок: вооруженная эскадра и цель. Нет больше смысла размениваться на промежуточные мишени, мы должны нанести удар по главной!

Я понимаю, что дорога, на которую сейчас ступаю, может стать последней в нашей борьбе. Не будет больше ни времени, ни возможности отвлекаться на что-то иное. И нарастающее сопротивление, пик которого придется на момент выхода к Некрополю, нужно будет преодолеть во что бы то ни стало. Найти силы и преодолеть, не дрогнуть, не испугаться!

\* \* \*

Гордон оставил Золотую лань. Я не прощалась с ним и не знаю, куда он полетел. У такого человека может быть много укрытий. Если останемся живы, если сумеем совершить задуманное, то когда-нибудь, возможно, я отыщу его. Скажу спасибо и извинюсь за то, что повлияла на его разум. Это не было преднамеренным поступком, но в какой-то момент я почувствовала, что его симпатия ко мне будто открывает лазейку к чужому рассудку, дает возможность повлиять на него.

Стою у зеркала, изможденная долгими часами бессонницы. Под глазами мешки, волосы спутаны. Я вижу перед собой то же отражение, что видела миллионы раз, но почему-то сейчас оно пугает меня. Я боюсь сама себя.

Душ, несколько часов сна. Проспала бы и дольше, но сейчас нельзя. Надо убираться из системы Грумбридж-34, мы и так находились здесь дольше, чем следовало бы.

— Наша цель?

Мы прокладываем курс с Джейкобом, Капитаном Золотой лани. Понятно, что точных координат Некрополя я не знаю, а даже если бы и знала — пройти напрямик не получится. Можно тянуть за ниточки, от одной системы к другой, но это долго и не исключены ошибки. Надо решать эту проблему более радикально. Грубо и нагло.

— Актуальное расположение эйнерских сил вам известно?

Джей снисходительно улыбается, разворачиваясь к большому сенсорному монитору навигатора.

— Мир слухами полнится. Вообще-то в нашей профессии не принято делиться ничем. Кроме этого. Пожалуйста — настоящая пиратская лощия!

На экране пестрая схема, в которой великое множество неизвестных мне обозначений. Подозреваю, что все эти знаки и закорючки остаются тайной не только для меня, но даже для военной разведки метрополии.

— Нам нужен какой-нибудь форпост, что-то вроде небольшой станции, рядом с которой нет обитаемых миров. Хорошо бы и кораблей рядом было поменьше.

— Что ж, посмотрим... Основные магистрали отмечаем сразу. А вот вдоль пограничных районов опорные пункты вполне могут быть. Вот здесь, например... Или здесь... Да, кстати — неплохой вариант! В отдалении вообще от всего. Правда, в двух часах лета еще один такой же форпост, но больше ничего.

— Прекрасно! Как он называется? Ах, простите! — стучу рукой по лбу — какие могут быть названия у эйнерской станции... — Сколько у нас, если считать все корабли, наберется людей?

Капитан почесывает затылок, разыскивая глазами нужную цифру где-то на потолке.

— Ну-у... Я так думаю, что тысяча человек наберется.

— А этот форпост? Он большой? Сколько там может быть эйнеров?

Рот у Джейкоба приоткрывается.

Каждый корабль уходит в прыжок в свое время и из своей точки: мы не должны привлекать внимание. Собираемся в стороне от цели, там, куда не должны дотягиваться эйнерские радары. Короткая переключка, сообщения о готовности. На все про все у нас полтора часа. Может, чуть больше.

— Поехали!

Совершая маневр, отпускаем часть кораблей вперед — они будут заходить на станцию с другой стороны. Скоро появляются первые сообщения: запрос о принадлежности сначала на языке менсо, потом на языке акци. Вслед за ними требование остановиться, лечь в дрейф до выяснения.

— Огонь по готовности, — Джей расслаблен, он развалился в капитанском кресле и ведет себя так, словно участвует в подобных переделках каждый день. Впрочем, это недалеко от истины.

В глубине космической тьмы уже вспыхивают огни первых выстрелов и попаданий. Я слышу, как по закрытой связи приходят сообщения: «Рядом два легких корабля... Один уничтожен... Второй пытается уйти... Уничтожен... Работаем на подавление огневых точек станции...»

Мы все ближе. Еще минута и вот уже можно разглядеть контуры вражеского форпоста. Чужой, непривычный силуэт. Корабли нашей эскадры насаждают, продавливают защитное поле мощными зарядами, срезая со станции все лишнее: антенны дальней связи, орудийные башни, дюзы маневровых двигателей...

«Мы ее почистили... Два входа, но придется резать... Начинаем вскрывать...»

Беззастенчиво, не прячась, тянусь к станции своим разумом. Ощупываю ее, хватаюсь за светящиеся линии, мелькающие между эйнерами. Улов небольшой — только один отдает приказы. Он тоже меня почувствовал, в этом я не сомневаюсь. И он боится!

— Я пойду с остальными.

— Куда? — Джей смотрит на меня удивленно.

— Туда. Наши люди не знают, кого искать и где он находится.

— А ты знаешь?

Оборачиваюсь уже у выхода из рубки, пропустив Хэлга вперед.

— Если бы не знала, нас бы здесь не было.

Экипировка у пиратов не хуже, чем у армейского спецназа, только шлемы они не носят — видимо, какой-то свой кодекс чести. Мы с Хэлгом надеваем бронепластины, вооружаемся короткоствольными автоматами, встаем чуть позади авангарда абордажной команды, которая цепочкой выстроилась у шлюза. Толчок. Свист воздуха — гибкий переход присасывается к уже вскрытому другой командой входу на станцию...

— Вперед, вперед! Бегом!

Автоматные очереди, завывание знакомых сирен — «у-о-о-у-у!», только на этот раз они не нагоняют на меня страх. Теперь мы для эйнеров ужас!

Продвигаемся по коридорам, постоянно натываясь на группы железноголовых, которые отчаянно сопротивляются. Тот, кто ведет командос с Золотой лани, постоянно на меня оглядывается и я жестами даю понять: продолжать двигаться вперед, повернуть направо, или налево... Мне кажется, что эйнеров на станции гораздо больше, чем предполагал Джейкоб, но сейчас уже поздно отступать. Только вперед!

— Сюда! — кричу я уже в голос и команда разворачивается, кто-то выбивает несколькими выстрелами дверь.

Небольшой коридор, за ним еще несколько дверей. Тут я уже не могу сказать, какая именно нам нужна. Проверяем все по очереди. Мельком смотрю на часы — почти сорок минут штурма. Надо поторопиться!

Вскрыли почти все, но альфа-бионика нигде нет. Неужели я в чем-то ошиблась? Неужели им опять удалось опередить меня, обмануть? Осталась одна дверь. В ее замок уже выстрелили несколько раз: упрямое бронированное полотно хоть и качается, но продолжает висеть на петлях. Пока стоящий впереди чертыхается, перезаряжая оружие, я отталкиваю его в сторону и с воплем бью по двери ногой. Она не выдерживает, падает внутрь помещения.

— Вот мы и нашли тебя, сволочь!

## ЗА ЧТО?

Маленькая, ничтожная тварь, забившаяся в угол помещения. Сверкающие конечности-лезвия. Темные, не как у обычных склепников, глаза-камеры. Сучит ножками, стараясь прижаться к металлической стене, но бежать эйнеру некуда.

— Мы не убьем тебя, не бойся! — это главное, что я должна ему сказать. Пусть перестанет дрожать за металлическую шкуру, нам нужно, чтобы он повиновался, — Пойдешь с нами. Предупреждаю — церемониться не станем, так что будь послушным.

Никто к нему не притрагивается, он идет сам, цокая лезвиями по металлическим плитам, в сопровождении штурмовиков, туда, куда ему указывают.

Оказавшись в рубке Золотой лани я командую:

— Уходим немедленно!

Капитан кивает головой, в то время как я нервно заламываю руки, глядя через обзорное стекло на вражеский форпост. Еще минута и станция, словно огромный цветок, раскрывается в космическом безмолвии огненными лепестками. Заряд был достаточно мощным, чтобы не осталось ничего.

— Прочь из обитаемого пространства! Как можно дальше, туда, где никого нет и быть не может! Куда не дотянутся ни радары, ни эйнерская сеть.

— Я понял тебя, Вероника, понял. Уходим всей эскадрой?

— Нет. Разлетаемся в разные стороны. Встреча через три дня в одном из ваших условленных мест. Выберите сами — в каком...

Когда-то Андрей собственноручно вскрыл пойманного эйнера. Но тот был лишь телом, набором запчастей. А у меня в руках — живой! Думающий, просчитывающий... Ужасающийся! До сих пор не могу поверить, что мы сделали это. Кажется, что все было так просто! Что это можно было сделать и раньше, но разве хоть кто-то мог посметь...

Корабли эскадры расходятся, исчезая один за другим. Теперь каждый сам по себе и нам тоже пора убираться из сектора, заполненного мелкими осколками. Скоро здесь будут другие корабли, чужие.

— Теперь за нас возьмутся всерьез, — тихо говорит Хэлг где-то за моим плечом, — Эйнеры не простят такого.

— Они и так давно взяли за нас... всерьез.

Пленник заперт в изоляторе — железном мешке, одна из стен которого представляет собой мелкоячеистую решетку. Я подхожу ближе и с удовлетворением вижу на прутьях свежие отметины: тварь пробовала решетку на прочность. Присаживаюсь на корточки, лишь в нескольких сантиметрах от прутьев. Закрываю глаза.

Страх. Ненависть. Тщетные попытки дотянуться до своих. Но мы слишком далеко, здесь не будет знакомых информационных каналов, некому отправить призыв о помощи.

«Хватит. Тебе некуда деваться. Смирись и тогда, может быть, мы будем к тебе благосклонны».

Тварь подпрыгивает на месте, быстро отползает от меня. Эйнер не ожидал услышать в своих электронных мозгах чужой голос. Теперь он не просто боится — он в ужасе! Я оставляю его, чтобы дать чужому возможность свыкнуться с тем, что кажется ему невозможным. Но скоро возвращаюсь.

— Если тебя это так пугает, я не стану без крайней необходимости касаться твоего сознания. Поговорим как люди.

Он сидит у противоположной стены, недвижимый, кажущийся неживым. Но искра жизни горит в нем.

— Как тебя зовут? Я ведь знаю — у вас есть имена. Короткие имена.

Едва заметное движение, потом снова тишина. Я жду минуту, другую. Со злостью бью левой рукой по прутьям, так, что вся решетка вздрагивает.

— Имя!

Эйнер снова начинает шевелиться. И я слышу скрипучий, неестественный голос:

— Тог.

— Отлично, Тогги. Мы сделали первый шаг и дальше, думаю, будет полегче.

— Не будет. Ничем не помогу, ничего говорить не буду.

— Будешь, родной. Будешь.

Снова закрываю глаза и уже не ограничиваюсь одним только осмотром светящегося сгустка эйнерского разума, но прикасаюсь к нему, пытаюсь ощупать невидимыми пальцами, проникнуть внутрь.

Существо взвизгивает — тонко, пронзительно, пытается перебежать из одного угла изолятора в другой, но спотыкается, запутавшись в собственных конечностях.

— Никто не поможет, Тогги. Никто тебя не найдет, никто не узнает, что ты здесь. Вашей станции больше не существует, и для своих ты погиб. Понял?

Я оставляю его, пусть подумает еще. Нельзя давить слишком сильно. Сама я не вытащу из него столько, сколько он может рассказать по доброй воле. Нужно иметь терпение.

Золотая лань висит где-то между звезд, далеко в стороне от обитаемых миров. И мерцающих точек на черном бархате космоса здесь меньше, чем в густонаселенных секторах.

Я лежу на кровати, в своей каюте, слушаю мерное бормотание Хэлга. Пилот вдруг замолкает, подходит ближе.

— Хочешь чтобы он провел нас к Некрополю? Думаешь, он сможет прикрыть, не выдаст?

Я поворачиваюсь к Хэлгу.

— Нет. Черт побери, конечно нет. Неужели ты не понял?

Сажусь, заглядываю в его наивные глаза.

— Это я вас прикрою, Хэлг. А он... — киваю головой в сторону, туда, где в трюме Золотой лани располагается изолятор, — Он только укажет маршрут.

— Прикроешь всю эскадру? — улыбается, думает, что я шучу, — Как это вообще возможно? Ты же просто человек!

— Я смогу, Хэлг. Знаю, что смогу.

Разговаривать с Тогги приходится долго. Я делаю небольшие перерывы, потом прихожу снова и говорю, говорю... Иногда смотрю на часы. Прошло больше полутора суток. Скоро надо будет уходить из этого космоса, лететь на встречу с остальными.

Надо размягчить его, спровоцировать на доверительное отношение. Я даже пытаюсь шутить и смеюсь, хотя он не отвечает на такие эмоции. Но я верю, что бионик в глубине своих виртуальных машин хранит черты живого сознания.

— Ты любил кого-нибудь? Чувствовал что-то особенное по отношению к существу, похожему на тебя?

— Не знаю, — раздается после паузы скрипучий голос, — Я люблю жизнь. Хочу, чтобы она стала лучше.

— Как лучше?

— Это под запретом.

— Тебе нечего терять. Расскажи мне!

— Совсем под запретом! Есть знания, которые заблокированы и я не могу их открыть, даже для самого себя.

Сглотнув, я встаю на ноги, распрямляю спину. «Видимо, пришел самый важный момент в нашем разговоре!»

— А дорогу домой ты знаешь? На свою родную планету?

— Конечно, — легко соглашается он, — Но вы никогда туда не попадете.



Поднимаю с пола планшет, протягиваю эйнеру сквозь узкую ячейку решетки — медленно, опасаясь спугнуть удачу.

— Покажи.

\* \* \*

Капитан и штурман внимательно изучают информацию, которую я им принесла. Иногда Джей трясет головой, отходит от навигационного терминала, тихо ругаясь, но потом возвращается и они начинают разговор с начала.

— Что мы будем с ним делать? — спрашивает Хэлг.

— С кем?

— Ты знаешь. Мы не можем просто выбросить его в космос или оставить где-то, его могут найти. И взять с собой не можем. Он же как маячок для своих, да еще и передавать начнет всякое, как только до их сети дотянется.

Хэлг прав. Я почему-то не подумала об этом. Опускаю голову, нахмурившись.

— Вероника, если хочешь, я...

— Не нужно. Сама.

Проверяю пистолет, спускаюсь в трюм. Тогги уже стоит у решетки: похоже, он ждет меня. Я не знаю, кем он был в прошлой, очень далекой жизни. Может, похожим на нас, а может — совсем другим.

— Тебя не было долго. Почему?

Молча смотрим друг на друга. И тут он все понимает. Отползает подальше, но деваться в тесной камере некуда, даже небольшому созданию.

Достаю пистолет.

— За что? Я ведь все рассказал, — доносятся скрипучие слова из полутьмы.

Нет смысла объяснять ему, тянуть время, но я все еще не могу решиться, поглаживаю пальцем спусковой крючок.

— Ты уже убивала?

Киваю в ответ.

— Тогда будет легче.

Бах!

Правая рука милосердна — точность прицеливания всегда идеальна, добивать не приходится. Сажусь на пол, уронив оружие. В ушах еще звучит скрипучий голос — «за что?» Мне надо сжать зубы и идти дальше! Не останавливаться. Не жалеть... И все же — за что?

Хэлг сразу замечает, что на моем лице тень злобы, недовольства собой. Он пытается коснуться меня, но я передергиваю плечом — «не сейчас». Сажусь на место связиста, подключаюсь к сети. Информация вываливается на меня сплошным, нескончаемым потоком. Надо во всем аккуратно разобраться, не упустить ни одной детали, ни одной мелочи, о которых можно было бы пожалеть.

Сообщение от Андрея большое, с кучей подробностей: с кем удалось связаться, о чем договориться, на кого он рассчитывает и что они могут сделать. Долго сопоставляю другие сообщения из разных миров, стараюсь скоординировать их, связать воедино общим делом. Я не придумываю им хитроумных операций, но хочу быть уверенной — в нужный момент все завертится по единой команде.

— Отправляемся, Джей.

— Куда мы летим после встречи с остальными? По маршруту железноголового?

— Нет.

Капитан смотрит сначала на Хэлга, потом на меня.

— В таком случае — куда?

— На Расцветающую!

Джейкоб согласно кивает головой, поворачивается к пульту, на ходу показывая остальным в рубке: «вперед!» Немногочисленные звезды этого пустынного сектора покидают насиженные места, уходя в противоположную сторону от траектории разворота корабля. Здесь не нужно искать удачный коридор для прыжка и мы стартуем почти сразу.

— Почему на Расцветающую? Что мы там забыли?

Хэлг сидит рядом со мной, сжимая подлокотник кресла, глядя в обзорное окно, которое будто залито жирной черной краской.

— Считай это женской прихотью. Пусть все вернется туда, откуда началось. Ну и кроме того...

— Что?

Поворачиваюсь к нему.

— Та тварь, что идет по моим следам — она на Расцветающей. Мне сообщили.

— Кто тебе мог сообщить? Никто, кроме тебя, не чувствует эйнеров! Черт, Вероника, надеюсь, ты не сошла с ума.

— Я в полном порядке.

— А если это ловушка? Если нас уже ждут там?

— Ждут... Значит, так тому и быть.

Эскадра воссоединяется в условленном месте и мы почти сразу ложимся на новый курс. По кораблям передано сообщение: «на выходе из прыжка быть готовыми к боевому столкновению». Впереди еще несколько часов полета, но я чувствую, что мои ладони уже вспотели, сердце колотится в груди. «Не стоит нервничать. Мы не убегаем! На этот раз нет... Мы сами идем в атаку и теперь заставим их играть по нашим правилам!»

Остальных кораблей в прыжке не видно, но я знаю — они рядом. Связанные одной целью, готовые ввязаться в драку немедленно. Пусть это пиратские корабли, пусть их команды привыкли жить лихими делами и даже не все они люди. Пусть. Сейчас у нас общий враг!

— Минута! — объявляет Джей и я вижу, как он сдвигает на затылок потрепанную фуражку, поправляет манжеты на рукавах, — Приготовьтесь, джентльмены!

Яркий свет звездного скопления режет глаза. Неподалеку от того места, где мы вышли в обычное пространство — зеленоватый диск планеты. А вокруг нее... Многочисленные точки эйнерских кораблей.

Слышу в наушниках чей-то восторженный вопль: не похоже, что пираты напуганы, скорее они почувствовали вкус хорошей драки и готовы поймать кураж. Только Джейкоб озадаченно смотрит то в обзорное окно, то на мониторы.

— Вероника, мы намерены тягаться с каждой железякой в системе? Не думал, что их будет столько... Или у нас есть более конкретная цель?

— Есть.

— И где же она?

— Скоро себя покажет. Пока маневрируйте, старайтесь зря не подставляться.

Глаза у меня бегают по всему видимому пространству разгорающегося сражения, я чувствую линии связи даже не прикрывая глаз, но той единственной, с характерным почерком, пока нет.

— Так не годится. Парни любому глотку перегрызут, и делать это будут с восторгом, но если у нас нет цели, следовало бы сворачиваться и...

— Делайте то, что вам сказано, Джейкоб! — кричу я на него и сама удивилась той злости, которая вибрирует в моем голосе, — И остальные пусть продолжают. Огонь и смерть — их работа, не так ли?

Свалка переходит в самую горячую стадию. Пиратские корабли — не мелкие суда гражданских, среди которых лишь резаки выделялись размерами. Каждый из пиратов заметен и не так увертлив. Хорошая броня и энергетические щиты защищают, но вражеских кораблей слишком много, попадания следуют одно за другим.

«Где же ты, тварь?» Я знаю, он ждет меня — здесь, совсем рядом! Он хочет поставить точку, расправиться с человеком, который слышит их разговоры, видит эйнерскую сеть насквозь. Но почему не показывается? Надеется, что его выход понадобится только в финале, когда нас дождут, раздавят?

— Надо растащить их.

— Понял.

Множество эйнерских кораблей устремляются вслед за пиратами, но небольшая группа во главе с легким крейсером идет прямо на Золотую лань.

— Они видят тебя, — подсказывает Хэлг.

— Конечно видят...

Джей совершает резкий маневр, уходя из-под удара, но сзади догоняют, наседают.

— Они прижимают нас к планете, — догадывается капитан, — Хотят заставить сесть на поверхность.

На моем лице играет довольная улыбка.

— Не будем их разочаровывать, кэп. Снижаемся!

Он бросает на меня быстрый взгляд, отдает команду нырять в атмосферу.

— Надеюсь, ты знаешь, что делаешь, девочка.

«Значит, альфа-бионик на Расцветающей!» Прикусив губу, я крепко держусь за подлокотники кресла, которое уже вибрирует подо мной: мы спускаемся.

Что происходит на орбите — неизвестно. Может, мы уже потеряли большую часть кораблей, а может, они продолжают сражаться. Да, силы не равны, и другой бы на моем месте подумал, что битва проиграна, ловушка захлопнулась. Но я с неистовством одержимой продолжаю верить, что все делаю правильно. Даже под взглядами Хэлга и Джейкоба, которые, верно, решили, что я повредила рассудком.

Пока не появилась поверхность планеты, успеваю набрать и отправить через терминал связи сообщение. Нас по-прежнему эскортируют, прижимая сверху и с разных сторон, заставляют садиться в заданной точке.

— Что делать?

— Приземляйтесь, что же еще?!

Корабль гасит скорость, чуть поднимаясь носом на дыбы, выпускает лапы амортизаторов и медленно опускается на бетонную площадку. Еще воют маневровые двигатели, потрескивает остывающая обшивка, а я уже мчусь вниз по лестнице, к шлюзу, ведущему вон из корабля. «Как спешащая на первое свидание».

Спрыгиваю на квадратную плиту. Светит теплое, домашнее солнце. Тихий ветерок взъерошил мне волосы. Я отхожу на два десятка шагов от Золотой лани, останавливаюсь, наблюдая, как поодаль почти бесшумно опускаются три эйнерских корабля.

— Вероника, вернись! Они убьют тебя!

Но я не слушаю Хэлга. Наблюдаю, как открывается люк в одной из вражеских машин, спускается человеческая фигура. Идет ко мне. Уверенно, непринужденно.

## **АЛЬФА-БИОНИК**

Я не знаю этого человека, никогда его раньше не видела. Человека? Нет же, всего лишь оболочку, специально выращенную для альфа-бионика. Но надо признать — оболочка хороша! Невозможно оторвать взгляд: статный, высокий мужчина, с правильным скуластым лицом. Даже повыше Андрея будет. Похоже, эйнеры выбрали биологический вид для переезда. Сегодня тела получают лишь некоторые бионики, а завтра... Завтра это будет раса существ, похожих на идеальных людей.

Он подходит совсем близко, на расстояние одного шага. Улыбаясь, протягивает руку, берет мою ладонь и, галантно поклонившись, касается ее своими теплыми губами. От этого поцелуя по телу у меня пробегает дрожь.

— Здравствуй, Вероника!

Смотрит с интересом, по-доброму, как старший брат на сестру. Но я делаю шаг назад, показывая, что не признаю в нем равного.

— Ты эйнер. Не человек. И никогда человеком не станешь!

Вздыхнув, он кивает головой.

— Это правда. Но лишь отчасти. Когда во вселенной не останется других существ, так же похожих на людей, как я, кто тогда будет считаться человеком?

Снова эта омерзительно-добрая улыбка... Нет, нет! Нельзя позволить ему вывести меня из равновесия, разозлить. Нужно сосредоточиться, быть очень внимательной. Я не могу знать, чем закончится эта встреча. Сейчас все висит на волоске: в космосе продолжается сражение, за спинами — и у меня, и у него — вооруженные соратники и боевые корабли. Да и сами мы стоим друг напротив друга, готовые в любую секунду принять удар или нанести его первым.

— Я рад, что мы, наконец, встретились. Надеюсь, ты понимаешь, что бежать больше не нужно? Все кончено. Теперь ты с нами и — поверь! — нас ждут великие дела. Я даже готов отпустить твоих друзей. Отдай им приказ, пусть улетают. Их никто не тронет.

— Зачем было искать меня? Что вам от меня нужно?

— Я все расскажу тебе, но позже. Идем на мой корабль!

Он встает вполоборота, снова протягивает руку, показывая, что приглашает за собой. Смотрит, улыбается... Я будто слышу, как где-то внутри меня тикает секундомер, отсчитывающий мгновения затянувшейся паузы. Ведь можно пойти. Можно протянуть руку, махнуть Хэлгу и остальным — пусть улетают! А меня ждет что-то удивительное, необычное, непохожее на банальную жизнь человека... Господи, откуда в моей голове такие мысли?! Спокойно, спокойно... Он только этого и добивается.

— Ты бегал за мной по всей галактике, но не мог поймать, — ступаю вперед, с вызовом приподняв подбородок, — Пока я сама не захотела встретиться. Значит, ты и все ваши склепники, бионики, вы не такие уж и всеильные.

Вижу, как его улыбка тускнеет, рука опускается. Тогда я тянусь к его красивому лицу, чтобы прошептать:

— Не можешь ты мне диктовать свои условия, эйнер. Если есть, что сказать, говори здесь и сейчас.

И тут же в голове моей взрывается бомба! Боль нестерпимая, настолько, что я даже не могу закричать, сквозь сжатые зубы раздается лишь шипение. Падаю на колени, стиснув виски кулаками. «Пойдешь с нами... Пойдешь с нами...» — пульсирует в моем сознании и кто-то будто роется в нем, так же, как я накануне ковырялась в металлической голове Тогги. «Да... Да! Я пойду! Только прекратите это!»

Из последних сил заставляю себя повернуться, чтобы взглянуть на Хэлга, стоящего у самого корабля. Рука его вытянута, в ней зажат пистолет. Дурак... С такого расстояния он скорее меня убьет, чем эйлера. Снова смотрю на своего мучителя, подняв голову. Он все так же улыбается, протягивая широкую ладонь. Моя дрожащая рука тянется навстречу...

Бах!

Пуля, угодившая в плечо красивой куклы, заставила врага отлететь от меня на пару метров и упасть на бетон. Боль в голове ослабевает и я встаю, неуверенной походкой пытаюсь вернуться к Золотой лани. Не вижу, что происходит за спиной, но выстрелы, следующие с обеих сторон, говорят сами за себя.

Кто-то бежит навстречу, падает, вместо него появляются еще люди... Наконец, меня подхватывают, помогают добраться до корабля. Оглянувшись, я успеваю заметить фигуру статного мужчины, прижимающего руку к плечу. Он уже далеко от меня, рядом с люком своей машины, но я чувствую в мозгу его присутствие. Вспышкой ярости выкидываю эйлера из своего сознания. «Пошел к черту, ублюдок!»

Меня затаскивают внутрь, поднимают по лестнице, в рубку управления, усаживают в кресло.

— С вами все хорошо?

— Хэлг... Где Хэлг? — я лихорадочно оглядываюсь по сторонам, — Где Хэлг?!

— Я здесь, — он обнимает меня, уткнувшись лбом в мои спутанные волосы, — Я здесь, Вероника.

— Взлетаем? — спрашивает Джейкоб.

— Нет!

— Почему? Они уже поднимаются! Могут ударить по нам с воздуха!

— Мы остаемся на поверхности.

Джей упирается рукой в изогнутое обзорное стекло, провожает взглядом чужие корабли, которые дружно поднимаются вверх.

— Сейчас нас накроют, — капитан снимает фуражку.

А я продолжаю всматриваться в небо, синева которого искажена защитным светофильтром. Знаю, каждый сейчас думает, что все было напрасно, что эта бессмысленная вылазка заранее обречена. Эйнеры хотели заполучить девчонку с особенными мозгами, но им не удалось взять меня живой. Значит... я достанусь им только мертвой. На что надеялась?

В искаженной синеве появляется тонкая нить белого инверсионного следа. За ней еще одна. И еще.

— Десять неопознанных целей вошли в атмосферу... Семнадцать целей... Двадцать три!

Они падают вертикально вниз, словно тонкие белые иглы, пронзившие воздух Расцветающей. Расходятся в стороны, совершая атакующий маневр, перекрывая эйнерской троице все возможные траектории. Короткий обмен ударами. Один корабль уничтожен в воздухе, другой, оставляя черный след, сваливается в пике. Третьего еще преследуют, но секунды его полета сочтены.

До нас доходит рокот взрывной волны. Мы наблюдаем, как падающая машина старается выровнять полет, ей это плохо удается и вот она уже царапает днищем бетон, высекая искры, со скрежетом переворачивается. Еще какое-то время опускаются подброшенные высоко в воздух обломки, потом остается лишь облако пыли, да столб черного дыма. Приподнимается люк. Корабль покидают те из команды, кто уцелел — два маленьких, перебирающих конечностями-лезвиями существа, и одно высокое, которое можно было бы принять за человека, если бы мы не знали, кто оно на самом деле.

— Пойдем.

— Тебе еще нельзя...

— Я в порядке! Идем вниз.

Мы спускаемся. Голова болит, но я не обращаю на это внимания. До упавшего корабля метров сто. Чуть в стороне идут на посадку те, кто его сбил — разномастные гражданские кораблики, вооруженные чем попало. Они садятся, окружая нас со всех сторон, некоторые продолжают барражировать на небольшой высоте, контролируя воздушное пространство.

Мы подходим к тому, кто лежит на плите. Встаем рядом — я, Хэлг, еще несколько человек с Золотой лани. Опускаюсь на одно колено, чтобы заглянуть в глаза умирающего организма. Он не готов к этому. Все было просчитано, распланировано, ошибка исключена. И тем не менее... Именно он лежит сейчас на бетоне, израненный, переломанный. А я смотрю на него сверху, убирая с лица волосы, которыми играет ветер Расцветающей.

— Скажи. Хотя бы сейчас. Зачем? — наклоняюсь еще ближе, так, чтобы меня уже никто кроме него не услышал, — Почему я?

Но его глаза уже ничего не видят. Остекленев, они неподвижно уставились в голубое небо.

\* \* \*

— Что там? На орбите?

Джей вытирает ладонью лоб, приподнимает фуражку. Поворачивается ко мне.

— Если верить сканерам и радарам — сущий ад! Думаю, железноголовым и в страшном сне не могло присниться, что их так прижмут!

Бросаю взгляд на большой монитор, выдающий обобщенную информацию о положении объектов над нами. Карусель из множества точек завораживает! Как это выглядит в космосе? И можно ли вообще охватить взглядом такое «поле» битвы?

— Приходит информация о столкновениях в сорока трех системах, — докладывает капитан, — И сообщения продолжают поступать. Черт, вся галактика сошла с ума! Словно по команде...

— Вероника! — в рубку заходит один из членов команды, — К тебе пришли.

— Наконец-то. Пусть поднимаются.

— Хорошо, сейчас позову.

Слышны легкие шаги — кто-то взлетает по лестнице, словно пушинка, следом тяжелая, неторопливая поступь. Я иду навстречу, уже улыбаясь, и как только первый посетитель оказывается в рубке, крепко обнимаю его.

— Молодец! Какая же ты молодец, Юлька! И ты тоже, черт лохматый! — хватаю пеллициуса за растрепанные лохмотья, — Я знала, что сможете.

Юля скромно оглядывается, стесняясь чужих взглядов, на щеках ее румянец.

— Мы нашли только пятерых. Пять таких же акци, как ты. Больше не смогли, извини. Но сейчас они там, — она показывает пальцем вверх, — с твоей схемой на руках, и эйнерам очень несладко! Думаю, железяки уже недосчитались нескольких десятков склепов и продолжают терять ключевых биоников.

Снова обнимаю девчонку, крепко прижимаю к себе. Трудно представить, чем я ей обязана...

— Идем, — тяну ее за руку в свою каюту, закрываю дверь изнутри, — Ты ведь никому не сказала?

— Только лохматому. Но мы с ним нашли общий язык, он вообще мировой парень!

Она улыбается, а я вытираю с ее щеки темные разводы.

— Это коротнуло в пульте, когда нас обстреляли на подлете к Расцветающей.

— Хорошо, что никому не говорила. Пока не стоит рассказывать им, что ты... что ты сама — эйнер.

— Я же не такая, ты знаешь! Совсем не такая, как остальные. Уверена — среди эйнеров всегда были противники войны, но нас...

Она сжимает кулаки, закрывает глаза и мне кажется, что девчонка готова заплакать.

— Нас преследовали. Стирала память, биоников переводили в склепы. Я не знаю, кем родилась, что было в моей прошлой жизни... А после того, как вселили в выращенное тело, мне стоило огромных усилий обмануть систему, сбежать, устроить свое одинокое существование в лесу.

Глажу ее по голове, стараясь успокоить.

— Конечно. Я все понимаю. Но, боюсь, остальные понять не смогут. Может быть, позже.

Юлька кивает.

У нас нет ни времени, ни возможности дожидаться исхода сражения, тем более, что пожар восстания перекидывается от одной системы к другой и пока станет ясно, чем все закончится, может пройти не один день, а то и не одна неделя.

Я знаю, что колосс сопротивления, обрушившийся на захватчиков, был создан с одной единственной целью. Среди хаоса и неразберихи из обитаемых миров должны уйти незамеченными несколько кораблей. Сколько нас будет после столкновения на орбите Расцветающей — десять, восемь? Сколько бы ни было, мы пойдем по намеченному маршруту и сделаем то, что должны.

Проскальзываем через пылающие звездные системы, в которых продолжаются широкомасштабные сражения, локальные битвы, дуэли между отдельными кораблями. Я стараюсь не замечать всего этого, но тысячи, сотни тысяч смертей, положенных на алтарь победы, провожают меня, словно барабанный бой, несущийся вдогонку эскадре...

— Ты одна все это сделала? — Хэлг протягивает мне кружку с чаем.

— Смеешься? Подготовкой занимался и Андрей, и Юлька, и чертова уйма знакомых и незнакомых людей! По-моему, даже Северский в системе Саленоса приложил руку. Но те, кто считает себя Гражданским корпусом, доверились мне. Они начали тогда, когда я сказала. Впрочем, это не сильно помогло... Можно было начать и раньше. Все равно с альфа-биоником ничего не вышло.

— Мы его уничтожили. Иначе бы он и дальше шел по твоим следам и в один «прекрасный» момент догнал бы. Неизвестно, чем бы это закончилось, если бы не случилось так, как случилось на Расцветающей.

— Да. Ты прав. Его нужно было уничтожить. Теперь впереди только Некрополь и никто нас не остановит, никто не помешает!

— Сколько до него лететь?

— Джей сказал, что понадобится несколько прыжков. В общей сложности около месяца.

— Месяц... Не протухнуть бы нам на Золотой лани от безделья! Как считаешь, Вер? Что бы нам такое придумать?

Мне почему-то становится неуютно. Отворачиваюсь, ставлю кружку на стол.

— Не знаю, что тут можно придумать.

— Было бы неплохо сбросить напряжение, накопившееся за последние дни.

Чувствую на себе его взгляд, но не решаюсь обернуться.

— Выпей что-нибудь, Хэлг. Покрепче чая. У капитана наверняка найдется.

— Выпить... Да, конечно.

Я не могу думать ни о чем, кроме Некрополя. День за днем слоняюсь по кораблю, потому что не хочу оставаться в каюте, не хочу сталкиваться с Хэлгом или с кем-то еще. Думаю о том, что нам предстоит, что еще может открыться. И о том, хочу ли я это знать. Но другой дороги нет, мы покинули обитаемые миры галактики, взяли курс на странное место, затерянное в глубоком космосе. Место, где хранят свои тайны эйнеры.

Иду по длинному коридору, вдоль стен которого тянутся двери кают. Одиночество стало моим постоянным спутником в эти дни. Меня чураются члены команды — кто-то побаивается, а кто-то и сам понимает, что Веронике не нужна компания.

Распахнувшаяся дверь чуть не задевает меня — из каюты выходит Хэлг. Это не его каюта. В дверной проем я вижу кровать и полуобнаженное тело. Юлькино тело. Кажется, она спит. Не знаю, спят ли эйнеры, вживленные в биологические организмы, но глаза у девушки закрыты, руки раскинуты в стороны, грудь мерно вздымается.

— Вероника? — он говорит шепотом, видимо, тоже уверен, что Юля спит, не хочет разбудить ее, — Что ты здесь делаешь?

— Что ты, черт побери, здесь делаешь?! — тоже шепотом отвечаю я ему.

Хэлг оглядывается на девушку, закрывает дверь.

— Я не хотел, чтобы об этом кто-то узнал. Она такая... Кажется, жизнь из нее бьет ключом. Мне хотелось этого, и она была не против, даже наоборот.

Хэлг стоит, опустив голову, словно мальчишка, которого только что поймали на воровстве яблок.

— Дурак. Ты совсем ее не знаешь. Но если вы оба хотели этого... Другого шанса у вас может и не быть. Значит, ты про нее говорил, что был бы не против сбросить энергию? Что ж, в таком случае я тоже дура...

Упираюсь спиной в стену, закрываю лицо руками, чувствуя, как краснеют щеки. «Надо же так проглядеть парня! Да еще подумать, что он собирается приставать ко мне!»

Мы оба смеемся, стараясь подавить это в себе, но смех прорывается наружу и меня не спасает даже ладонь, прижатая ко рту.

— Все!.. Все, хватит... Иди к себе, Хэлг... Иди к себе...

Может, он и прав. Надо было отдаться животным инстинктам, сбросить энергию. Когда-то мы с ним так и поступили, и мне действительно стало легче. Но сейчас все по-другому. Сейчас в моей душе продолжается барабанный бой, призывающий отбросить чувства, стать твердой, как скала, идти вперед, не обращая внимания на преграды. Где та девчушка, помогавшая отцу выращивать на ферме клубнику, рассыпающуюся на грядках кровавыми капельками? Нет ее. Канула в небытие. Жизнь изуродовала не только мою спину, но и мое сознание. Я не задумываясь пожертвовала многими, ради того, чтобы завершить дело.

Золотая лань неумолимо приближается к Некрополю. Я все меньше сплю и даже алкоголь на меня не действует. Любая прогулка по кораблю заканчивается в рубке, у изогнутого стекла, за которым черная бездна. И я могу часами смотреть в эту пустоту, пугая вахтенных бессмысленным взглядом.

## НА ГРАНИЦЕ ВРАЖЕСКИХ МИРОВ

Иногда хочется обменяться образами с лохматым — почему-то кажется, что сейчас он мне ближе, чем любой из людей. Возможно, из-за своей безэмоциональности, отрешенности от происходящего. Он лишь делает то, что должен, не отвлекаясь на радости и страдания. Но пеллициус остался на своем корабле. Я не могу связаться с ним во время прыжка, как и с другими — с теми, кто приближается к Некрополю в составе нашей маленькой эскадры.

Раз в несколько дней мы выскакиваем из гиперпространства, даем навигационным компьютерам возможность скорректировать курс и, обменявшись короткими сообщениями, снова уходим в прыжок. Весь этот полет — затянувшаяся пауза между эпизодами бесконечной борьбы. Можно было бы отдохнуть, но я не хочу. Кажется, вместо крови по венам течет бурлящая адреналиновая пена. Скорее бы оказаться на месте...

Хэлг теперь постоянно с Юлей. Странная парочка — уже немолодой пилот, который не может похвастаться острым умом, зато всегда готов подставить плечо, на которого можно положиться в любой ситуации, и юная девушка, слишком умная для человека, слишком живая для эйлера. Но они нашли друг друга, им хорошо вместе, и я стараюсь не мешать.

Пожалуй, единственный человек на корабле, который с пониманием относится к моему состоянию, это капитан. Когда мы сидим с ним в рубке, уставившись в обзорное окно, Джей наливает по стаканчику и отпускает на пару часов вахтенного, чтобы никто не мешал нам оставаться в тишине, думать о своем. Жизнь на Золотой лани продолжается и в то же время она словно замерла, застыла в ожидании скорой развязки. Все, что происходит на борту, кажется мне ненастоящим, фальшивым.

— Тебя проводить до каюты, Вероника? — он спрашивает из вежливости, каждый раз, когда я встаю и нахально ставлю пустой стакан прямо на пульт.

— Спасибо, не нужно.

На корабле почти полторы сотни человек и я до сих пор не знаю каждого в лицо. Порой на меня накатывает приступ паранойи: в каждом незнакомце видится волк в овечьей шкуре. «Ерунда! Откуда на Золотой лани мог бы появиться скрытый эйнер? Да я бы давно почувствовала его!» Но липкий страх нет-нет, да и залезет ко мне в душу, заставляя оглядываться, когда кто-то проходит мимо по коридору.

Еще один долгий день позади. День? По корабельному времени уже далеко за полночь. Я закрываюсь в своей каюте и падаю на кровать. Понимаю вдруг, что ужасно устала. Засыпаю не снимая одежды, не выключая свет...

Мне снится Андрей. Мы идем с ним по бескрайнему полю, на котором колосья спелой пшеницы волнами качаются из стороны в сторону, повинувшись порывам теплого ветра. Идем взявшись за руки, навстречу солнцу. Умиротворение и спокойствие наконец разжимают тиски, которыми страх и волнение сдавливали меня все последние дни. Теперь хорошо, теперь можно расслабиться. Что-то еще предстоит — трудное, опасное, но сейчас оно не имеет надо мной власти! Сейчас только Андрей и пшеничное поле. Он смотрит на меня, улыбается своей обезоруживающей улыбкой. Это словно лекарство, которое спасает меня от лихорадки, снимает жар нетерпения.

Не знаю, откуда пришел этот сон, из каких глубин подсознания. Почему видение явилось именно сейчас, ведь раньше Андрей мне не снился. Какая-то часть моего Я решила, что этот образ поможет обрести равновесие, подготовиться к встрече с Некрополем. И просыпаюсь я уже другим человеком. Иду в душ, наслаждаясь струями прохладной воды, потом в столовую, чтобы сесть за общий стол, а не отдельно, как в последние дни. И мне уже не кажутся подозрительными лица людей, поверивших в то, что я веду их на правое дело.

— Это был последний прыжок между обитаемыми частями галактики, — Джейкоб сверяется с маршрутом, смоделированным на навигационном компьютере, — Дальше будет пространство эйнеров.

Золотая лань вместе с остальными кораблями эскадры ложится в дрейф. Мы долго изучаем россыпь незнакомых звездных систем, простирающихся перед нами во все стороны. Радары осторожно прощупывают их, но расстояние еще слишком велико, чтобы обнаружить движение.

— Вы видели когда-нибудь построение эйнерского конвоя? — спрашиваю я у капитана.

— Конечно. Тесная, вытянутая колонна. Два или три корабля в авангарде, на некотором отдалении от основной группы, столько же замыкающих.

— Нам нужно будет выстроиться именно так. По крайней мере там, где мы будем выходить из гиперпространства.

— Первый же визуальный контакт выдаст в нас человеческую эскадру.

— Джей, космос большой. Отойди от наблюдателя дальше, чем на половину астрономической единицы, и тебя уже никакими средствами не разглядят. А на радарх мы лишь точки. Нам просто не нужно приближаться к их кораблям или станциям.

— Есть еще система распознавания свой-чужой.

— Это уже моя проблема. Я обещала вас провести, и я проведу.

Он с сомнением качает головой.

— Даже если получится, я уверен, что рядом с их планетой не удастся избежать визуального контакта. Там должна быть высокая плотность транспортных потоков, не меньше, чем рядом с Землей.

— Главное добраться до Некрополя. А уж на месте как-нибудь разберемся!

— Не люблю я эти «как-нибудь», — ворчит капитан перед тем, как отдать приказ о движении вперед.

Через несколько часов мы добираемся до первой системы, которая должна принадлежать эйнерам. Пустынный сектор, на всем протяжении которого, кажется, нет никаких признаков жизни. Но вот обнаруживаются два подвижных объекта, три... Вражеские корабли концентрируются вокруг безатмосферной планеты, пятой от звезды. Мы проходим на почтительном расстоянии, с которого нас можно нащупать лишь радаром. Никто не запрашивает позывных, но я знаю, что легко миновать первую преграду не получится.

Стараюсь отвлечься от разговоров в рубке, представляю себя одной из точек эйнерской сети. И вот вслед за нашей эскадрой тянется информационная линия, несущая в себе запрос. У меня нет времени его расшифровывать, разбирать по кусочкам. И так понятно, что это проверка принадлежности. Люди на такой запрос не должны реагировать, они его просто не заметят. Собравшись с духом посылаю ответ: «С Расцветающей, двенадцать кораблей, к Некрополю». Понятия не имею, в какой форме должна отправляться подобная информация, поэтому сокращаю ее до возможного минимума. Несколько минут я жду, что за нами последуют чужие корабли, но мы уходим все дальше и дальше и никто не бросается за нами в погоню, не посылает новых запросов.



Джей поворачивается ко мне, смотрит вопросительно. Остальные не очень хорошо представляют, как мы проходим перед носом врага в его пространстве, да их это и не интересует — главное, что прошли. И только капитан удовлетворенно выдыхает, когда я киваю на его немой вопрос: «нас пропустили!»

Будет ли так и дальше? Меня одолевают сомнения. Вряд ли можно до бесконечности обманывать эйнеров, но выбора нет — если хочу сделать то, что задумала, надо двигаться вперед. Не получится проскочить так, как сегодня, придумаю что-нибудь еще.

Мы уходим в короткий прыжок, чтобы преодолеть расстояние до следующей звездной системы. Пройдет лишь несколько часов и мне снова нужно будет прикрывать эскадру, входить в соприкосновение с вражеской сетью, посылать ответы на их запросы.

— Выпьешь? — Джейкоб достает бутылку.

— Нет, спасибо. Надо иметь ясный рассудок, — я ухмыляюсь, подумав о пьяной ячейке в сети, — представляю, как бы удивился тот железноголовый, которому пришлось бы общаться с нетрезвым коллегой.

Капитан залпом выпивает темную жидкость — его профессия не подразумевает соблюдение строгих правил.

— Как ты обнаружила в себе это?

— Что?

— Возможность слышать железноголовых.

— Я не уникальна, Джей. У Юльки тоже есть похожие способности и ей удалось разыскать еще нескольких акци, которые потом указывали Гражданскому корпусу на склепы и биоников. Просто у нашей расы, в отличие от менсо, большая совместимость с эйнерами.

— Это они тебе сказали? Эйнеры?

— А что?

— Не знаю... — Джей постукивает пальцами по панели приборов, — Как-то странно. Почему у менсо нет таких возможностей, а у вас есть? Ведь, в сущности, мы одинаковы, ничем не отличаемся.

Пожимаю плечами. Мне всегда казалось, что акци и менсо две разные расы, просто схожие внешне. Но я так думала лишь потому, что жила на отшибе и до вторжения никого, кроме соплеменников, не встречала.

— Хочешь сказать, что акци и эйнеров связывает нечто большее? Что-то, о чем мы пока не знаем?

— Это же вы их притащили в обитаемую часть галактики. Черт его знает, что было между вашими умниками и железноголовыми.

Его предположения одновременно обескураживают и пугают меня. Я никогда не задумывалась о том, как эйнеры встретились с акци, что было между нашими расами до войны. Действительно, совместимость двух разных сознаний теперь кажется подозрительной.

— Некрополь на все даст ответ, — подвожу я черту в нашем разговоре, глядя исподлобья на монитор навигационного компьютера, отмеряющего расстояние и время до выхода из гиперпространства.

Вторая система, в которой мы выпрыгиваем, заставляет нас чувствовать себя туристами, которые оказались посреди реки, кишасей аллигаторами. Корабли эйнеров повсюду! Несколько крупных станций и по меньшей мере один обитаемый мир — нас окружает чужая реальность, которая готова устремить на маленькую флотилию миллионы пристальных взглядов и сожрать нас в ту же секунду, как только мы сделаем один неверный, неосторожный шаг.

— Твою мать...

Джейкоб отдает приказы, выбирая для нас тот путь, проходя которым мы могли бы привлечь меньше всего внимания, но в то же время он поминутно оборачивается ко мне, понимая, что сейчас все будет зависеть от моего разума и того, как я смогу интегрироваться в чужую систему.

Но проходит пять минут, десять, а никто не обращается к нам, не пытается кинуть информационный сигнал для проверки на «свой-чужой».

— Не может быть, чтобы нас не заметили, — я уже открыла глаза, смотрю сквозь бронированное стекло на тысячи подвижных точек, сверкающих в лучах местного солнца.

— Здесь есть чужие корабли, не эйнерские. Может, поэтому на нас не обращают внимания? — Джей пролистывает текстовую информацию, которую выдает ему бортовой компьютер, — Это одна из пограничных систем, и, похоже, здесь полно визитеров из других частей галактики.

Но я не верю, что за нами никто не следит, не пытается установить принадлежность наших кораблей.

— Вот в чем дело! — капитан указывает пальцем в один из мониторов. Зуммирует изображение.

Мы видим грандиозную конструкцию, к которой вереницей выстраиваются корабли. Она похожа на кольцо, обод которого усыпан множеством энергетических установок.

— Что это? — я наклоняюсь ближе, чтобы лучше рассмотреть.

— Я слышал про такую штуковину. У нас тоже велись похожие разработки, но их не успели завершить до начала войны. Это разгонный гейт. Выйти из системы можно только через него.

— Почему?

— Потому что эта установка гасит волны, на которых работают все известные маршевые двигатели. Те корабли, что попадают в поле ее действия, могут уйти только через ее сердцевину. В противном случае прыгнуть не удастся.

— Она что, превращает звездную систему в ловушку?

— Точно. Поэтому они и не досматривают всех, кто сюда прилетает. Деваться некуда, все равно рано или поздно нас проверят.

— А если уйти из системы на маневровых?

— Боюсь, что гейт распространяет свое влияние никак не меньше, чем на пару сотен астрономических единиц вокруг. Для того, чтобы достигнуть этой границы на маневровых, нам понадобится несколько месяцев.

— Вот же дерьмо... Похоже, мы влипли. Послушай, Джей! Ты можешь сманеврировать куда-то в сторону, где поменьше чужих глаз? Нам нужно время подумать, оглядеться.

— Попробую. Хотя плотность здесь высокая, пустых мест мало. Да и маневрировать целой эскадрой... Не самый лучший способ остаться незамеченным!

— Ничего, авось сойдем за торговый караван.

Но передышка ничего не дает. Сколько бы вариантов спасения мы не перебирали, неизменно приходим к тому, что нужно идти сквозь сердцевину гейта. В этом случае в нас обязательно распознают боевые корабли землян, которых тут быть не должно.

— Нужно что-то решать, Вероника. Висеть в одной точке нельзя — обратят внимание.

— Хорошо, Джей, хорошо! Не торопи меня. Я думаю... Черт! — сижу в кресле, закусив кулак, потом вскакиваю и начинаю ходить по рубке, — Ладно, дай мне пять... Нет, десять минут.

— Да мне-то что. Хоть полчаса. А вот будут ли они ждать, — он кивает на обзорное окно и устало садится за пульт.

Я спускаюсь по лестнице, бегу по коридору...

Юля и Хэлг не участвуют в разборках, которые происходят в рубке. Помочь они нам не могут, поэтому запираются в каюте и ждут момента, когда понадобится участие каждого.

Чуть не проскакивая нужную дверь, останавливаюсь, дергаю за ручку...

— Хэлг, это я! Открой!

С той стороны раздаются шаги, щелкает замок.

— Что-то случилось?

Я толкаю дверь, заставляя его посторониться. Конечно, девчонка с ним. Сидит на кровати в одном исподнем.

— Хэлг! Выйди, пожалуйста. Нам с Юлей надо поговорить. Наедине.

Я даже не оборачиваюсь, не хочу видеть его расстроенное лицо. Но пилот соглашается и выходит, прикрывая за собой дверь.

— Юль, ты ведь сможешь сойти за своего? Там, среди остальных эйнеров.

— Где — там? — она удивленно раскрывает глаза и как будто даже отодвигается от меня.

— Ну, например, на космической станции. Бионик в теле человека — это лучше, чем...

— Чем кто?

Я опускаю взгляд.

— Чем человек, пытающийся изображать из себя бионика. Понимаешь, я бы пошла сама, но меня все равно раскроют, шансов на успех почти ноль. А ты рождена среди них, ты сама — одна из них.

— Да куда идти-то? Зачем? Вероника, ты меня пугаешь!

Присаживаюсь рядом с ней на кровать, кладу ладонь на ее руку.

— Юленька, послушай! Нас заперли в этой системе. Покинуть ее можно только через разгонный гейт. Я знаю, это прозвучит, как бред сумасшедшего, но... Не вижу другого выхода, кроме как проникнуть туда и отключить чертову машину!

Она хлопает ресницами, вытаскивает свою руку из-под моей.

— Вероника, ты совсем дура, да? Как я это сделаю?! Я инженер? Или, может быть, специалист по разгонным гейтам? Я понятия не имею, как он устроен и где отключается! Если вообще отключается... Вряд ли у него есть большая красная кнопка «включить-выключить». А охрана? Персонал станции? А как я туда попаду?

Но я смотрю на нее таким взглядом, что девчонка понимает — у меня есть ответы на эти вопросы. Если не на все, то на самые важные. И дело лишь в том, согласится ли она. А если согласится, то не означает ли это, что ей придется принести себя в жертву?

Юля совсем по-человечески прикрывает рот рукой. Мне кажется, что она вот-вот расплачется. Но девчонка не из тех, кто поддается эмоциям. Шмыгнув носом, она поправляет съехавшую с плеча майку.

— Если знаешь, как — говори!

## РАЗГОННЫЙ ГЕЙТ

— Я могу изображать эйлера только на расстоянии. Вблизи меня моментально раскроют. Но если бы ты послужила ретранслятором... Понимаешь, мы можем использовать их сеть против них самих. Я подключаюсь к тебе, когда ты окажешься на станции, а уже через тебя к любому из эйнеров, управляющих разгонным гейтом. Железноголовые не будут воспринимать тебя, как опасность, ведь ты одна из них.

— Вероника, как я туда попаду?

— Отправишься на челноке.

— И меня примут? Допустят до стыковки? — Юлька смотрит с сомнением.

— Я подделаю его почерк. Того бионика, который на меня охотился. Уверена — он был важной шишкой и, если мы будем держаться понаглее, это может сработать. Ты пропускаешь ко мне все их запросы и направляешь обратно мои ответы. Я знаю, ты сможешь.

— Как ты узнаешь, что им нужно приказывать, чтобы они отключили гейт?

— Мне и не нужно знать. Когда ты окажешься внутри, я через тебя найду кого-то из операторов станции и заставлю его отключить всю систему. Для этого мне не потребуются специальные знания, ведь в мозгах у эйлера они уже есть.

Юля озадаченно взлохмачивает свои волосы, запуская в них пальцы, что-то беззвучно шепчет, будто просчитывая возможные варианты.

— Разве ты способна на такое? — она смотрит на меня и я вижу в ее взгляде надежду. Надежду на то, что отвечу «нет». Она не хочет верить в то, что я могу управлять эйлерами.

— Да.

Юля встает с кровати, снимает майку, надевая вместо нее рубашку, натягивает на ноги брюки и ботинки.

— Времени у нас немного, да?

Я киваю в ответ. Завязывая шнурки, она спокойно замечает:

— А шансов на то, что я смогу покинуть гейт и вернуться на Золотую лань до того, как вы уйдете в прыжок, еще меньше.

Молчу, не желая ни подтвердить ее слова, ни обнадеживать девушку. Шансов у нее действительно мало. Но вижу, что она готова. И мне нельзя проявить слабость, дать ей право выбора. Ведь это нужно не только мне, это нужно всем — эскадре, человечеству. А может и всем разумным существам в галактике.

— Идем, — Юлька открывает дверь, тут же сталкиваясь с Хэлгом.

Несколько секунд мы стоим друг напротив друга, пилот смотрит то на меня, то на свою новую подружку. Смотрит на ее одежду.

— Нет... Нет! Что бы вы ни придумали, куда бы ты ее не отправляла, Вероника, я этого не допущу! Слышишь?! — он подходит ко мне вплотную и я вижу, что лицо его покраснело от ярости, — Хватит! Юля и так сделала для нас больше, чем могла!

— Кроме нее никому.

— Ерунда! Я сам полечу, если хочешь! На разгонный гейт, да? Черт, Вероника, ты стала какой-то...

— Какой? Ну же, говори. Бездушной тварью?

Он не хочет говорить это вслух, но и так все понятно.

— Кроме нее никому, Хэлг, — повторяю я, — И ты не сможешь ей, не заменишь ее.

— Но почему?!

Юлька хватается за рукав, затаскивая в свою каюту, а на меня смотрит так, что я понимаю — надо выйти. Дверь закрывается. Минуты уходят одна за другой, я почти физически ощущаю любопытные взгляды, которые ощупывают нашу эскадру. Сколько пройдет времени, прежде чем отправят корабли на проверку? Но я не эйнер. Хэлг не прав, во мне есть человеческое и я не пытаюсь прервать последние мгновения их близости. Упрямо жду, хотя напряжение растет, становится осязаемым.

Дверь открывается. Юля спокойна, взгляд ее холоден. Но лицо Хэлга бледнее мела: теперь он знает все. Кого станет больше ненавидеть — меня, за то, что я сейчас делаю, или ее, за то, что она не человек и молчала об этом?

— Если с ней что-нибудь случится, — его желваки на скулах непроизвольно напрягаются, — я никогда тебе этого не прощу.

«Следовало ожидать. Ну что ж, значит, так тому и быть».

Челнок отделяется от Золотой лани. Не эйнерская техника, но за годы вторжения и заимствования друг у друга технологий чужие должны привыкнуть к кораблям акци и менсо. Этот их вряд ли удивит. Весь вопрос в том, кто на борту.

— Нам оставаться на месте? — спрашивает Джейкоб.

— Да, но будьте готовы к прыжку в любой момент. Как только появится возможность, надо будет уходить.

— А она?

Он не удивлен тем, что я игнорирую его вопрос. Для капитана пиратского судна это нормально. Нет ничего особенного в том, чтобы бросить одного ради спасения остальных.

— Уйти по-тихому, наверное, не получится? Вряд ли отключение гейта сойдет за неожиданную поломку.

— Посмотрим, — я провожаю взглядом удаляющуюся искорку челнока и все еще терзаюсь сомнениями, — Остальные, кого эйнеры заперли в системе, вряд ли будут ждать, когда устранят «поломку». Многие уйдут в прыжок сразу после того, как поймут, в чем дело. Можем под шумок улизнуть и мы. Без пальбы, не обращая на себя внимания. Но может статься, что нужно будет и пострелять.

«Меня пытаются прощупать» — юлькина линия связи доносит до моего сознания чужой запрос. Сосредоточившись, я отправляю ответ, тщательно копируя почерк альфа-бионика. Ответ короткий, без лишних пояснений, которые могли бы вызвать ненужные вопросы. Проходит минута и я принимаю новое сообщение: это указание точки в конструкции гейта, где челнок может пришвартоваться. Первая преграда пройдена.

— Всем заткнуться! — я откидываюсь в кресле, закрываю глаза.

Сейчас нельзя ошибиться. Ответственность за тех, кто рядом, за девчонку, приближающуюся на челноке к разгонному гейту, ложится на меня одну. И я должна всех их вытащить! Не дать слаbinу, не испугаться, не позволить искусственному разуму обхитрить меня.

Чувствуя юлькино сознание и тот информационный поток, который тянется к ней от станции, я словно своими глазами вижу, как челнок приближается к огромной конструкции, мерцающей навигационными маячками, светящейся секциями энергетических установок. Где-то там, между этих секций, проложены технические коридоры для обслуживающего персонала и скрыт центр управления.

Показались швартовочные фермы и гибкая кишка универсального шлюза. Автопилот подставляет бок корабля, позволяя подтянуть его к станции, зафиксировать. С лязгом и свистом воздуха, выравнивающего давление, челнок стыкуется с гейтом.

Я сжимаю зубы — из-за расстояния связь с Юлей слабеет, мне приходится сильно напрягаться, чтобы продолжать чувствовать ее. Если потеряю контакт, девчонка останется один на один с железноголовыми.

Она уже внутри. Куда теперь? Направо и налево уходит бесконечный путепровод, кольцом охватывающий всю станцию. Рядом никого. Мне необходимо чужое сознание, чтобы получить информацию, но до того, как я успеваю принять решение, Юлька сама поворачивает направо, быстро идет по коридору. Хорошо, пусть будет так. Тяжелые подошвы ботинок стучат по металлическому полу, отправляя в путешествие по магистрали гулкое эхо шагов.

В ее сознании нет страха или обиды. Она просто делает то, что нужно. Хрупкое биологическое создание, похожее на нас, и в то же время разительно отличающееся. Впрочем, не знаю... Не многие люди, встречавшиеся мне в жизни, были более человечны, чем Юлька. Сейчас она против своих и я не могу до конца понять — почему?

Впереди появляется терминал, рядом с которым эйнер на странных, тройных ходах. Это не то место, которое нам нужно. Здесь слишком простая панель приборов. Оператор поворачивается, но я опережаю его, отправляю команду «продолжать работать». И следом вопрос — «где центр управления?» Он показывает схему прямо в юлькином сознании. Хорошо, мы выбрали правильное направление. Еще пять минут по коридору и она будет на месте.

Снова быстрые, гулкие шаги, все ближе к цели. Я слышу голоса в рубке Золотой лани, там что-то происходит, но я не могу на них отвлекаться, сейчас не до этого. Главное — то, что происходит на станции. Уже показалось расширение путепровода, за которым, должно быть, операционный зал и центр управления гейтом.

Вдруг сразу несколько обращений, устремленных к сознанию Юли и переданных мне. «Продолжать работать» снова приказываю я и почти все линии связи моментально обрываются. Все, кроме одной. Видимо, это старший на станции. Замечательно, он сам себя выдал! К тому времени, когда Юля входит в центр управления, я уже знаю, к кому должна обращаться.

— Приготовься, Джей, — сообщаю в рубке Золотой лани, а на эйнерской станции концентрирую свое внимание в одной точке — на чужом, искусственном разуме.

Его, обладателя этого разума, я выделяю сразу: он стоит чуть в стороне от других, занятых работой за огромным пультом. У эйнеров нет мимики и невозможно сказать, как это существо относится к появлению бионика, неотличимого своим видом от вражеской расы. Но чем ближе я тянусь к нему своим сознанием, тем сильнее чувствую недоверие, которое он излучает.

«Не было информации о служебном визите. Нужна дополнительная проверка. Оставайтесь там, где находитесь».

Он делает шаг в сторону, по направлению к пульту. И в этот момент я решаю, что медлить больше нельзя. Светящаяся точка эйнерского сознания скрывается под извилистыми щупальцами, которыми я его опутываю. Он бы испугался, если бы успел, но все мысленные процессы эйлера словно встали на паузу, я не даю образу его разума повернуться в виртуальных машинах. Чувствую, что эйнер сопротивляется, хочет вырваться из сжимающих его тисков, но еще несколько мгновений и сопротивление сломлено, он расслабляется, дает мне возможность просматривать свои искусственные извилины, листать файловую систему, составляющую его память.

Нет смысла разбираться самой, мне нужно лишь отдать приказ: «отключи разгонный гейт». Вздрогнув, эйнер подходит к пульту, точным движением вонзает одну из конечностей-лезвий в скрытую щель. Некоторые из его подчиненных оборачиваются, тянутся к нему запросами, на которые он выдает общую команду — «отключить!»

— Ты готов, Джей?

— У нас проблемы, Вероника. Поторопись!

Но все уже сделано. Слышен затихающий гул огромных машин, голубоватое сияние энергетических установок, видимое сквозь длинные, узкие окна, ослабевает, сходит на нет. Почти сразу я чувствую, как по сети в сторону гейта летят запросы. Пока Юлька здесь и транслирует меня на станцию, им никто не ответит. Но что делать дальше? У любого плана бывают слабые места, о которых не успеваешь подумать заранее... Сама Юля не удержит железноголовых в повиновении. Убить их всех? На Маргине она отказалась уничтожать склеп. Возможно, какие-то убеждения, жизненные ценности, мешают ей собственными руками убивать сородичей. Но выхода нет!

«Юля... У тебя пистолет. Нам надо уходить, прямо сейчас».

«Сначала ты хотела использовать меня и бросить. Теперь хочешь, чтобы я еще и убивала?»

«Они же склепники. Их сознания будут жить».

«Тот, что руководит остальными, автономный. Он бионик. Не самый высокопоставленный, но... Если в него выстрелить, разум умрет».

«Но у нас нет другого выхода. Времени не осталось».

— Джей, пока я контролирую гейт, пусть вся эскадра, кроме Золотой лани, уходит.

Юлька достает пистолет. Щелкает предохранителем. Мои мысли просачиваются сквозь ее разум, но я не могу сказать, о чем она думает, какие силы борются в ее голове, так похожей на голову обычной рыжеволосой девчонки. Она поворачивается к пульту и выпускает содержимое всего магазина — выстрел за выстрелом — в приборную панель, стараясь не задеть ни одного из операторов. Зал наполняется дымом, разбитая панель искрит...

«Зачем?! Это не поможет! На любой станции есть резервное управление!»

Но она уже несется сломя голову обратно по путепроводу, в сторону шлюза и челнока.

«Знаю. Но это их задержит. Хотя бы ненадолго».

Я открываю глаза. В рубке Золотой лани шумно: Джейкоб кричит на пилота, штурман кроет матом навигационный компьютер, лихорадочно выискивая коридор для прыжка. И только Хэлг, который сидит на соседнем кресле, смотрит на меня не отрываясь. Кажется, его взгляд прожигает насквозь.

— Что с эскадрой?

— Почти все ушли, — отвечает капитан, — Но нам сели на хвост, пытаются пробить защитный экран. И если попадут еще пару раз, у них это получится!

Мониторы не могут сказать мне всей правды — я не специалист, с первого взгляда не могу разобраться во всех этих разноцветных точках и линиях. Где гейт? Отошел ли от него челнок? Мне проще снова закрыть глаза, дотянуться до конопатой Юльки... Отлетели уже далеко, не могу найти точку ее сознания.

— Готовы к прыжку!

Вскакиваю, рывком подтягиваясь к мерцающим экранам.

— Где наш челнок?

— Что? — штурман растерянно смотрит то на меня, то на свои приборы, не понимая, почему меня заботит судьба маленького корытца, которая и так уже решена, — Кажется... Да, вот он!

Указывает пальцем на голубую точку, закладывающую вираж, пытающуюся догнать Золотую лань.

— Джей, разворачивайся.

— Ни за что! Во-первых, нас сейчас поджарят, а во-вторых, если я правильно понял ситуацию, гейт в любую секунду может снова включиться.

— Поворачивай, сукин ты сын!

Он смотрит на меня, сверкая глазами.

— Полторы сотни человек на борту. Вся твоя долбаная миссия на волоске. И ради одной девчонки... Поворачивать?

— Поворачивай.

Чувствую, как Хэлг сжимает мою руку. И знаю, что поступаю неправильно. Все против того, чтобы давать волю чувствам. Кэп совершенно прав: на кону жизни людей, судьба всего предприятия, а я делаю то, чего зарекалась не допускать — проявляю слабость. Почему? Хочу сама для себя остаться человеком? Жить в мире с совестью, даже если нам остались считанные минуты? Пожалуй. Все запуталось — акци, менсо, эйнеры... Но разве происхождение дает право быть человеком? Поступать по-человечески? Так, как сделала Юлька. И я не могу ее бросить!

Корабль уже совершил маневр, уклонившись от очередного удара, вышел на траекторию, пересекающую путь челнока. Сейчас мы замедляемся, чтобы дать ему возможность нырнуть в грузовой трюм. Рядом с нами нет других кораблей, которые могли бы прикрыть — они выполнили приказ, ушли в прыжок. И я, прикусив губу, наблюдаю, как Золотую лань окружают эйнерские суда. Они даже прекратили стрелять, просто держат нас на прицеле. Деваться некуда.

— Челнок в трюме. Но все пути перекрыты, — Джей поворачивается ко мне, снимает фуражку, утирает пот, выступивший на лбу, — Все!

И я понимаю, действительно — все. Сейчас снова активируют гейт. Потом... Плен? Нет! Живой не дамся. Сама, а если вдруг не хватит смелости, то с чьей-то помощью...

За бронированным стеклом вспышка. Один из эйнерских кораблей, сбитый точным попаданием, заваливается на бок, выпадая из строя. Тут же в беззвучном танце начинает кружиться другой — у него разбиты маршевые двигатели.

— Это лохматый! Его корабль!

Знакомый силуэт молнией мелькает между вражеских машин, успевая на ходу обстрелять еще трех. В сомкнувшейся вокруг нас сфере появляется проплешина, в которую, при удачном стечении обстоятельств, Золотая лань может проскочить.

— Прыжок! — командует Джейкоб.

— С места? — пилот не верит, что капитан это всерьез, но Джей тянется и сам давит на рычаги, заставляя корабль уйти в гиперпространство.

## Я ПРИШЛА ОТДАТЬ ДОЛГ!

Я выскакиваю из рубки, бегом по коридору, вниз по лестнице... Чтобы попасть в грузовой трюм, надо дождаться, когда он наполнится воздухом. Пока виртуальная стрелка на индикаторе давления ползет к зеленой зоне, я с нетерпением заглядываю в маленькое окошко бронированного люка. Там, в трюме, стоит челнок, затемненные стекла которого не позволяют разглядеть — кто в кабине?

Люк отъезжает в сторону. Я подхожу к носовой части челнока, прикасаюсь на секунду к ручке герметичной двери.

— А, черт... — железо обжигает мою ладонь нестерпимым холодом. Приходится сдвинуть рукав, дернуть за ручку, ухватив ее через ткань. Но даже так я успеваю почувствовать холод космоса.

В рубке челнока пусто.

— Юля? Юлька!

— Да здесь я, здесь. С правой стороны вышла.

Она стоит позади меня и улыбается. Невредимая, чуть растрепанная, но довольная собой. Не знаю — злится ли она на меня? Если да, то имеет на это полное право. Я не решаюсь сделать шаг навстречу, поэтому она подходит сама, обнимает меня. Наверное, у галактики есть еще шанс, если даже среди эйнеров нашлось такое существо — самоотверженное, умеющее прощать.

— Вы вернулись за мной.

— Конечно, — я глотаю ком в горле, — Конечно вернулись. Разве могло быть иначе?

Эскадра проскакивает еще несколько звездных систем. Некоторые мы минуем, находясь в гиперпространстве, в других приходится выходить в пространство реальное, но лишь на минуточку-другую, для корректировки курса. К счастью, установок, подобных разгонному гейту, на нашем пути больше не встречается. Никто не успевает остановить нас.

Но я понимаю, что информация достигнет Некрополь быстрее. Нас будут ждать. Надеяться на то, что я смогу прикрыть корабли, уже не приходится. Вступить в бой тоже бессмысленно — силы неравны.

— Как пробиться к планете?

Я смотрю на капитана Джейкоба. Старый волк, он повидал многое в своей жизни, бывал в таких передрягах, что иная война покажется в сравнении с ними легкой прогулкой. Но даже он сейчас не готов дать ответ.

— Уверен, что у тех, кто охраняет Некрополь, есть приказ открывать огонь без предупреждения. Церемониться с нами не станут, Вероника.

— Это я и сама понимаю. Но ведь должен же быть какой-то выход! Нам надо во что бы то ни стало попасть на планету...

Джей почесывает лысину, сняв с головы фуражку.

— Давай думать. Какие у нас есть преимущества? Численность? Да, это не бог весть какой плюс, и все же Золотая лань не одна — у нас по-прежнему больше десятка кораблей, есть какая-то возможность для маневра.

— Что еще?

— Послушай, ты же не планировала взять эйнерскую цитадель приступом, так? Я не знаю, на что ты вообще надеешься, но... Глядя на некоторые безумные вещи, которые не должны были случиться

и тем не менее ты их совершала, так вот глядя на все это я готов поверить, что и на Некрополе у тебя что-то получится. Тебе просто нужно попасть на планету. Лично тебе.

— Все правильно, именно этого я и хочу.

— Прекрасно! В таком случае у нас есть еще одно преимущество: эскадре не нужно садиться. Это здорово упрощает дело! Собственно, садиться необязательно даже Золотой лани. Гораздо проще выбрать самый маленький и незаметный корабль, которому легче других проскочить через все заграждения и барьеры, в то время как остальные будут отвлекать внимание на себя. Схема стара, как мир!

— Да, это верно. Вот только...

— Что? Есть какие-то сложности?

— Я, Хэлг, Юля, может еще кто-то, если выскажет желание — мы высадимся на Некрополь и, если повезет, затеряемся там. А вы? Просто отвлечь эйнеров и удрать вряд ли получится. Вам не дадут уйти.

Джей с ухмылкой надевает фуражку на голову. Кажется, в его взгляде нет ни капли страха.

— Девочка, если бы я боялся умереть в космосе от точного попадания энергетического заряда, я бы не занимался тем, чем занимаюсь. И остальные парни, которые сейчас на Золотой лани и других кораблях, тоже. Не надо переживать за наши пиратские шкуры! Мы до сих пор с вами и не отступаем. Знаешь, почему? Потому что есть ты. Есть вера в победу.

Долго выбирать корабль не приходится: самое маленькое судно в эскадре — чудное корытце пеллициуса, героя недавней схватки в системе с разгонным гейтом. За два прыжка до цели мы позволяем себе выйти из гиперпространства больше, чем на несколько минут. Надо связаться с лохматым, договориться, перейти на его корабль. К счастью, место, где мы остановились, не очень оживленное. Если нас кто и заметит, то не успеет сюда добраться: еще пара минут и мы исчезнем, растворившись в космосе.

\* \* \*

Вместе с лохматым на корабле четверо, никто к нам больше не присоединился. Тем лучше — многочисленная команда в таком деле не нужна. Я долго объясняю пеллициусу, что после посадки он может не покидать корабль, тем более, если мы сможем сесть в таком месте, где наш небольшой отряд не окажется на виду у эйнеров и не станет для них легкой добычей. Но волосатый чудак однозначно дает понять, что пойдет с нами.

— Ты планируешь хоть что-нибудь рассказать? — спрашивает Хэлг, — Или пойдешь с нами на дело, как с туристами на экскурсию?

Со вздохом отодвигаю разобранный пистолет, который следовало бы проверить и почистить, но, похоже, мне предстоит иная работа — раскладывать все по полочкам, растолковывая приятелю то, что и себе-то могу объяснить с трудом. Отшутиться не получится: на меня смотрит не только Хэлг, но и Юлька, и даже лохматый прислал вопросительный образ.

— Эйнерская сеть штука хитрая. Если потянуть за какую-нибудь информационную линию, можно перескакивать от одного узла-индивидуума к другому. Я научилась этому во сне, еще до того, как поняла суть своих видений. Забраться таким образом можно очень далеко, настолько, что ты одними только мыслями достигнешь центра паутины. И несколько раз я пыталась это сделать.

— Какая самонадеянность, — замечает Хэлг, но я понимаю, что он это не со зла, — И что-нибудь получилось?

— Нет. То есть, не совсем. До центра сети я не добралась, но видела его схему в сознаниях двух железноголовых.

— Очень интересно. Что же там? Супер-эйнер?

— Если будешь издеваться, мне придется вломить тебе левой, Хэлг. Ты знаешь, что она усиленная, мало не покажется!

— Тихо, тихо! — встречается между нами Юлька, — Еще рано убивать друг друга, за вас это сделают там... Вероника, продолжай!

Я пытаюсь успокоиться, подавить в себе вспышку гнева.

— Да, черт побери, там одна яркая точка! Можете называть его супер-эйнером, сути дела это не меняет.



— И что случится, когда мы его найдем? — Юля смотрит с надеждой, с искренней уверенностью в мои способности — можно подумать, что наши враги не часть ее народа.

— Бывают очень простые праздничные гирлянды, в которых, если не работает одна лампочка, гаснут все остальные. Эйнерская сеть, конечно, не гирлянда. Но супер-эйнер — это та лампочка, от которой зависят остальные. И я ее выкручу, чего бы мне это ни стоило!

— Вряд ли все сразу рухнет. У них наверняка есть какие-то защитные механизмы. Прости, Вер, но я уж побуду скептиком, потому что лучше усомниться в чем-то сейчас, чем в момент, когда на это не останется времени.

— Я понимаю. Да, вся эйнерская цивилизация не исчезнет. Но мы заставим их считаться с нами! Если в самом сердце Некрополя проберусь я, значит смогут пробраться и другие. Эйнеры никогда уже не будут чувствовать себя в безопасности, это тот удар, от которого невозможно оправиться!

— А еще ты хочешь взять первого среди железноголовых за горло и спросить то, что спрашивала у альфа-бионика, сбитого на Расцветающей. Так? Я же не слепой, Вероника.

Не знаю, что ему ответить. И не потому, что мне нечего сказать. Просто Хэлг прав.

— В таком случае дело за малым, — продолжает он, — Добраться до этой супер-сволочи! И я, честно говоря, даже приблизительно не представляю, как ты это собираешься сделать.

— Есть один верный способ...

Когда выходим из гиперпространства в системе Некрополя, сразу становится понятно, что мы в центре эйнерской цивилизации. И дело даже не в концентрации кораблей — их не так много, как можно было бы ожидать. Но это сверхтяжелые линкоры, рассредоточенные по всему окружающему пространству геометрически правильными группами. Вояки с Земли тоже любят парадные «коробочки», и все же никакие боевые отряды людей не сравнятся с машинерией эйнеров в идеальной четкости построения.

Здесь тоже работает гейт и Джейкоб предполагает, что даже не один. У нас нет времени проверять, сейчас главное определить расположение планеты и прорваться к ней сквозь корабли охранения. Несмотря на всю отчаянность и безнадежность нашего вторжения меня вдруг наполняет гордость за то, как смело и слаженно действует эскадра. Если эйнеры умеют удивляться, их должно изумлять упрямство, с которым люди продолжают атаковать и даже находят возможность пробиться в святая святых — звездную систему, где пульсирует центр загадочной сети.

Разбившись на несколько частей, наша эскадра заставляет сдвинуться с места сначала одну группу линкоров, потом другую... Я вижу, как навигационный компьютер показывает множество мелких точек, отделившихся от вражеских кораблей: они выпустили истребительные отряды. «Конечно, зачем стрелять из пушки по воробьям? Сейчас жалящая мошкара прижмет нас так, что деваться будет просто некуда!»

Они настигают нас через минуту. Космос расцветает огнями вспышек, взрывами гибнущих кораблей. Мне некогда жалеть людей, пришедших с нами в это мрачное место и уже расставшихся со своими жизнями. Я лишь молюсь, чтобы лохматый оказался пилотом столь же хорошим, как и старина Хэлг, чтобы он вывез нас живыми из круговерти яростной схватки.

Успеваю заметить, как большой корпус Золотой лани получает удар в бок, но корабль еще сражается и остальные тоже не сдаются, превращают в осколки один эйнерский истребитель за другим. Пеллициус закладывает умопомрачительные виражи, стараясь оторваться от орды преследующих нас врагов. В какой-то момент я уже перестаю понимать, где плоскость эклиптики, где свои, где чужие... Все вращается, резко уходит то в одну сторону, то в другую, звезды в обзорном окне пляшут с азартом ночных светлячков.

«Давай, лохматый... Я знаю, ты можешь!» Темным пятном вдруг появляется впереди планета. Она приближается, но плотный огонь заставляет нас отклониться от выбранной траектории. Кто-то бросается справа и сверху на истребители, преследующие наш корабль. Яркие вспышки за кормой и мы вдруг вываливаемся из сражения, остаемся наедине с космосом и диском планеты. Несколько эйнерских машин замечают ускользающую добычу, начинают преследование, но прежде, чем они успевают нас догнать, фора, подаренная судьбой, позволяет нам достичь Некрополя.

— Атмосфера разреженная, входить будем круто, — тихо говорит Хэлг, который хоть и не управляет кораблем, но понимает в этом гораздо больше нас с Юлькой, — Держитесь крепче!

Малиновым ореолом светятся плоскости, корабль оставляет за собой шлейф пламени. Нарастает вибрация. Нам нужно достичь поверхности как можно быстрее и корабль камнем падает с неба,

лишенного облаков. Внизу не видно ни морей, ни рек, ни горных вершин или равнинных просторов. Сплошная темнота. Что там, на поверхности Некрополя?

Появляются несколько ярких точек, которые поднимаются с поверхности. Они приближаются очень быстро, нацеливаясь на нас. Пеллициус что-то изменяет в настройках своего хитрого бортового компьютера. Ракеты противовоздушной обороны тут же теряют цель, разлетаются в стороны.

«Невидимый режим!» — хвастается мне лохматый, передавая характерные образы.

«Почему до этого не использовал?!» — возмущаюсь я в ответ.

«Вся энергия на него. Раз — и все, больше нет энергии. Только аварийный запас, чтобы не разбиться».

Корабль с трудом выравнивает полет, когда до поверхности остается метров сто. Точнее сказать нельзя — под нами по-прежнему мрак. Бросаю взгляд наверх, где прозрачный треугольник еще одного обзорного окна позволяет взглянуть на небо. Пляшущие светлячки отсюда кажутся ничтожными, а вспышки разрядов совсем не страшными.

Толчок, скрежет под брюхом машины. «Мы сели. Покинуть корабль». Лохматый дергает за ручку, поднимающую люк шлюза, но я не даю ему выйти первым, протискиваюсь вперед и спрыгиваю на твердую почву, больше похожую на скалы.

«Я пришла. И я все помню, каждый день, каждую минуту. Начиная с того момента, как потеряла сознание от выстрела парализатором и очнулась с горбом. Папа, мама, сестра... Я их больше не видела. Но я все помню. Поэтому пришла отдать долг!»

Хочется расправить плечи, чтобы окончательно сбросить с себя ощущение проклятого горба. Оно не покидало меня все это время, то и дело напомидало о себе фантомными болями и ложным чувством беспокойства, которое якобы исчезнет в тот самый момент, как только энергоблок снова соединится с телом. Ну уж нет! Этот груз останется в прошлом.

На моем лице маска с очками и фильтром. Прохладно, но температура приемлемая, а вот дышать можно только через очищающие устройства. Воздух не слишком подходит для людей. Вокруг простирается бесконечное, теряющееся в ночи поле из скальных выступов правильной, прямоугольной формы. Кажется, они разбросаны хаотично, но я не удивлюсь, если и в этом прямоугольном хаосе есть свой, непонятный нам порядок.

— Нужно уйти подальше от корабля, — из-за маски голос Хэлга звучит глухо.

Он перекидывает через плечо автомат, помогает спуститься Юле. Все вместе мы стараемся как можно быстрее убраться с места посадки. Лохматый на удивление ловко перепрыгивает через препятствия, хотя весит раза в два больше любого из нас. Мы выбираем среди выступов те, что пониже, чтобы не тратить на обход много времени.

— Чертовы камни. Здесь даже природа чокнутая.

— Это не камень, Вер.

— Что?

Хэлг на мгновение останавливается, бьет по поверхности, на которой стоит, каблуком ботинка.

— Слышишь? Металл!

Я наклоняюсь, чтобы провести рукой в перчатке по гладкому параллелепипеду, еще минуту назад казавшемуся мне каменным.

— Ничего себе... — поднимаюсь, еще раз оглядываясь по сторонам, — Сколько же здесь металла?

Поверхность планеты скрыта металлическим панцирем, под которым может быть все, что угодно. Можно ли было представить себе что-то другое, когда мы гадали — как выглядит планета? Не знаю. Но этот темный, железный шар прекрасно вписывается в мое представление о Некрополе.

— Идем! Нельзя задерживаться.

Уходим еще дальше, хотя позади не слышно воя двигателей, не видно прожекторов или отсветов от дюз маневровых двигателей. Преследователей нет. Потеряли из виду и решили, что нас уничтожили ракеты? Все может быть. Однако с эйнерами следует быть настороже: не угадаешь, где и на чем они тебя подловят.

— Это не может быть грандиозной декорацией. Я имею в виду железную поверхность, — говорю я Хэлгу, перескакивая очередное препятствие, — Что-то под ней есть и нам надо обнаружить вход.

— Не сказал бы, что я мечтаю забраться в недра Некрополя, но раз ты говоришь, что так надо...

— Вон там, впереди! — Юлька указывает рукой вдаль, — Что это может быть?

Мы вглядываемся, пока на темном фоне не удастся рассмотреть вздымающуюся вверх конструкцию. Башня? Вентиляционная вытяжка? До нее метров триста и мы преодолеваем это расстояние меньше, чем за пару минут. Подходим осторожно, осматриваясь по сторонам и держа оружие наготове.

Цилиндрическое сооружение, выходящее прямо из металлической поверхности планеты, заканчивается наконечником, похожим на большой фильтр. Я прикасаюсь к трубе и чувствую, как ее корпус вибрирует.

— Это наверняка вентиляция!

— Значит должен быть и вход в их подземное царство. А ты его не чувствуешь, Вероника?

— Стараюсь себя контролировать. Мы же не хотим, чтобы мои мозги кричали всем вокруг — я здесь!

«Нашел» — посылает мне вдруг образ лохматый.

## ЖЕЛЕЗНАЯ ПЛАНЕТА

Вход в подземелье не похож ни на одну из дверей, сделанных людьми. Это восьмигранник, закрытый плотно сомкнутыми лепестками металла. Рядом нет ни пульта, ни рычага — ничего, чем можно было бы разомкнуть лепестки.

— Юль, попробуй ты.

Конопатая подходит ближе, протягивает руку, осторожно касаясь гладкой поверхности. Но ничего не происходит.

— Да, это тебе не склеп на Маргине, — замечаю я и пытаюсь укунить ногти на пальцах, но понимаю, что в маске это сделать затруднительно, — Черт! Нам нужно попасть внутрь. Пока мы на поверхности, любой патруль будет считать нас группой диверсантов. Но если окажемся внутри... Ведь эйнеры считают, что чужие туда не могут проникнуть.

— Юля, попробуй снять перчатку, — советует Хэлг.

Она оголяет ладонь, разминает пальцы, сжимая их в кулак, наконечник касается лепестков. Сверкающие пластины вздрагивают. Почти бесшумно они расходятся в стороны, исчезая в толстых железных стенах, открывая проход в другой мир.

Юля проходит первой, я за ней. Когда проскакиваю через открывшиеся ворота, меня не покидает неприятное ощущение, что они вот-вот снова сомкнутся, превратившись для кого-то из нас в гильотину. С тревогой оглядываюсь, но все благополучно — Хэлг и пеллициус тоже внутри. Выждав еще мгновение, створки закрываются.

Мы внутри мрачного цилиндрического тоннеля, освещенного неизвестными источниками света — кажется, будто фосфоресцирует часть свода и пол под ногами. Тоннель начинается от того места, где мы стоим и уходит вдаль, сужаясь до маленькой точки. Поворачиваюсь к лохматому, посылаю ему образ: «включил на корабле маяк?»

«Включил».

«Хорошо!»

Отправляемся в путь, внимательно оглядываясь по сторонам, стараясь не ступать слишком громко. Неизвестно, что будет впереди, но я уверена — там скрывается нечто большее, чем просто катакомбы, подземелья машинной цивилизации. И мы должны попасть туда!

В месте, где тоннель расширяется, чтобы потом снова сузиться, я замечаю края блестящего металла, торчащие из стен: такие же створки-лепестки, как на входе с улицы. Видимо, гермоворота. Вдоль стены тянется красная надпись на лаконичном эйнерском языке, символы которого состоят из геометрически правильных фигур.

— Интересно, что здесь написано? Никто в свободное время эйнерский не изучал?

Хэлг раздраженно хмыкает — он напряжен и шутки пилоту кажутся неуместными. Что ж, его можно понять.

«Я знаю».

Оборачиваюсь к лохматому и, прежде, чем успеваю сообразить, что отвечать следует образами, произношу вслух:

— Ты знаешь эйнерский?! Откуда?

Остальные смотрят на меня, потом на пеллициуса.

— Чего он знает? — переспрашивает Хэлг.

— Язык эйнеров.

«Я не понимаю их и не могу говорить на этом языке, но расшифровывать символы, слова — это генетически заложено в любом из представителей моей расы».

«И что здесь написано?»

«Карантинная зона».

— Карантинная зона, — повторяю я вслух, чтобы было понятно Юле и Хэлгу.

Мы двигаемся дальше. Кажется, эта надпись никому не добавила оптимизма. Хочется вернуться на корабль и лететь прочь с проклятой планеты! Но я знаю, что это лишь человеческие эмоции — страх, мнительность... Нужно стиснуть зубы и идти вперед.

— Вера, анализатор показывает, что атмосфера в зеленой зоне, — Хэлг смотрит на гибкий экран, встроенный в рукав его куртки.

— Хорошо. Тогда к черту маски! Бросим их здесь. Если таскать за собой, будут только мешать.

— Как скажешь, верховный главнокомандующий, — отвечает он с плохо скрываемой издевкой.

В какой момент разладились наши отношения? Видимо сразу, как только он сошелся с Юлькой. Я не ревную, но мне обидно из-за того, что мы так долго были вместе, столько всего пережили в борьбе с чужими, а сейчас он отдаляется от меня из-за эйнера! Злая ирония...

Через час что-то меняется в однообразной точке, темнеющей впереди. Я всматриваюсь, пытаюсь понять — что там? Когда подходим ближе, становится ясно, что это тупик. Тоннель заканчивается еще одним шлюзом, закрытым лепестковым восьмигранником.

— Так... Давайте не будем ломиться без оглядки, — я достаю из кобуры пистолет, — Встанем ближе к левой стене, чтобы не оказаться на виду у тех, кто, может быть, стоит за этими воротами. Юля, нам снова нужна твоя рука!

— Кто бы сомневался, — девчонка подходит к восьмиграннику, оглядывается, дожидаясь, пока мы не выстроимся цепочкой, — Готовы?

Я киваю. Юлька проводит по металлу ладонью и, не дожидаясь, когда лепестки разойдутся, отпрыгивает в сторону, ближе ко мне. В первую секунду кажется, что там, за раскрывшимися воротами, продолжение тоннеля. Но я вижу, что впереди развилка, яркий свет, и... движение!

— Там кто-то есть, — шепчу я остальным, теснее прижимаясь к металлу.

Заметили с той стороны, что шлюз открылся? До развилки, где я увидела движение, не меньше сотни метров. Если не следили специально, то могли и проглядеть. Скоро узнаем!

Мы ждем минуту, другую... Невидимые датчики, фиксирующие наше присутствие, не дают воротам закрыться.

— Ну что там? — спрашивает Хэлг.

Я осторожно выглядываю. Пожимаю плечами.

— Сейчас никого не видно. Но я клянусь, что видела, как там кто-то ходил!

— Ну видела и видела, не кипятись. Мы тебе верим. Только нам все равно нужно идти дальше, правильно?

Выждав еще несколько минут, я переступаю высокий порог, делаю знак рукой, чтобы Юлька, пилот и пеллициус следовали за мной. Стараясь держаться ближе к округлому боку тоннеля, пригибаясь и выставив оружие, мы идем к развилке. У поворота поднимаю руку, призывая всех остановиться. Осторожно выглядываю... Налево... Направо... Отпрыгиваю назад, показывая, что лучше отойти.

— Ну? — шепчет Хэлг одними губами.

Показываю рукой в правую сторону, потом два пальца и перебираю ими, повернув книзу, изображая передвигающегося человечка. Хотя мы понимаем, что других людей, кроме нас, на этой планете нет.

— Что будем делать? — так же беззвучно спрашивает меня Хэлг.

Я лихорадочно соображаю. Эйнеры достаточно далеко, чтобы мы сумели незаметно от них проскочить налево. Но что там, за левым поворотом? Черт, я толком и не разглядела! Приходится снова выглядывать. Сначала в сторону врага — они по-прежнему на месте, двое железноголовых на подолах, стоят вполборота ко мне. Потом в противоположную сторону. Там один большой зал

переходит в другой, видны какие-то дополнительные входы-выходы и даже парочка лестниц, выдающих себя закручивающимися вниз перилами. Отлично! Есть куда нырнуть.

Показываю, что уходить надо будет в ту сторону. Еще раз высовываюсь, чтобы посмотреть направо. Эйнеры на своих местах, но они медленно перемещаются, контролируя проход, поворачиваясь ко мне то одним, то другим боком. Даю знак, чтобы друзья приготовились. В тот момент, когда эйнеры по-машинному синхронно готовы развернуться, мы выскакиваем из-за поворота и бросаемся в левое ответвление коридора. Не слишком разбираясь, скрываюсь в первом же проходе, попавшемся мне на пути. Сзади слышны шаги товарищей. Здесь темнее, чем в тоннеле, хотя принцип освещения тот же. Но оглядываться все равно некогда — вперед, быстрее, подалее от железноголовых!

Лестница вниз. Несколько пролетов и мы выскакиваем на площадку, нависающую, словно широкий балкон, над большим залом, похожим на промышленный цех, заставленный исполинскими механизмами. Кажется, среди этих машин тоже кто-то ходит. Неважно!

Площадка заканчивается узким проходом, за которым еще один зал — совсем небольшой, неправильной формы, со множеством выступов в стенах.

— Твою мать! — Хэлг вскидывает автомат. Прямо перед нами несколько эйнеров, я не успеваю их сосчитать — пять или семь.

Грохот автоматной очереди закладывает уши. Мы разбегаемся в стороны, стараясь укрыться за выступами. Вслед уже летят голубые заряды энергетических импульсаторов. Высовываюсь на секунду, выпуская сразу половину магазина. Над головой вспышка, разлетаются искры — один из зарядов угодил в металлическую стену совсем рядом со мной.

Я прячусь обратно, но понимаю, что надо идти напролом. Уничтожить всех, кто встал на пути! Если мы не пройдем сейчас, немедленно, то через минуту сюда подтянутся другие эйнеры и тогда все — крышка.

Упав на пол, перекатываюсь на середину зала. Мне нужна секунда, чтобы определить цели. Хэлг, продолжающий поливать врага из автомата, оттягивающий на себя внимание, дает мне эту секунду.

Бах! Бах! Бах! Бах! Кончено.

— Уходим! Быстрее!

Юлька растерянно оглядывается по сторонам: на полу множество металлических деталей — останки разбитых эйнеров. У нее тоже есть пистолет, но она его даже не вынула из кобуры.

— Скорее же! Нам надо скрыться!

Бежать приходится долго, вилляя в закоулках запутанной системы путепроводов. Иногда мне кажется, что я слышу цоканье ходовых, преследующих нас, но правда ли это, или взбудораженная страхом фантазия — понять невозможно. Пару раз успеваю заметить впереди эйнера и до того, как нас успевают обнаружить, поворачиваю, увлекая за собой остальных.

Мы останавливаемся. Стараемся отдышаться, оглядываясь по сторонам, в любую секунду ожидая нападения. Но здесь тихо. Слышен лишь гул машин, но они далеко отсюда — нагнетают воздух в систему вентиляции. Рядом виден шлюз, похожий на тот, через который мы проникли в подземелье; он расположен не в стене, а на наклонной поверхности, почти вровень с полом. Этот восьмигранник гораздо меньше, в него вряд ли смогут одновременно протиснуться два человека.

«Тут надпись, лохматый. Можешь расшифровать?»

«Специальный... Нет — аварийный. Аварийный сброс давления».

— Ребята, у нас тут аварийный сброс давления, — я киваю на шлюз, — Как насчет того, чтобы приоткрыть?

С улыбкой смотрю на Хэлга, потом на Юльку.

— Не всегда могу понять, когда ты говоришь серьезно, а когда шутишь, — ворчит пилот.

— Я серьезно.

Он крутит пальцем у виска.

— Что там за давление? Из какой системы? Ты знаешь? Я тоже нет. А если нас на части разорвет?

— Подумай лучше, Хэлг. Эйнеры не станут делать такую дырку без защиты от дурака. Если разница между той средой и этой слишком большая, шлюз просто не откроется. Но раз он тут есть, значит существует необходимость иногда выравнивать давление между служебными тоннелями, переходами, и... чем? Чувствую — там что-то большое, есть где спрятаться, да и цель наша скорее всего там, ниже этих уровней.

Он коротко, обреченно кивает.

— Собственно говоря, я давно смирился с мыслью, что живыми с Некрополя мы не уйдем. Так что дерзай.

Конопатая подходит ближе, снова снимает перчатку.

— Если все окажется плохо, я не думаю, что это вас спасет, человеки. Но можете отойти подальше.

Я стою рядом, не сделав и шага назад, с презрением глядя на восьмигранник. Только шерсть пеллициуса вздыбилась, когда Юлька протянула руку к блестящему металлу. От появившегося шипения мы дружно вздрагиваем, но оно исчезает так же быстро, как и появилось. Шлюз открывается.

В первое мгновение мне показалось, что я стою над облачным одеялом, словно изнанка тверди небесной со всеми звездами, солнцем и луной находится под моими ботинками и я смотрю сквозь дырку, проделанную в ней, на мир простых смертных, который должен быть где-то там, внизу, под клочьями белого пара.

— Да ла-адно... — Хэлг подходит ближе, присаживается на корточки, — Внутренний мир Некрополя!

Я замечаю, что сразу под нами лестница и узкий балкон.

— Ну что? Будем тут стоять, ждать? Или спустимся и посмотрим?

К моему удивлению Юля первая легко перескакивает через край отверстия, хватаясь за лестничные перекладины. Последним лезет лохматый и мне кажется, что шерсть его стоит торчком еще сильнее, чем несколько минут назад.

«Не люблю высоты» — посылает он мне сообщение.

Трудно сказать, сколько до поверхности внутреннего мира. Километр? Два? Десять? Облака закрывают все сплошной пеленой, лишь изредка между ними темнеют проплешины, но и они не дают возможности что-то разглядеть. Почти над нашими головами нависает потолок железного неба, расцветенный светящимися полосами, которые здесь заменяют свет солнца. Стена, к которой прислоняется балкон, не опускается вниз до самой поверхности, это лишь ребро на потолке-небе, выступающее вниз на несколько метров.

Вижу, что, если пройти по балкону пару сотен шагов, можно попасть в сооружение, напоминающее то ли подсобку с несколькими окнами, то ли рабочий вагончик. Другого пути нет, поэтому, дождавшись, когда шлюз закроется, мы направляемся к временному убежищу. Хэлг идет первым, выставив автомат. Он поменял почти опустошенный магазин и сейчас всем своим видом показывает — у него нет сомнений, что в вагончике нас уже ждут.

Пинком открывает дверь, заходит внутрь. Пусто. И, похоже, здесь давно никого не было. На столе и причудливом пульте неизвестного назначения толстый слой пыли. Вдоль одной из стен тянется длинная то ли лавка, то ли полка. Все это не рассчитано на эксплуатацию эйнерами, хотя бы из-за своих размеров.

Конопатая подходит к пульту, осторожно касаясь его ладонью, смахивает пыль. Глаза ее широко раскрыты.

— Я... помню это.

Она отдергивает руку, отступает на шаг, будто увидела что-то ужасное. Но потом возвращается, очищает от пыли всю поверхность пульта, уже уверенно, нетерпеливо. От ее прикосновения активируются приборы, загораются голограммы, отображающие потоки информации.

— Что это, Юля?

Она на секунду поворачивается ко мне, но взгляд у девушки чужой, не человеческий. Кажется, что она утратила понимание нашего языка и теперь ее волнует только этот пульт. Минуту она продолжает изучать его, что-то ищет. Потом находит, прижимает руку к прямоугольной площадке. Тело ее вздрагивает, Юлька закатывает глаза.

Не выдержав, Хэлг хватается за талию, поднимая в воздух как пушинку, отрывает от пульта и они вместе падают на пол.

— Юля! — он приподнимает ее голову, целует в губы, — Юля...

Конопатая снова с осмысленным взглядом и повторяет свое имя, пробуя его на вкус:

— Юля.

Она отталкивает Хэлга, садится.

— Хорошее имя, короткое. Прежнее было не таким красивым. Универсальный терминал вернул его мне, вернул все, что приказано было забыть, что заблокировали в памяти. Нас оставалось так мало,

тех, кто не был инфицирован... Мы делали все, чтобы помочь остальным эйнерам. Но они решили, что им лучше уйти в склепы. Стать виртуальными копиями, чтобы когда-нибудь найти подходящий биологический вид. А выжившие, такие, как я, представляют опасность. Ведь наши тела перенесли болезнь, но продолжали носить ее в себе. Поэтому нас оцифровали принудительно. Стерли память.

Юлька сжимает кулаки, искоса поглядывая на терминал. Мы отходим от нее на шаг, как от прокаженной.

— Значит, эйнеры стали такими из-за болезни?

Она вскидывает голову и, пристально глядя на меня, выдавливает ответ:

— Из-за вашей болезни. Акци принесли ее нам. Задолго до того, как они вступили в первый контакт с менсо.

## ВВЕРХ ПО ЛЕСТНИЦЕ

Юлька не становится нам чужой после того, как к ней возвращается эйнерская память. Для меня она человек, а не машина. Человек, который стоит с нами плечо к плечу уже много дней, который не желает смерти ни своим, ни чужим, но делает то, чего мы все от нее ждем. Да и кто для нее теперь свой? Кто чужой?

Она сидит на полу, в дальнем углу вагончика, обхватив колени руками. Смотрит в пол. Изредка зрачки ее перемещаются с одной точки на другую, но в остальном она не проявляет никакой активности. Я знаю, что сейчас происходит в ее сознании. Как забытый фильм она просматривает доселе закрытую часть воспоминаний, перебирает их по кусочкам, заново познает прожитые годы, когда еще не была похожа на конопатую девчонку.

«Мне не нравится это место» — передает лохматый, — «Мы загнали себя в ловушку. Если найдут, отступить будет некуда».

Хэлг тоже начинает нервничать:

— Ты говорила, что есть верный способ разыскать супер-эйнера. Может, следует заняться этим немедленно? Не дожидаясь, пока они первыми найдут нас?

— Подожди...

Я подхожу к Юле, сажусь рядом. С Хэлгом сейчас объясняться не хочу. Если сказать ему правду, он начнет кричать, обвинять меня в безрассудстве, да и вообще во всех мыслимых и немыслимых грехах. Нет, не сейчас. Думаю, у нас еще остается немного времени, которое не стоит тратить на споры.

— Юль, ты в порядке?

Она поднимает голову, смотрит на меня. Кажется, я замечаю на ее лице тень улыбки. Набравшись смелости, обнимаю ее за плечи, прижимаю к себе. Глупо бояться какой-то заразы, которая пожаром пронеслась в этом мире много лет назад. Во-первых, Юлька не могла перенести ее в новое тело после оцифровки, а во-вторых — она акци. Физически она ничем от меня и Хэлга не отличается.

— Ты знаешь, как все произошло?

Я смотрю на нее чуть сверху, вижу только копну рыжих волос, но по их движению понимаю, что она кивнула.

— Когда-то Некрополь назывался иначе. Гио — название, короткое как эйнерские имена. В переводе на ваш язык похоже на исток или начало. Он не был закрыт железным панцирем, все жили на поверхности. Пока не появились первые акци... Мы были на одном уровне развития, опережали вас только в биоцифровых технологиях. Когда случилась вспышка эпидемии, мы думали, что вы знаете, как поступить. Ведь вы были носителями, значит, уже пережили это когда-то. Мы просили помощи... Но акци покинули Гио, ушли в дальний космос.

Я подхожу к окну, за которым все те же кучевые облака, скрывающие от нас поверхность подземного мира. Юля спокойно продолжает:

— Был скачок в развитии. Иначе никак — или эволюционируем, ищем путь к выживанию, или всем конец. В результате мы оказались заперты в металлических телах. Прототип искусственного организма тщательно просчитывали — чтобы был функциональный, не слишком большой, но и не маленький. Нынешние эйнеры немного похожи на нас, какими мы были тогда. Но кроме этого сходства от прежнего мира ничего не осталось. Свободному обществу пришел конец. Оцифровка

индивидуумов позволила альфа-бионикам превратить цивилизацию в огромную армию. Появились склепы. Смыслом существования стал захват территорий, поиск новой биологической формы, которая была бы совместима с нашим сознанием. Впрочем, я не уверена, что теперь, когда форма найдена, альфа-бионики готовы дать каждому склепнику новое тело.

— Вас не бросили, — отвечаю я не оборачиваясь, по-прежнему глядя в окно, — В мирах акции не случилось такой эпидемии. Если мы и были носителями вируса, то не знали об этом, потому что для нас он не был опасен.

Отворачиваюсь от облаков, подхожу к конопатой.

— Юль... Те, кто устанавливал с вами контакт, не знали, чем помочь. Поэтому они приняли единственно верное решение — покинуть Некрополь. Но... Постой, разве не акции привели вас в нашу часть галактики?

— О, да! Мы встретились снова через много лет, когда вы уже вступили в войну с менсо. Вы ее проигрывали и теперь вам самим нужна была помощь. Вряд ли кто-то из акции догадался, что их новые союзники — механоиды — наследники тех самых живых существ. Альфа-бионики наслаждались бессмысленной мстостью, когда мы повернули оружие против вас самих. Знаю, это глупо... Можно было договориться, жить в мире. Среди эйнеров всегда были те, кто ненавидел войну, даже в верхушке, управляющей остальными.

— Такие, как ты?

Она горько усмехается.

— Я лишь пешка. Есть те, кто гораздо сильнее. В командовании экспедиционными корпусами, среди оккупационных властей в разных мирах... Иногда в брачных союзах, когда тот, кто связал с тобой судьбу, был против войны, а ты уже не мыслил себя без захватнических войн. Даже главный бионик приказал оцифровать свою вторую половинку, после чего она исчезла. Как и многие другие, кто хотел мира.

Я протягиваю ей руку, помогаю встать. Юля чуть бледна, но крепко держится на ногах. Чего больше в этом упрямстве и стойкости — эйнерского или человеческого? Не знаю. Может, того и другого вместе.

— Моего народа — таким, каким я его знала — больше не существует, — девчонка стягивает рыжую копну в хвост, перетягивает его шнурком, — Эйнеры превратились в кровожадную стаю, машину по уничтожению всего живого. Их надо остановить!

\* \* \*

Светящиеся полосы на потолке-небосводе начинают бледнеть, приобретают рыжеватый оттенок. В подземном мире день близится к завершению. Мы решаем остаться здесь до утра, потому что искать спуск в темноте бессмысленно и опасно. Когда уже все засыпают, я еще стою рядом с окном. Облачность редет, внизу появляются темные пятна с миллионами мерцающих огней. Там сердце эйнерской цивилизации. Я понимаю, что настал тот момент, которого так долго ждала.

Закрываю глаза, отпускаю сознание на волю. Не надо больше сдерживаться, контролировать себя. Пусть он знает, что я здесь, я пришла!

Невозможно увидеть за сомкнутыми веками тот мир, что простирается у моих ног, но сейчас непонятные мне самой возможности сознания позволяют видеть больше, гораздо больше! Переплетение нитей, которые соединяют эйнеров в единую сеть, настолько густое, что кажется, будто передо мной светится грибной мицелий. Некоторые точки ярче и к ним тянется больше информационных каналов, иные и вовсе пульсируют, как переменные звезды.

Мне хочется верить, что если я выберусь живой, то никогда больше не увижу ничего подобного. Юля права: даже если эйнеры и были другими, сейчас они превратились в механизм порабощения. И мы должны остановить их.

Легко перескакиваю от одного извилистого канала к другому, устремляясь туда, куда сходятся все нити, где расположился центр Некрополя. Успеваю почувствовать тревожные импульсы — меня заметили, пытаются отследить. Пускай! Теперь уже поздно, я среди них и через несколько мгновений найду то, что нужно.

Он находит меня быстрее.

«Ты пришла».



«Иначе и быть не могло».

«Удивительно! Каждый раз, когда тебя должны были остановить, когда мне сообщали, что тебя больше нет, ты появлялась снова, все ближе и ближе».

«Дело нужно закончить».

«Оставайся на месте, я пришлю за тобой».

Я жду, вглядываясь в ночное небо, зажатое между железным потолком и землей. Конечно, я никуда не уйду. Не существует другой возможности добраться до супер-эйнера, кроме как позволить ему захватить нас. И я знаю, что по какой-то причине все это время он надеялся увидеть меня живой. Значит, вагончик не разлетится на куски от пущенной в него ракеты, нас не расстреляют, как только доберутся до него, не выкинут вниз с огромной высоты, чтобы мы разбились. Нет. Меня доставят к Нему. А уж я позабочусь о том, чтобы Хэлг, Юлька и лохматый были рядом.

В небе появляется несколько светящихся точек, видимых невооруженным взглядом. Они приближаются, окружая вагончик.

— Хэлг, проснись.

Не сразу, но он открывает глаза.

— Что?

— Пора.

Лохматый просыпается сам — наверное, из-за наших голосов. Я толкаю Юлю и вдруг слышу за спиной ругательства, щелчок затвора. Пилот уже прицеливается в ближайшую машину, которая подлетает к нам.

— Оставь, Хэлг. Опустит автомат.

— Чего вдруг?

— Они доставят нас туда, куда нужно. По-другому бы не получилось, старина.

И тут он все понимает. Опускает оружие, смотрит на меня с плохо скрываемым презрением.

— Ты так и планировала, да? Это и есть твой «верный способ»?

Знала, что ему не понравится. Я и сама не в восторге, но выбора нет. Или так, или нечего было и пытаться.

Мы складываем оружие у входа, я приказываю всем встать у меня за спиной. Эйнерский флайер зависает у самых перил балкона, ведущего к вагончику. Открывается люк, на балкон один за другим выпрыгивают пять железноголовых, с ходоками и оружием. Они подходят ближе и тот, что идет впереди, вскидывает импульсатор. Но он не успевает выстрелить. Перехватив его волну, я заставляю эйнера вздрогнуть, уронить оружие и упасть на металлические плиты. Остальные в нерешительности останавливаются.

— Никто не умрет. Ясно? Они... — киваю головой за спину, — пойдут со мной.

Тот эйнер, что шел первым, поднимается, очухавшись, но уже не пытается лезть на рожон, отходит назад. Они пропускают нас, позволяя сесть во флайер. Машина достаточно вместительная, чтобы все смогли расположиться в ней не задевая друг друга.

Никогда не думала, что буду лететь куда-то в одной компании с вооруженными эйлерами, словно мы собрались вместе отдохнуть, отправились на охоту. Настороженно переглядываюсь с друзьями: юлькино лицо остается непроницаемым, Хэлг уставился на железноголовых, зло прищурившись, а шерсть лохматого волнами приподнимается по всему телу.

Окон нет, мы не видим, куда летим. Да и какая разница? Изменить ничего нельзя, остается лишь ждать, когда закончится полет и нас приведут к Нему. Не могу признаться себе — боюсь ли я этой встречи? Или жду ее с нетерпением? Скорее последнее. Слишком долго шла к ней, чтобы теперь бояться. Многие заплатили жизнью, чтобы я смогла попасть сюда. Нельзя обмануть их, сделать жертвы напрасными.

Вестибулярный аппарат подсказывает, что полет замедляется. Флайер вздрагивает и через секунду створка люка уже поднята вверх. Мы на просторной площадке, которую обдувает ветер. Она закреплена на боку широкой цилиндрической башни, уткнувшейся верхушкой в железный небосвод. Но любоваться красотой грандиозной конструкции некогда — нас подталкивают к темному portalу, за которым холл, сверкающий стенами из вездесущего полированного металла. Заталкивают в лифт. Сердце стучит, как паровой молот. Уже совсем скоро...

Еще один зал — на этот раз с лестницей, ведущей наверх.

— Туда пойдешь одна, — указывает мне конвойный.

— Мы останемся вместе.

— Туда ты пойдешь одна! — повторяет он с нажимом и на этот раз я понимаю, что всех четверых не пропустят.

— Иди, — тихо говорит Хэлг, — За нас не переживай.

Поднимаюсь по лестнице, ступенька за ступенькой. Она изгибается, делая плавный поворот. Звуки шагов разлетаются в необъятных помещениях, теряясь в их глубине. И вот наконец вершина мира! Стекланные стены, опоясывающие последний этаж башни, пропускают сияние забрезжившего уже рассвета.

Супер-эйнер в центре зала, на вычурном, собранном из граненых элементов троне. Он выглядит иначе, чем остальные эйнеры. Выше ростом — пожалуй, даже выше человека. Хотя с такими же руками-лезвиями, как у своих собратьев. Голубые искорки, утопленные глубоко в глазницах черепа.

— Ожидала увидеть плюшевого медвежонка?

Подхожу ближе. Пьедестал, на который водружен трон, заставляет меня смотреть на железное чудовище снизу вверх.

— Я бы не удивилась. Но так даже лучше, игрушки я ненавижу.

Он поднимается, делает шаг по направлению ко мне и я невольно отступаю, заставив себя остановиться лишь усилием воли. Лезвие тянется к моей шее, скользит по щеке.

— Ты хороша. Много о себе думаешь, но хороша. И не только телом, лицом... Слабая в Некрополе не оказалась бы. Но в этом не только твоя заслуга.

— Чья же еще?

Он обходит меня кругом, рассматривает со всех сторон.

— Я расскажу тебе. Присесть не предлагаю, тут место только для одного. Пока, по крайней мере... Слушай стоя.

Он снова садится на трон.

— Мы не любим инакомыслящих в своих рядах. Но — убивать? Нет! Это оставим людям. Для тех, кто угрожает экспансии эйнерской цивилизации, есть более гуманное наказание.

— Смешно слышать о гуманности от эйлера. И что же это за наказание? Дай-ка угадаю... Наверное, эм-м... Стирание памяти и загрузка сознания в чужое или выращенное тело.

— Не угадала.

Я удивленно вскидываю брови.

— Разве?

— Так тоже можно, но я сейчас о другом. Особо опасных мы загружаем не в пустое сознание.

Чувствую, как по спине у меня пробегают мурашки. Какая-то догадка, еще не явная, спрятавшаяся в глубине разума, шевельнулась и заставила меня вздрогнуть.

— Представь — ты все понимаешь, все чувствуешь, но ничего не можешь сделать. Это чужой организм и у него есть свой хозяин, который понятия не имеет, что в его голове развернут образ кого-то еще. Ты же наблюдаешь пробегающую мимо тебя жизнь изнутри. Годы, десятилетия — кому как повезет. А иная жизнь бывает так ужасна, что хочется покончить с этим раз и навсегда, но даже этого ты не можешь сделать!

Я облизываю пересохшие губы, оглядываюсь на лестницу. «С вами все в порядке?» — посылаю образ пеллициусу.

«Да. Но тут с десятков охранников и все стоят с направленными на нас импульсаторами».

«Осталось недолго».

Супер-эйнер как будто замечает мое замешательство, но он не понимает, что я сейчас разговаривала с одним из друзей. Ему это кажется лишь растерянностью, вызванной страхом.

— Она была очень способной, — продолжает он, — Сильной, смелой. Но своенравной. Моя Деа... Другие эйнеры не простили бы такую связь. Ее приговорили. Оцифровали и отправили образ в склеп одного из захваченных миров. А оттуда он стал транслироваться в имплант, скрытый в мозгу никчемного человека.

Пульс зашкаливает. Я сжимаю кулаки такой силой, что в бионических манипуляторах срабатывают ограничители. Хочется схватить металлическую голову твари, оторвать ее от туловища!

— Но человек убегает, чтобы появиться сначала в одном месте, потом в другом. Когда это возможно, очередной склеп обнаруживает его и синхронизирует образ. Главная копия, конечно, там, в черепной коробке. Она уже срослась с хозяином тела, дает ему подсказки и возможности, которые

человека удивляют, хотя он и продолжает считать их своими. Наконец они появляются здесь, на Некрополе! Еще одна синхронизация и вот моя Деа вернулась, она здесь...

Он поглаживает левой рукой выступ в подлокотнике трона, в котором угадывается сверкающий таким же голубым светом, как и его глаза, сервер — я видела похожие в склепе.

— Ее можно простить, она искупила свою вину. Человек нам больше не нужен. Как ты считаешь, Вероника? Нужна ты нам или нет?

Лихорадочно пытаюсь обнаружить эйнерскую сеть, но... не могу. Даже зажмурившись на секунду — ничего!

— Не бойся, человечек, мне пришла в голову идея поинтереснее. Давай договоримся. Деа привыкла быть частью тебя, так почему бы ей и дальше не остаться на этом месте? Модифицируем имплант, дадим ей больше прав, ограничим твои. Будете управлять этим милым организмом пятьдесят на пятьдесят. Ну, почти... Деа, конечно, получит больше возможностей. Все-таки это лучше, чем небытие, правда? А у меня появятся сразу две принцессы в одном теле. И тогда будет смысл самому переехать в биологическую форму, чтобы мы...

Он встает, делает шаг.

— Все вместе, — еще один шаг, — Втроем...

Внизу, уровнем ниже, что-то громко щелкает, заставляя яркие отсветы сплясать на металлических стенах странный танец. Сразу за первым щелчком следует второй, потом третий! Вспышки сливаются в праздничный фейерверк.

Супер-эйнер стоит на месте. Похоже, он растерян и не знает, что ему делать. Еще минута и все вдруг замолкает. Снизу доносятся лишь звуки возни, будто кто-то ползет по лестнице. Я вижу Хэлга и Юльку: они тащат пеллициуса за руки, его шерсть на боку испачкана красным.

— И почему я не сомневалась, что вы это сделаете? Как пеллициус? Он в...

Договорить не успеваю, в горло мне упирается лезвие. Владелец сверкающих голубых глаз стоит позади, сжимая меня в смертельных объятиях.

Хэлг поднимает импульсатор, целится, но стрелять ему страшно.

— Какие же вы глупцы! Чего хотите этим добиться? Сейчас здесь будет вся охрана дворца! Эта выходка только усугубит вашу участь. Да и все сопротивление эйнерскому вторжению — глупость. Как вы не можете этого понять?

Он пятится вместе со мной к стеклянной, закругляющейся стене.

— Думали устроить восстание во всех мирах? Вы хоть знаете, что мы разогнали ваши маленькие гражданские корабли? Они разлетелись и исчезли, их больше нет! Что теперь? Бросайте оружие и, может быть, я не стану казнить вас. А иначе эта самка умрет первой!

Сосредоточив все внимание на моих друзьях, он на секунду забывает про самку. Вырваться я, конечно, не могу, но между лезвием и шеей появляется просвет в пару сантиметров. Не раздумывая просовываю в эту щель обе руки, упираюсь ладонями в остро отточенную сталь.

Мгновенно нарастающее усилие, которое должно было отрезать мне руки и голову, скользящее движение в сторону... Что-то теплое ручейками полилось по предплечьям... Но добротный металл, выплавленный когда-то людьми на Расцветающей, выдержал. Мои бионические манипуляторы устояли.

Сжимая зубы, я медленно отодвигаю от себя лезвие, изворачиваюсь, поднырнув под него и оказавшись лицом к супер-эйнеру. Сильно толкнуть его не получилось, но он вынужден сделать шаг назад. И почти сразу раздается выстрел. Хэлг промахивается совсем немного — заряд разминусился с железной головой и разнес одно из огромных окон. Тут же в зал врывается свежий ветер, который раздувает мои волосы, приносит запах влажного воздуха.

Я поднимаю ногу и, вложив в удар все оставшиеся силы, пинаю железноголового в живот. Еще мгновение он размахивает руками, стараясь сохранить равновесие, но потом гравитация забирает тяжелую металлическую тушу. Подойдя к краю обрыва, я вижу, как нелепая, сверкающая фигурка долго падает, пока не рассыпается на множество мелких кусочков, ударившись о железную поверхность подземного мира.

Хэлг встает рядом со мной.

— Если эта тварь успела себя скопировать...

— Такие, как он, не держат сознание в склепе. Это бионик, автономный индивидуум. И он был уверен, что во дворце ему ничто не угрожает.

«Меня кто-нибудь спасет?» — передает образ лохматый, — «Жировая складка повреждена в двух местах».

Ждем несколько часов, прежде чем в системе Некрополя появляется еще одна эскадра. Пять сотен резаков, тех самых, которые «разлетелись и исчезли». Они пришли на сигнал маяка, установленного на корабле лохматого, миновав эйнерские системы, чтобы не оказаться в одной из ловушек. Уничтожить все линкоры резаки не могут, но первого же столкновения достаточно, чтобы эйнеры осознали — такие потери им не нужны. И это последний бой, после которого по галактике эхом разлетается: «война окончена!»

Впрочем, ни я, ни мои друзья еще ничего не знаем. Мы остаемся на последнем этаже башни железноголовых. До тех пор, пока внизу не раздаются шаги.

Хэлг, оставив на мгновение раненого пеллициуса, поднимает автомат. Даже Юля, до конца не желавшая ни в кого стрелять, сейчас стоит рядом с ним, сжимая в руке захваченный импульсатор. Они не знают человека, который поднимается по ступенькам. Можно ли верить, что это вообще человек, не бионик?

Бросив свое оружие, подхожу ближе. Я точно знаю — кто он. И спустя много дней, недель, месяцев позволяю себе стать слабой, расплакаться, обнимая его окровавленными руками.

— Андрюшка...

\* \* \*

Крутой кипяток скрывает чайный пакетик, заставляя воду окрашиваться в насыщенный рубиновый цвет. Две ложки сахара, долька лимона. Я стою у распахнутого окна, подставив лицо теплomu морскому бризу. С улыбкой наблюдаю, как по пляжу носится Хэлг, убегая от ребятишек: у них с Юлей уже двое — мальчик и девочка. Лохматый предложил им поселиться здесь, на своей родной планете, где осталось совсем немного представителей рода пеллициус.

— Нам стоит почаще прилетать, — оборачиваюсь, смотрю на Андрея, который еще лежит в кровати с закрытыми глазами. Но я знаю, что он проснулся. Ветерок долетел и до него, разбудил, — Хочешь чаю?

— Лучше кофе, — он встает, подходит ко мне, обнимает за плечи, — Нам с тобой не на чужих смотреть надо. Семь лет прошло, пора бы уже...

— Пора, — соглашаюсь я. Но за эти годы у нас не было возможности думать о семье, о детях.

Я протягиваю Андрею кружку и мы выходим из дома, построенного специально для гостей. Босыми ногами по песку, до линии прибоя. Вокруг на многие километры ни одного жилища — пустота и спокойствие. Умиротворение, возможное только наедине с природой. Но вот я замечаю вдали изящную женскую фигуру: она приближается, следуя вдоль изгиба желтого пляжа. Бежит легко, уверенно, позволяя волнам накатываться на ступни ног, когда они касаются земли.

— Она вчера прилетела? — спрашивает Андрей.

— Да, вечером.

За нескольких метров до нас светловолосая бегунья переходит на шаг, останавливается. Я приветственно киваю ей.

— Доброе утро, Деа.

— Доброе, Вероника! И тебе тоже, Андрей.

Она потягивается, восстанавливает дыхание. Замечаю ее взгляд, устремленный на кружку, которую я держу в руках.

— Чай с лимоном. Хочешь? Был горячий, сейчас чуть остыл.

С благодарностью принимает от меня напиток, делает глоток. Я уже успела опустошить кружку на треть, но Деа это не смущает. В конце концов мы несколько лет были с ней одним целым.

— Я оставляю вас, — Андрей знает, что гостя хочет поговорить со мной наедине, поэтому уходит к Хэлгу.

— С чем прилетела, Деа? Какие новости?

Прежде, чем ответить, она с удовольствием, почти с жадностью допивает чай.

— Позавчера закрыли последний склеп, — протягивает мне кружку, — Спасибо!

Мы смотрим вдаль, на океан, волны которого неспешно накатываются на сушу. Так было миллион лет назад и, кажется, будет продолжаться еще миллион лет. Наше молчание словно провожает эпоху, наполненную болью и страданием множества разумных существ.

— Теперь все тесно взаимосвязаны. Мы такие же, как и вы, — говорит она.

— Эйнеры и люди?

— Да. Но они будут выбирать — кто поведет их дальше. Все эти годы мы с тобой были на виду и за нами пойдут многие.

— Пусть каждый решает для себя сам. У них есть трансгалактическая сеть, опыт самоорганизации.

— Но кто будет контролировать коллективные решения? Гражданский корпус?

— Почему нет? Можно ли допустить, чтобы разумные снова отдали власть чиновниками, военным, спецслужбам? Супер-эйнеру? Пусть даже тебе или мне?

Особенно бурная, пеннистая волна докатывается до наших ног.

— Нет.